

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

9
ТОМ

2011

1
номер

Часть 3

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,

Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,

Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,

Бортник Е.М., кандидат экономических наук, профессор,

Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,

Кетова Н.П., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,

Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,

Солдатов И.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,

Юрков А.М., кандидат экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240-96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Грошева Т.А. Экономические и социальные стабилизаторы периода экономического роста России	7
Мирзоян В.А. Смысл труда и проблема мотивации	15
Иванова Н.Е. Развитие новейших институциональных форм поддержки инновационной деятельности в России	20
Айларова З.А. Когнитивная категоризация источника конкурентных преимуществ функционирования фирм	24
Доля В.Е. Эффективная коррупция как инструмент обеспечения стабильного положения российских компаний на рынке	29
Моргоев Б.С. Нанотехнологический уклад как объект экономико-теоретического анализа.	34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Капелист Е.И. Проблемы в области терминологической базы, используемой в системе внутреннего контроля и аудита и пути их решения	38
Сорокина О.Г. Формирование профессиональных компетенций специалистов крупных отраслевых корпораций на основе концепции управления знаниями (на примере ОАО «Российские железные дороги»)	42
Лаврентьев В.В. Социальная и экономическая сущность малого и среднего предпринимательства отозвана 22.09.23	
Глушенко П.В. Информационные технологии в экономике: актуальные аспекты формирования и применения систем электронного документооборота в управлении.	51
Павленко Н.В. Проблемы повышения эффективности деятельности участников хлебопродуктового мезокомплекса	56
Ипп С.Л. Модернизация эколого-экономической политики с учетом эндогенного инновационного процесса	60
Суворова Е.С., Зайков В.П. Основные цели, факторы, методологические предпосылки формирования государственной региональной политики по развитию санаторно-курортных зон на современном этапе	67
Деружинская М.П. Методические аспекты оценки кредитоспособности предприятия.	71
Селиванова А.Г. Развитие российских автодилерских центров как экономических субъектов рынка услуг	76
Щипанов Э.Ю. Проблемы формализации критерия установления регулирующих условий земледельческого производства	80
Белобровый П.В. Новые грани теории принятия управленческих решений на основе применения методов причинно-следственной теории	85
Коблев Р.М. Совершенствование процессов управления конкурентными преимуществами санаторно-курортных организаций	88

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Шараева Е.О. Региональная политика как фактор эффективного реформирования экономики	93
Ионов Н.Ю. Модернизация системы управления рисками коммерческих банков	97
Левченко С.В. Структура функционально-ресурсного обеспечения управления трансформационными процессами региональной хозяйственной системы	102
Папшуов А.А. Земельный комплекс как форма использования ресурсов в агроэкологической подсистеме региона на примере Карачаево-Черкесской Республики.	106
Василенко Д.М. Перспективы развития рынка банковских услуг в Ставропольском крае	110
Вильчинская О.В., Храбров Е.А., Гусев Е.А. Устойчивое и комплексное социально-экономическое развитие: государство, регион, муниципальные образования.	114
Саиев З.А. Проблемы развития социальной сферы Чеченской Республики (на примере реализации приоритетных национальных проектов «Образование» и «Здоровье»)	120
Алиева Е.М. Кластерный подход как инструмент структурной перестройки производственной сферы экономики Чеченской Республики	125
Петрова Е.М. Проблемы оценки и сравнения социально-экономического развития муниципальных образований.	129
Исмаилов А.С. Роль социального фактора в экономическом развитии регионов России	134

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Стасев М.А.** О некоторых инструментах защиты национальных интересов России на внешних рынках 138
- Солонина С.В., Ромашенко О.В.** Институциональная парадигма трансформации британской финансовой системы в условиях посткризисного развития мировой экономики. 144
- Абади Мохаммед М.** Малые страны в условиях глобализации. 148

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Закарьяева З.М.** Интеграционные процессы в системе «наука плюс образование» 152

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

- Ганичев И.В.** Особенности регионального нормотворчества, регулирующего эколого-правовые отношения 156
- Быкина М.В.** Проблемы взыскания убытков в гражданском праве Российской Федерации 160
- Карнушин В.Е.** Понятие владения в Концепции развития гражданского законодательства. 163
- Вздорова Л.П.** Процессуальная самостоятельность следователя 166

 Федеральная служба
 по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
СВИДЕТЕЛЬСТВО
 О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-34982 от 16 января 2009 г.

Название TERRA ECONOMICUS («ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ»)

Адрес редакции 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М.Горького, д. 88, к. 211

Примерная тематика и (или) специализация *Научные и учебно-методические публикации по широкому спектру экономических дисциплин; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский, английский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42)

Заместитель Руководителя А.А. Романенков

Заместитель начальника
 Управления разрешительной
 работы в сфере СМИ А.Л. Колоницкий

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "О средствах массовой информации".
 Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

007857

Журнал «Экономический вестник Ростовского государственного университета» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС77-13577 от 20 сентября 2002 г.

СМИ перерегистрировано в связи с изменением названия и сменой учредителя 16 января 2009 г.

Заместитель Руководителя

А.А. Романенков

Заместитель начальника
Управления разрешительной
работы в сфере СМИ

А.Л. Колоницкий

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТАБИЛИЗАТОРЫ ПЕРИОДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ

ГРОШЕВА Т.А.

кандидат экономических наук, доцент,
Югорский государственный университет,
e-mail: tgrosheva@mail.ru

В статье рассматривается роль механизмов социально-экономической стабилизации в условиях экономического роста. Предлагаются различные подходы к классификации автоматических стабилизаторов. Проводится анализ налоговых и социальных стабилизаторов России периода экономического роста 2000–2008 гг. Характеризуются новые глобальные вызовы и возможности трансформации социально-экономических стабилизаторов в современной России.

Ключевые слова: социально ориентированная экономика; экономическое развитие; фискальная политика; встроенный стабилизатор.

The article reveals the role of socio-economic stabilization mechanisms in conditions of economic growth. Various approaches to classification of automatic stabilizers is considered. The analysis of tax and social stabilizers in the period of economic growth in Russia 2000–2008 is carried. The new global challenges and possibilities of transformation of social and economic stabilizers in Russia is characterized.

Keywords: socio-oriented economy; economic development; fiscal policy; automatic stabilizer.

Коды классификатора JEL: E62, O11.

Кратковременное резкое снижение цен на энергоносители, вызванное мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. сменилось постоянным и уверенным ростом. Уже сейчас цены на нефть достигли докризисного уровня и продолжают подниматься. С учетом последних событий в Японии прогнозы о цене в 200 долл. за баррель не кажутся такими фантастическими, очевидно, что Россию ждет очередной долларовый дождь, а мировую экономику новый кризис. В складывающихся условиях весьма актуальным становится анализ уже разработанных и успешно опробованных в период экономического роста 2000–2008 гг. механизмов управления социально-экономической системой России, а так же тех изменений, которые вызваны новыми, проявившимися в последние годы, вызовами.

Для современной социально-экономической системы характерно многообразие методов, форм и инструментов государственного регулирования. Подобное многообразие побуждает экономистов к использованию различных классификационных подходов. Различаются в частности методы: административные и экономические; прямые и косвенные; фискальные и монетарные; дискреционные и недискреционные. Под дискреционной политикой понимается политика оперативного управления, которая применяется в изменяющихся экономических условиях. Недискреционные меры следует рассматривать как меры автоматического управления, позволяющие избежать, либо сгладить негативные социально-экономические процессы. Недискреционные механизмы экономического регулирования принято называть встроенными стабилизаторами.

В регулировании современной социально-экономической системы, сталкивающейся в последние годы с все новыми финансовыми, социальными, экологическими и природными вызовами, недискреционные механизмы приобретают решающее значение, а практика их использования претерпевает существенные изменения:

- 1) разрабатываются и внедряются новые стабилизаторы;
- 2) проблематичным является отказ от уже действующих стабилизационных механизмов;
- 3) возникает мощный социальный эффект стабилизации, трансформирующий социально-экономические системы стран;

- 4) осуществляется постепенный переход с национального на международный (глобальный) уровень распространения данных механизмов.

Экономические потрясения первой половины XX века обусловили необходимость активного вмешательства государства в регулирование экономических процессов. Воздействие государства на социально-экономическое развитие, система мер антициклического характера (мер компенсации, предназначенных для поддержания устойчивости) предусматривали среди прочего использование «встроенных механизмов гибкости». Обобщая предложения в области фискальной политики конца сороковых годов XX века, американский экономист, представитель неокейнсианства Элвин Хансен обосновывает теоретическую концепцию автоматических стабилизаторов [12, гл. 28]. В его исследовании «Экономические циклы и национальный доход» (1951 г.) прогрессивный подоходный налог, система страхования от безработицы, поддержание цен на фермерскую продукцию представляют собой механизмы, который в состоянии глушить циклические колебания, автоматически реагируя на изменение состояния социально-экономической системы и не требуя сознательного управления.

Разрабатывая теорию хозяйственных порядков и принципы взаимосвязанной экономической политики, представитель Фрайбургской школы Вальтер Ойкен в работе «Основные принципы экономической политики» (1950 г.) предлагает систему прогрессивных налогов рассматривать не как инструмент «препятствующий чересчур активному накоплению», а как механизм корректировки процесса распределения [7, с. 390].

Вслед за немецкими теоретиками социального рыночного хозяйства (А. Мюллер-Армач, Л. Эрхард и др.) экономическую систему большинства развитых стран второй половины двадцатого века стали называть социально ориентированной рыночной экономикой (СОРЭ).

Наиболее распространенным в современной экономической литературе является определение СОРЭ как хозяйственного порядка, в котором главенствует рыночный принцип координации экономической деятельности, сочетающийся с развитой системой социальной защиты населения. Отвечающие потребностям данной системы, механизмы стабильности включают меры уравнивания, призванные обеспечить не просто сглаживание амплитуды циклических колебаний, но и определенное социальное выравнивание. В качестве социальных стабилизаторов рассматриваются гарантии бесплатного образования, налоги на наследство и дарение, а также меры регионального выравнивания [4, с. 11]. Таким образом, стабилизаторы должны использоваться уже не только как относительно эффективные антициклические меры, но и как элементы социальной ориентации экономики.

От механизмов управления современной социально-экономической системой требуется обеспечение дополнительно к экономическому и социальному прогрессу еще и «устойчивого развития», что предполагает необходимость приведение в равновесие потребностей человека, возможностей окружающей среды и условий действия конкурентного рынка. Устойчивость может выражаться в сдерживании экономической активности и потребления текущих поколений в пользу будущих. Дополнительной функцией социально-экономического стабилизатора становится выравнивание расходования ресурсов во времени. В качестве одного из механизмов обеспечения устойчивости рассматриваются стабилизационные фонды.

Можно сделать вывод, что к социально-экономическим стабилизаторам современная экономическая теория относит прогрессивные подоходные налоги, налоги на наследство и дарение, пособия по безработице, систему бесплатного образования, меры регионального выравнивания (районные коэффициенты, северные надбавки и льготы в РФ), дотации сельхозпроизводителям, меры поддержки предпринимательства и стабилизационные фонды.

Проведенный теоретический анализ позволяет заключить, что объединяющими признаками всех социально-экономических стабилизаторов являются:

- 1) фискальный характер — в общем случае все стабилизаторы можно подразделить на налоговые (формирующие доходы государственного бюджета) и трансфертные (относящиеся к бюджетным расходам);
- 2) стабилизирующая роль — воздействие на циклические колебания ВВП и уровень его дифференциации; за счет данных механизмов могут сглаживаться не только текущие, но и межвременные дифференциации (расходы текущих и доходы будущих поколений);
- 3) автоматическое управление — выступая в качестве инструментов управления макроэкономическими процессами, данные механизмы введены в хозяйственную практику и не требуют от правительства принятия оперативных мер (отсутствуют временные лаги дискреционной фискальной политики). Параметры «стабилизаторов» длительное время могут оставаться неизменными.

Для дальнейшего анализа проведем классификацию рассматриваемых стабилизационных механизмов. С позиции бюджетной системы стабилизаторы можно подразделить на налоговые и трансфертные (рис. 1):

Рис. 1. Виды основных социально-экономических стабилизаторов

В соответствии с выполняемой стабилизирующей функцией можно выделить:

- 1) экономические стабилизаторы — обеспечивают сглаживание амплитуды циклических колебаний и являются, соответственно, стабилизаторами экономического роста;
- 2) социальные стабилизаторы — оптимизируют текущие экономические дифференциации, способствуют социальной стабильности;
- 3) стабилизаторы устойчивости — сглаживают межвременные дифференциации, сдерживают расходы нынешних поколений и сохраняют (создают) потенциал роста доходов будущих поколений.

Поскольку конкретный стабилизационный механизм может выполнять либо одну, либо одновременно несколько функций, постольку следует различать универсальные и специфические стабилизаторы. Так, например, исключительно социальным стабилизатором выступают налоги на чистую стоимость богатства, а универсальным является система страхования по безработице.

Эффективность управления социально-экономической системой можно увеличить, не только управляя параметрами, но и комбинируя стабилизаторы с учетом национальной специфики. В общем случае механизм их действия будет сводиться к следующему:

- 1) На стадии экономического подъема рост реального ВВП сопровождается увеличением занятости и общего уровня цен, «маятник рынок-государство» склоняется в пользу рынка, экономические дифференциации усиливаются, сокращается дефицит (или формируется профицит) государственного бюджета, возникает опасность «провала рынка» и «излишних» государственных расходов. В этот период задачей стабилизаторов является поддержание невысоких темпов прироста потребительских расходов и инвестиций, а также связывание сверхрасходов государства в краткосрочном периоде, формирование условий роста совокупного предложения в долгосрочном периоде (наращивание промышленного и инновационного потенциала) и регулирование уровня экономических дифференциаций.
- 2) На стадии рецессии реальный ВВП и уровень занятости сокращаются, государство за счет экстренных перераспределительных и регулирующих мер усиливает свое влияние, возникает опасность «провала государства» [13, с. 136–137] и резкого увеличения бюджетного дефицита. Стабилизаторы должны способствовать росту экономической активности, реализации ранее созданного экономического потенциала, сохранению социальной стабильности и покрытию непредвиденных (дополнительных) бюджетных расходов.

Период экономического роста (2000–2008 гг.) в России характеризовался становлением системы стабилизационного воздействия, специфика которой, причины и последствия использования или отказа от применения отдельных социально-экономических стабилизаторов являются предметом дальнейшего анализа.

Прогрессивное подоходное налогообложение физических лиц в общем случае выполняет функции как экономического, так и социального стабилизатора. Ограничивающими факторами его использования

является сложность администрирования и масштабный теневой сектор. На стадии экономического роста увеличение предельной налоговой ставки сдерживает рост располагаемых доходов населения, ограничивает «излишние» сбережения, выполняет социальную функцию, регулируя экономические дифференциации, и обеспечивает прирост государственных налоговых доходов. На стадии спада стабилизатор действует в противоположном направлении.

Высокие издержки администрирования, низкая фискальная эффективность и «излишняя» сдерживающая функция в условиях необходимости стимулирования инвестиционной активности — основные причины отказа от прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц в РФ (2001 г.). В результате налоговые механизмы не сдерживали, а стимулировали экономический подъем России (1999–2008 гг.), обеспечивая высокие темпы роста, как потребительских расходов, так и налоговых поступлений в бюджет (табл. 1).

Таблица 1

Динамика отдельных макроэкономических показателей в России (1999–2008 гг.)

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ВВП (в % к предыдущему году)	106,4	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	107,7	108,1	105,6
Максимальная налоговая ставка подоходного налога с физических лиц (в %)	35	30	13	13	13	13	13	13	13	13
Поступления по налогу на доходы физических лиц в бюджетную систему РФ (млрд руб.)	115,7	174,2	255,5	357,1	455,3	574,0	707,4	929,9	1266,1	1665,6
Поступления по налогу на доходы физических лиц в бюджетную систему РФ (в реальном выражении, в % к предыдущему году)	125,2	109,0	123,7	121,4	113,8	112,9	111,1	120,6	121,7	116,1
Поступления по налогу на доходы физических лиц в бюджетную систему РФ (в % к ВВП)	2,4	2,4	2,9	3,3	3,4	3,4	3,3	3,5	3,8	4,0
Реальные располагаемые денежные доходы населения (в % к предыдущему году)	88,0	112,0	108,7	111,1	115,0	110,4	112,4	113,5	112,1	102,9

Источники: данные Министерства финансов РФ, Федеральной службы государственной статистики, Федеральной налоговой службы.

Усиление фискальной значимости налога на доходы физических лиц (НДФЛ) с отменой прогрессивной шкалы сопровождалось существенным ростом личных располагаемых доходов населения — на 7–15% в год в постоянных ценах. Аналогичные показатели в Германии за тот же период — 0,2–1%, США 2–4%, Япония 1–2%, Франция 0,5–3% [10]. Определенная прогрессивность «плоской шкалы» в России сформировалась за счет легализации части доходов в условиях усиления налогового надзора и внедрения системы налоговых льгот и вычетов [9, с. 29–31] что позволило частично снизить налоговую нагрузку граждан со средними доходами и смягчить проблему социальной «несправедливости».

В условиях замедления экономического роста стимулирующая функция НДФЛ с одной из самых низких налоговых ставок в мире очевидна, однако проблема социальной «несправедливости» плоской шкалы является крайне острой и активно обсуждается в научных кругах России (Ю. Шмелев, В. Иноземцев, М. Делягин и др.).

Приверженность плоской шкале современное российское правительство сохраняет. К результатам ее внедрения следует отнести и повышение эффективности работы налоговых органов, формирование у населения «культуры» налогового декларирования (за счет внедрения системы налоговых вычетов), а также увеличение социальной ответственности бизнеса.

Альтернативными прогрессивной шкале подоходного налогообложения социальными стабилизаторами считаются имущественные налоги, обеспечивающие выравнивание стартовых условий экономической деятельности. Однако сложность и высокие затраты на администрирование, низкий фискальный эффект, определенные противоречия с конституционными правами затрудняют их использование. Налог на чистую стоимость богатства взимается, например, только в 14 странах мира [6, с. 30], а в современной России данный налог, также как и отмененные с 2006 г. налоги на наследование и дарение, отсутствует.

Ключевым социально-экономическим стабилизатором России являются налоги, база которых привязана к цене торгуемых товаров, и одновременно установлен норматив резервирования части налоговых доходов в специально созданных фондах. В фазе экономического роста высокий уровень мировых цен обеспечивает повышение налоговой нагрузки предприятий-экспортеров. Данный налоговый стабилизатор позволяет сдерживать рост доходов фирм, «излишнее» инвестирование и чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов, сглаживает экономические дифференциации, существенно увеличивает налоговые доходы государства, одновременно ограничивая и государственные расходы. На стадии спада при изменении внешних экономических условий адекватно работающий стабилизатор сокращает нагрузку на нефтяной сектор (в России), а накопленные запасы в резервных фондах компенсируют госбюджету падение налоговых доходов. Определенные ограничения использования данного стабилизатора связаны с непредсказуемостью динамики мировых цен на энергоносители (в основном об этих торгуемых товарах идет речь) и с противоречивостью механизма управления средствами стабилизационных фондов.

Стабилизационный фонд в общем случае предполагает наличие механизмов формирования, управления и использования. Фонд формируется за счет перераспределения налоговых поступлений от экспортно-ориентированных предприятий. Сдерживающая функция фонда в условиях экономического роста очевидна, особенно при условии размещения средств в иностранные активы. Стимулирующая роль в фазе кризиса заключается в возможности сохранения (и даже усиления) программ социальной защиты, создании рабочих мест, повышении промышленного и научно-технологического потенциала — тех антикризисных мероприятий, осуществление которых без расходования средств фонда было бы крайне затруднительным. Дискуссионный вопрос по управлению средствами фонда разрешим при четком определении целей его создания. Аккумулирование конъюнктурных доходов на случай кризисной ситуации должно предполагать наличие определенного набора мер экономической политики по «сглаживанию» кризисных явлений и адаптации социально-экономической системы к новым реалиям.

Стабилизационный фонд Российской Федерации, основанный 1 января 2004 г., с февраля 2008 г. разделен на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Резервный фонд РФ предназначен для покрытия дефицита государственного бюджета, а Фонд национального благосостояния — дефицита Пенсионного фонда РФ. До середины 2008 г. механизм стабилизационных фондов обеспечивал аккумуляцию денежных средств и «связывание излишней ликвидности». За период с 2005 по 2007 гг. по данным Минфина РФ [8] средства Стабилизационного фонда расходовались только на погашение внешних долговых обязательств (647,4 млрд руб. — 2005 г., 604,72 млрд руб. — 2006 г. и 33,73 млрд руб. — 2007 г.); покрытие дефицита Пенсионного фонда РФ (30 млрд руб. — 2005 г.) и капитализацию институтов развития — внесение имущественного взноса РФ в уставный капитал «Внешэкономбанка» и «Российской корпорации нанотехнологий» (300 млрд руб. — 2007 г.).

В 2009 г. Резервный фонд стал выполнять функции стимулирующего финансового стабилизатора, обеспечивая восполнение выпадающих бюджетных доходов и покрытие дополнительных бюджетных расходов. Из Резервного фонда за 2009–2010 гг. [2] перечислено около 4060 млрд руб. на финансовое обеспечение сбалансированности федерального бюджета, около 180 млрд руб. на обеспечения нефтегазового трансферта и 24,5 млрд руб. на финансирование дефицита бюджета Фонда социального страхования РФ. Наличие резервных средств позволило российскому правительству в 2009–2010 гг. не только продолжить выполнение ранее взятых на себя социальных обязательств, но и запланировать усиление отдельных социально-экономических стабилизаторов — увеличение размера пособий по безработице, повышение государственных расходов на образование и введение системы мер поддержки малого бизнеса.

Международная практика свидетельствует о том, что за счет использования комплекса налоговых стабилизаторов можно сформировать относительно эффективное антициклическое и социальное управление. В России периода экономического роста правительство использовало наиболее легкие в администрировании и наименее укрываемые «нефтегазовые» налоги. Это позволило создать «подушку безопасности» в условиях отсутствия традиционных налоговых стабилизаторов (прогрессивных подоходных и имущественных налогов) и в период экономического спада избежать экстренных корректировок существующей налоговой системы. Стабилизационные фонды не только сработали как относительно эффективные антициклические меры, но и создали материальную основу для значительного усиления социальной стабилизации, необходимость которой для российского общества очевидна.

Универсальным стабилизационным механизмом, связанным с расходными обязательствами государства, является эффективно действующая система страхования по безработице. При условии неизменности ее основных параметров (реального размера пособия и максимальных сроков его выплаты) в фазе роста реального ВВП повышение реальной заработной платы, снижение уровня замещения и сокращение числа безработных формирует бюджетный профицит (неокейнсианский подход). При рецессии сокращение занятости увеличивает госрасходы, а сокращение фонда оплаты труда снижает поступления социальных налогов. В качестве социального стабилизатора пособие по безработице со средним уровнем замещения и высокой долей регистрируемых безработных оказывает сдерживающее воздействие на экономические дифференциации. А активная политика перекалфикации безработных (особенно в период кризиса) может рассматриваться как государственные инвестиции в человеческий капитал, формирующие основы

устойчивого развития. Ограничивающими факторами использования системы страхования по безработице является снижение мобильности рабочей силы и иждивенчество.

Статистические данные по России характеризуют отечественную систему страхования по безработице как относительно эффективный экономический и малоэффективный социальный стабилизатор (табл. 2).

Таблица 2

**Отдельные социально-экономические индикаторы системы страхования по безработице
в России 1992–2008 гг.**

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
	Тысяч человек (на конец года)								
Занятые	71171	64055	65273	67152	67134	68603	69157	70814	70603
Безработные	3889	6684	7059	5683	5775	5208	4999	4246	5289
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости	578	2327	1037	1639	1920	1830	1742	1553	1522
Безработные, которым назначено пособие	371	2026	909	1305	1624	1570	1522	1305	–
	Рублей								
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	6000	472400	2223	5498	6739	8555	10634	13593	17226
Среднемесячный размер выплат по безработице	1000	98600	403	830	715	990	1070	1005	–
Минимальный размер пособия (на 1 января)	МРОТ	МРОТ	МРОТ*	100	100	720	720	720	781
Максимальный размер пособия (на 1 января)	–	–	–	ПМ**	ПМ	2880	2880	2880	3124
Прожиточный минимум	1900	264000	1210	2112	2376	3018	3422	3847	4559
	Процентов								
Отношение численности зарегистрированных безработных к общей численности безработных	14,9	34,7	14,8	28,7	33,3	35,1	34,8	36,7	28,8
Отношение среднего размера выплат по безработице к средней заработной плате — уровень замещения	16,4	20,9	25,5	15	10,6	11,6	10,0	7,4	–
* МРОТ — минимальный размер оплаты труда									
** ПМ — прожиточный минимум									

Источники: данные и расчеты по данным Федеральной службы государственной статистики и Министерства здравоохранения и социального развития.

Анализ приведенных в таблице данных показывает, что за период экономического роста в России численность как общих, так и регистрируемых безработных постепенно сокращалась, средняя заработная плата повышалась, а средний размер пособия практически не изменялся. В результате для государства данный социальный трансферт становился все менее обременительным. Это позволяет сделать вывод об относительной эффективности системы страхования по безработице как сдерживающего экономического механизма. Однако в условиях, когда большинству получателей пособия оно назначалось в минимальном размере (в 2006 г. 70,9% безработных получали минимум), а фактический уровень «замещения» снизился к 2007 г. до 7,4%, очевидна и низкая эффективность системы как социального стабилизатора. Именно этим объясняются экстренные меры российского правительства в конце 2008 г., направленные на увеличение размера выплат безработным и усиление социальной значимости системы страхования по безработице.

Повышение величины минимального и максимального размера пособия по безработице с 2009 г. до 850 и 4900 руб. соответственно не привели к существенным изменениям в российской системе страхова-

ние по безработице. По данным за 2010 г. [3] общее число безработных составляет 5,6 млн чел., а уровень регистрируемой безработицы к общей численности безработных — 34%.

Действие системы бесплатного образования как стабилизационного механизма в период экономического роста в России было значительно ослаблено. Рост реальной заработной платы обусловил повышение альтернативных издержек обучения в средне-специальных и высших учебных заведениях. С другой стороны, низкий уровень регистрируемой безработицы не способствовал развитию системы курсов по переподготовке и повышению квалификации. Государственные расходы на образование в России периода экономического роста составляли от 3 до 4% ВВП, в то время как в большинстве ведущих стран мира на тот же период 5–8% ВВП [11]. Учитывая важность социальной составляющей данного стабилизатора, существенное увеличение числа бюджетных мест в учебных заведениях России с 2009 г. является вполне закономерной реакцией правительства на экономический кризис.

Следует отметить, что все остальные трансфертные стабилизаторы, указанные на рисунке 1, в России к началу экономического спада были либо крайне ослаблены (меры регионального выравнивания), либо находились в стадии формирования (например, меры поддержки приоритетных отраслей в рамках особых экономических зон).

Министр финансов А. Кудрин, характеризуя инструменты экономической политики России 2009 г., в качестве адекватно работающих встроенных стабилизаторов упоминает исключительно налоговые сборы в нефтяном секторе [5, с. 22]. Высокая нефтезависимость национальной экономики и благоприятная ценовая конъюнктура рынка нефти позволили данным налогам автоматически оказывать существенное сдерживающее воздействие в период экономического роста и стимулирующее на стадии спада. Одновременное резервирование средств в специальных фондах сформировало материальную основу для активной антициклической и социальной политики.

Современные социально-экономические системы ведущих стран мира (прежде всего речь идет о странах «Большой двадцатки») столкнулись за последние годы как минимум с тремя беспрецедентными по своим масштабам вызовами:

- 1) экономическим — мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.;
- 2) экологическим — разлив нефти на платформе корпорации BP в Мексиканском заливе 2010 г.;
- 3) природным — землетрясение в Японии 2011 г.

Общим для трех указанных событий является осознание международной общественностью не только сложности их оперативного регулирования, но и крупномасштабности. Первой реакцией правительств стран мира на данные вызовы явилось использование оперативных мер прямого экономического регулирования (мер дискреционной политики), направленных на ликвидацию возникших угроз. Краха финансовой системы удалось избежать, предоставив банкам дополнительные денежные средства и улучшив макроэкономические условия их деятельности. На борьбу с экологической катастрофой и ее последствиями были потрачены значительные бюджетные ресурсы. Ущерб от землетрясения в Японии уже оценивается только в масштабах национальной экономики суммами в десятки миллиардов долларов.

Ответной реакцией общества на селективные меры правительства в США и Западной Европе стала волна недовольства «налогоплательщиков», связанная и с банковскими бонусами, выплачиваемыми проблемными банками в период кризиса, и с необходимостью привлечения компании BP к ответственности не только за экологические, но и за экономические (прежде всего проявившимися в запрете на осуществление определенных видов бизнеса и потере дохода множества малых предприятий) последствия аварии. В результате необходимость использования альтернативных прямым методам долгосрочных «встроенных» инструментов регулирования подобных глобальных событий становится очевидной не только правительству, но и широкой общественности (населению). Речь сегодня идет не просто о повсеместном распространении правил страхования на национальном уровне, но и, в перспективе, о создании глобальных финансовых и экологических стабилизационных механизмов [1].

Стратегические задачи России по сокращению сырьевой зависимости и инновационному развитию, повышению уровня и качества жизни населения заставляет задуматься как об эффективности текущих, так и о перспективах создания и совершенствования комплексных стабилизационных механизмов. Население и гражданское общество, обеспокоенное событиями глобального масштаба, ждет от правительства не просто усиления социально-экономической политики, а формирования эффективной системы стабилизации, способной в свою очередь сформировать основу социально ориентированной экономики устойчивого развития.

Проведенный в данной статье анализ позволяет сформулировать общие выводы, отражающие текущее состояние и перспективы трансформации системы социально-экономической стабилизации РФ:

- 1) Наиболее широко используемыми, относительно легко изменяемыми и отменяемыми являются налоговые стабилизаторы. С позиции антициклического регулирования налоговые механизмы могут рассматриваться как взаимозаменяемые. В России отсутствие прогрессивной системы подоходного налогообложения как экономического стабилизатора было компенсировано внедрением налогов, база которых привязана к цене торгуемых товаров с одновременным установ-

лением норматива резервирования части налоговых доходов в специально созданных фондах. Представляется обоснованным, что дальнейшее расширение числа стабилизационных механизмов будет происходить именно за счет распространения налоговых стабилизаторов.

- 2) Принимаемые государством в условиях экономического подъема различные социальные обязательства, выполнимые в текущий момент, могут быть не профинансированы следующими поколениями налогоплательщиков. Опасения «провала государства» с его масштабным перераспределительным механизмом, формируют сдержанное отношение российского правительства к трансфертным механизмам. Однако, очевидная слабость социальной ориентации российской экономики, а также высокая значимость систем социального страхования в накоплении «человеческого капитала» страны, являются стимулами для усиления социальных функций действующих механизмов стабилизации.
- 3) Крупномасштабные малопредсказуемые события, являющиеся результатом как экономической деятельности, так и природных сил требуют аккумуляции значительных финансовых ресурсов, способных компенсировать последствия данных финансовых, экологических и природных катаклизмов. Дальнейшее расширение масштабов и количества стабилизационных фондов — нефтяных, экологических, банковских и т.п. — как на национальном, так и на международном уровнях является неизбежным. Внедрение же подобных механизмов существенным образом трансформирует как саму социально-экономическую систему так и систему публичного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грошев А.Р., Грошева Т.А.* Социальные аспекты современных механизмов экономической и экологической стабилизации // Актуальные проблемы экономики и менеджмента: коллективная монография / Крымов С.М. и др.; под общ. ред. профессора С.М. Крымова. — Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2010. С. 81–92.
2. Движение средств и остатки на отдельных счетах по учету средств Резервного фонда / Министерство финансов Российской Федерации // Интернет ресурс: <http://www1.minfin.ru/ru/reservefund/>.
3. Динамика численности экономически активного населения / Федеральная служба государственной статистики // Интернет ресурс: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_01/IssWWW.exe/Stg/d01/3-2.htm.
4. *Козловски П.* Социальное рыночное хозяйство и разновидности капитализма / Социальное рыночное хозяйство: Теория и этика экономического порядка в России и Германии / Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 1999.
5. *Кудрин А.* Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики, 2009. № 1. С. 9–27.
6. *Лыкова Л.* Налоги на чистую стоимость богатства // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 8. С. 30–37.
7. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. / Общ. Ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. М.: «Прогресс», 1995.
8. Остатки на отдельных счетах по учету средств Стабилизационного фонда Российской Федерации / Официальный сайт Министерства финансов РФ // Интернет ресурс: <http://www.minfin.ru/ru/stabfund/statistics/remains/>.
9. Реформа налогообложения доходов населения в России: результаты в 2000–2007 гг. / [Анисимова Л. и др.]; Ин-т экономики переход. периода. М.: ИЭПП, 2008.
10. Социальное положение и уровень жизни населения России — 2008 г. / Федеральная служба государственной статистики // Интернет ресурс: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_44/IssWWW.exe/Stg/html3/16-07.htm.
11. Социальное положение и уровень жизни населения России — 2008 г. / Федеральная служба государственной статистики // Интернет ресурс: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_44/IssWWW.exe/Stg/html3/16-19.htm.
12. *Хансен Э.* Экономические циклы и национальный доход / Э. Хансен; Пер. с англ. Э.Г. Лейкина, Л.Я. Розовского. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
13. *Шаститко А.* Мировой финансовый кризис — возможность для ремонта институтов? // Вопросы экономики, 2008. № 12. С. 133–138.

СМЫСЛ ТРУДА И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ

МИРЗОЯН В.А.

кандидат философских наук, доцент,
Армянский государственный экономический университет,
e-mail: valerimirzoyan@yahoo.de

В статье анализируются некоторые методологические проблемы мотивации как одной из основных функций менеджмента, оценивается теоретический прогресс в этой сфере, исследуются причины «мотивационного кризиса», обосновывается важность применения методов мотивации с учетом личностного смысла труда и с перспективой гуманизации труда.

Ключевые слова: смысл труда; управление; мотивация; теории и практика; кризис мотивации; гуманизация труда.

The article is devoted to some methodological problems of motivation as one of basic managerial functions. The study highlights the importance of interactions between the meaning of work and motivation in order to overcome the motivational crisis and maintain the real humanization of work.

Keywords: the meaning of work; management; motivation; theories and practice; crisis of motivation; humanization of work.

Коды классификатора JEL: M12, M54, Z13.

Труд — объект познания и практического внедрения для множества научных дисциплин. Простейшая истина состоит в том, что ни одно общество не может существовать, нормально удовлетворять свои потребности воспроизводства и развития без постоянного труда всех или большей части членов общества. Потому и ставятся перед наукой и технологией вполне определенные задачи — все более глубоко постичь закономерности трудовой деятельности и полнее их использовать, чтобы производить максимально эффективно. Целый ряд научных дисциплин отвечает, таким образом, на вопрос «**как надо работать?**». На долю других форм общественного сознания, прежде всего религии, философии, искусства, морали, остается «маловажный» с прагматической точки зрения вопрос «**ради чего?**», «в чем смысл человеческого труда?».

Ретроспективный анализ социального восприятия необходимости продуктивного труда для нормального функционирования общественного организма показывает, что перед наукой и практикой управления (следовательно и перед властными структурами общества) всегда стояла одна и та же двуединая задача: во-первых, **как обосновать** (посредством философских доктрин, религиозных догматов, этических кодексов, логических выводов) трудящимся ради чего им (и именно им, в отличие от тех социальных слоев, которые наставляют или заставляют других) следует трудиться; во-вторых, **как обеспечить** (принуждением, вознаграждением, внушением и т.д.) эффективное трудовое поведение.

Вторая часть задачи, т.е. исследование совокупности способов и методов реального побуждения к эффективному труду, отражена в различных дисциплинах — экономике труда, психологии, этике, трудовом праве, социологии, но в теоретическом плане наиболее полно она разработана в рамках менеджмента в качестве одной из основных функций управления — мотивации. Здесь нет недостатка в различных концепциях и практических рекомендациях, хотя в интерпретации сути феномена мотивации авторы в принципе едины: это процесс побуждения человека к продуктивной деятельности [3, с. 360; 5, с. 268]. И надо сразу сказать, что именно в этой сфере наиболее ярко проявляется теоретический прогресс менеджмента как общей науки об управлении.

Строго говоря, аутентичное понимание сути мотивации к труду начинается именно с осознания личностного смысла труда¹, несводимого к стимулирующей роли зарплаты и всех других внешних факторов.

¹ Как нам представляется, именно с момента серьезного обращения к исследованию роли личностного смысла труда (а не с появления школы «человеческих отношений») вообще начинается продуктивный союз экономической науки и психологии [8].

Для модели «экономического человека» проблема познания мотивации и не существует вовсе: ведь и так все понятно — человек трудится ради материального вознаграждения, т.е. мотивация давно известна, остается задача эффективного ее использования, этого единственного «wage motive». Говоря конкретно, это задача обеспечения «справедливого» воздаяния за труд, совершенствования форм оплаты труда, лучшего использования ресурсов, налаживания надежной системы контроля и т.п. Нежелание у людей трудиться, «работа с прохладцей», низкая производительность, явные и скрытые формы саботажа — от «природной лени» самого человека, «низкой сознательности», «недостатков воспитательной работы» и т.д.

Одно из проявлений позитивизма — онтологический натурализм, ставит, таким образом, знак равенства между трудом как исключительным достоянием вида *Homo Sapiens* и «животным» трудом — инстинктивной целесообразной деятельностью, а также «работой» технических средств. Ведь животное тоже «трудится» ради пропитания, а техника «вкалывает» не хуже человека, но тем не менее старая истина (и вовсе не гомоцентристский снобизм) состоит в том, что, действительно, «пчелы производят, но не трудятся».

Здесь главное — понять качество истинно человеческого труда («истинно», т.е. отличное и от стадии «собираательства», этих доорудийных, по точному определению Карла Маркса, «первых животноеобразных инстинктивных форм труда»): в чем же его отличие от инстинктно-генетической целесообразности животных и от искусственно внедренной в технические средства целесообразности (и даже от эндогенной целесообразности у техники ближайшего будущего)? Отличие в том, что труду человека присуща не просто целесообразность (по этому критерию, надо признаться, инстинкт животных чаще пока одерживает верх над нашим разумом). Эта целесообразность является следствием целеполагания: суть известного сравнения труда «наилучшей пчелы» с трудом «самого плохого архитектора» состоит именно в указании на то, что человек, «прежде чем строить ячейку из воска ... уже построил ее в своей голове» [2, с. 189].

Труд человека — это **целеположенная целесообразность**. Человек — единственное животное, наделенное способностью ставить цели. Проще говоря, человек, в отличие от животного и техники, является **субъектом** труда (равно как и субъектом общения и познания). Субъектность и есть потенция целеполагания. Субъектность человеческого труда означает также и осознанность, осмысленность как целеполагания, так и процесса достижения, реализации этих целей. Французский социолог Жорж Фридман еще полвека назад в своей книге «Вдребезги разбитый труд» афористично сформулировал эту сущностную характеристику: «человек — больше, чем его работа» (*l'homme est plus grand que sa t che*) [10, с. 128]. Человек, действительно, не только делает то-то и то-то, не только выполняет свои трудовые обязанности, **не только исполняет, но и осмысливает** свои действия. Потому-то и Сизиф мучился, поскольку он — человек, а не бездумная машина.

Если взять систему «управляющий — управляемый», то цели хотя и задаются субъектом управления, но они переходят на стороне объекта-исполнителя в собственное целеполагание, иначе трудовая деятельность невозможна. Разумеется, при подневольном, рабском труде цели ставятся перед непосредственным исполнителем-рабом не просто извне, а принуждаются ему, и тем не менее, даже в этих условиях он является субъектом труда: ведь именно он, а не его господин входит в непосредственный технологический процесс, осознанно направляя его к заданным целям, к получению искомого результата. Первоначально цели собственного труда не имеют для раба никакого смысла, вернее имеют внешний, чуждый смысл: и раб первоначально соответственным образом воспринимает свое бытие — как подчиненное чужой воле. Но вот оказывается благодаря процессу труда все чудесным образом трансформируется. Вывод этот для нас и за нас (и за самого раба) сделал Георг Гегель: раб, как «служашее сознание», уже в этом процессе труда выступая как «работающее сознание», «приходит к самому себе.... оно становится **собственным смыслом** именно в труде, в котором, казалось, заключался только **чужой смысл**» [1, с. 105–106]².

Гегелевский анализ диалектики труда, если даже был бы понятным рабу, склонному к рефлексии, то, тем не менее, был бы безоговорочно отвергнут им: он-то с радостью поменялся бы местами со своим хозяином, и ни один здравомыслящий человек не может обвинить его. То же самое касается фактически и мировоззренческо-теоретической эволюции практики управления трудовым поведением людей, долгого пути преодоления не только позитивистского упрощения личностного смысла и социального значения человеческого труда, но также и искажающих истинный смысл труда житейских стереотипов, морально-религиозных догм, политических лозунгов и программ.

Если очень кратко охарактеризовать отмеченный выше теоретический прогресс в теории мотивации, то можно сказать следующее. Современные теории придерживаются двух подходов: «содержательные» теории (*content theories*) и «процессные» теории (*process theories*). Первая группа интерпретирует трудовую мотивацию изнутри (*intrinsic motivation*): та или иная потребность личности превращается в поведенческий мотив, направленный на удовлетворение данной потребности, т.е. действует цепь «потребность — мотив — цель» («*need — drive — goal*»): это — общая позиция всех концепций содержательного плана, хотя состав потребностей и их иерархия весьма разнятся у различных авторов (Генри Муррей, Абрахам Маслоу, Фредерик Герцберг, Дэвид МакКлелланд и др.). Сторонники процессных концепций (Виктор Врум, Эдуард Лоулер, Лайман Портер, Джон Адамс, Эдвин Локк и др.) фактически

²Курсив Гегеля — В.М.

акцентируют внешние факторы (extrinsic motivation), саму мотивацию рассматривают как проявление связи между усилиями личности и его ожиданиями т.е. действует цепь «усилие — поведение — вознаграждение» («effort — performance — outcome»). Подробный анализ всех концепций требует специального и гораздо более объемного рассмотрения. Отметим лишь самое главное — в них нащупывается взаимосвязь смысла труда и мотивации к труду, и соответственно предлагаются способы урегулирования этой взаимосвязи.

Только тем концепциям, которые берут начало в 70-х годах прошлого века, соответствует название «менеджмент, создающий мотивацию». Подобная задача, повторимся, не стояла перед предыдущими школами менеджмента: для них мотивы трудовой деятельности уже известны, остается ими управлять. В системе «научного управления» акцент ставился на регулирование трудового поведения подчиненных и контроль, а не на управление их желанием трудиться. Более того, поскольку им приписывается определенная (экономическая) и неизменная мотивация, то в целом неизбежен и принудительный характер системы мотивации. Свое кредо управленца Фредерик Тэйлор сформулировал совершенно четко: «Только путем **принудительной** стандартизации методов, **принудительного** использования наилучших орудий и условий труда и **принудительного** сотрудничества можно обеспечить это общее ускорение темпа работы» [6, с. 69]³. Диаметральная противоположность новых концепций классическим моделям трудовой мотивации — это императив необходимости исследования внутренне присущих каждой личности потребностей, создания и регулирования адекватной мотивации. Наиболее весомое доказательство смены парадигмы — это основополагающая идея «менеджмента, создающего мотивацию» о необходимости регулирования трудового поведения человека не через внешнее воздействие, а именно через труд — «managing through the work itself» [11; 14; 15].

Именно «через труд» — через призму личностного осмысления должны пройти все различные мероприятия по «обогащению труда», внедрению «принципа доверия» к работнику, гибкого рабочего времени, «индустриальной демократии», «партиципативному менеджменту», переходу к «мягкому менеджменту» (soft management), укреплению «долгосрочной лояльности» (long-term loyalty), углублению «преданности» к организации и т.п. Без личностной вовлеченности, без внутренне диктуемого соучастия работающего самые заманчивые гуманизационные идеи и программы не сделают труд более обогащенным и осмысленным. Вот почему несмотря на теоретический интерес к проблеме трудовой мотивации, разработку множества плодотворных концепций и удачных практических шагов, приходится соглашаться с немецким теоретиком Николаусом Энкельманном: «Пожалуй, скорее всего нам приходилось сталкиваться с действием демотивации. Соответственно количество демотивированных людей значительно больше, чем мотивированных» [9, с. 68]. Вообще-то многие аналитики констатируют «масштабный кризис мотивации» (huge crisis of motivation), глубокий «мотивационный разрыв» (motivation gap) между теорией и практикой трудовой мотивации, что заставляет фирмы тратить огромные средства на специальные курсы, мотивационные тренинги, аналитическую работу и т.п. [13].

Для того, чтобы понять причины «кризиса мотивации» — разрыва между теоретическим прогрессом и практикой управления вернемся в начало 70-х гг. XX в., когда произошел своеобразный взрыв теоретического и практического интереса к личностному смыслу труда. В этом проявились как общий гуманитарный поворот в научном познании, так и обострившиеся проблемы, связанные с массовой демотивацией к трудовой деятельности. Было огромное множество публикаций, научных конференций, открылись исследовательские центры по «качеству трудовой жизни». Как в капиталистических, так и социалистических странах на самом высоком правительственном уровне были приняты соответствующие решения. Целый ряд мероприятий был проведен под эгидой Международной организации труда. Квинтэссенцией идейно-теоретических разработок и практическо-прикладных мероприятий стала «гуманизация труда» — задача превращения труда в арену человеческого развития.

Более трех десятилетий цель «**гуманизации труда**» составляет суть многочисленных концептов: «человеческий фактор», «человеческие ресурсы», «человеческий капитал», «партиципативный менеджмент» и т.п. Можно выделить две парадигмы понимания и практического решения этой сверхзадачи: этико-философская и прагматическая. Первая ставит во главу угла всех гуманизационных нововведений именно смысл труда: наиболее известная концепция — «тройственная переоценка труда» Ж. Фридмана: обоснование социальной необходимости «интеллектуальной переоценки труда» (чтобы работник видел смысл в самом содержании того, что он делает), «моральной переоценки труда» (чтобы он гордился собственным трудом) и «социальной переоценки труда» (чтобы каждый работающий понимал социальную значимость своего труда). Прагматическая парадигма апеллирует к тому, что издержки «научной организации труда» — преобладание технократических принципов организации человеческого труда (как и организации функционирования социума в целом), приводят к крайнему расчленению трудовых функций, раздроблению целостной деятельности, не способствуют проявлению трудового энтузиазма, снижают трудовую отдачу, оборачиваются абсентизмом, саботажем и т.п., кроме того, порождают массу серьезных проблем и в других сферах личной и общественной жизни. На основе прагматической парадигмы появилось множество ценных нововведений: это мероприятия по «расширению труда», «обогащению труда»,

³Курсив Тэйлора — В.М.

«ротации трудовых функций», «гибкому рабочему режиму» и др. Таким образом, если первая парадигма направляет исследовательскую мысль от понимания фундаментальной важности личностного смысла труда к созданию адекватных мотивационных механизмов, то при второй парадигме задача воздействия на смысл человеческого труда ставится преимущественно исходя из экономических соображений.

Прагматическая — технико-экономическая аргументация, которая стала и осталась господствующей при обосновании необходимости управления смыслом труда, четко была сформулирована британским социологом и экономистом Стефаном Хиллом: «Программы по гуманизации труда были выдвинуты для преодоления двух проблем, порожденных грубым применением научного менеджмента. Первое — крайнее разделение труда, которое приводит порой к технической неэффективности, тем самым скорее увеличивает затраты, чем способствует внедрению более эффективных и дешевых методов организации труда. Второе — сопротивление работников разделению труда, а также чрезмерно жесткий контроль со стороны менеджмента. Все это снижает практическую эффективность принципов научного менеджмента» [12, с. 45–46]. Отсюда и вывод в духе традиционного технократизма: если совершенствовать производственно-техническую среду, внедрить более современную технологию, обеспечив тем самым более целостную деятельность работника, ну и если в какой-то мере смягчить «жесткость» менеджмента, то труд станет осмысленным, творческим и, следовательно, более производительным.

Очевидно, что прагматическая парадигма, во-первых, снимает всякую ответственность с менеджеров за дегуманизацию труда, во-вторых, сама проблема гуманизации труда при таком подходе воспринимается лишь как средство для обеспечения реализации экономических целей. Получается, что «Сизифов труд» — это абсолютно бессмысленное занятие для самого Сизифа (потому и изощренное наказание, пытка) — можно было бы «смягчить», если бы он не просто камень поднимал в гору и спускался, чтобы заново и бесконечно повторять сей труд, а использовал бы при этом, например, «высокие технологии», или же слушал бы параллельно джазовую музыку и т.п. Для технократического мировоззрения (и для массы менеджеров с подобным мировоззрением и адекватными методами организации совместного труда людей) нет никакой разницы между «трудом» Сизифа и трудом Пенелопы: ведь в сугубо технологическом плане их деятельность совершенно одинакова: она не приводит в предметному результату, это — бесполезный труд. Дdiamетрально противоположный смысл при абсолютной технологической идентичности двух «трудов» ускользает от технократов. Потому и все, сами по себе прогрессивные, привлекательные нововведения — от «расширения труда» до «принципа доверия» к работнику — дают мало эффекта в аспекте обеспечения осмысленной деятельности.

Здесь мы возвращаемся к двуединой задаче, отмеченной в начале статьи. Опять-таки мы фактически ищем ответ на вопрос «как лучше работать?», не осознавая важности его взаимосвязи со вторым вопросом — «ради чего?». О том, что современный менеджмент в целом далек от желаемых результатов, свидетельствуют, например, данные, предоставляемые американской консультативной группой «Труд сам по себе» (Work Itself Group). Оказывается, в частности, что в среднем 87% американцев не удовлетворены результатами своей работы, 81% не чувствуют своей преданности и вовлеченности в высшие приоритеты своей фирмы, по мнению 73% — цели компании никоим образом не связаны с тем, что они непосредственно делают, а 54% прямо заявляют, что организации как следует не используют их творческие способности [16]. Еще более низкие показатели удовлетворенности трудом на всем постсоциалистическом пространстве [4].

Необходим **концептуальный союз двух пониманий**: «труд сам по себе» и «человек сам по себе». Мы имеем ввиду необходимость концептуального сочетания трудовой и внетрудовой жизнедеятельности личности. Эти две сферы социального бытия людей не разграничены «китайской стеной», и если менеджмент стремится к управлению трудовым поведением подчиненных через сам труд — обогащенный, гибкий, осмысленный, развивающий работающего, то оно должно быть обеспечено всеми социальными институтами, т.е. общество в целом также должно соответствовать этой цели, должно создавать адекватные социально-экономические и морально-психологические условия.

Может ли человек по достоинству оценить предоставленный ему в рамках организации свободу действий, если «принцип доверия» передового менеджмента никак не поддерживается социумом в целом? «Производственная демократия» должна быть поддержана социетальной демократией. Совсем не случаен низкий уровень удовлетворенности трудом именно в обществах трансформационного типа. Наиболее уязвимое их звено — отсутствие устойчивой системы ценностей, основанной на них идеологии, способной обеспечить нормальное воспроизводство общественной жизни, в том числе желанной мотивации к труду. Ведь крик «общества труда» — социалистического строя, вовсе не означает полное исчезновение предыдущих стереотипов, касающихся личностного смысла и социального значения труда, также не означает и автоматического укоренения ценностей свободного предпринимательства. И без специальных исследований очевидно смешение старых и новых ценностей, истинных и ложных представлений о смысле труда, денег, богатства, о взаимоотношениях сограждан, доверии между ними. Но и устоявшиеся общества вовсе не избавлены от проблем, здесь также не просто обеспечить взаимное доверие как в обществе, так и в рамках производственной организации. Именно это констатирует исландский экономист Трауинн Эггертсон: «При отсутствии идеологической поддержки издержки правящей элиты, сопряженные с надзором за гражд-

данами, и издержки граждан, сопряженные с надзором друг за другом, устремились бы к бесконечности. Общество, где каждый ведет себя исключительно эгоистически и равнодушен к другим, нежизнеспособно» [7, с. 92]. Именно этот фактор и определяет прежде всего «кризис мотивации», а не аргументационная слабость теорий мотивации и низкая эффективность их реализаций. Более того, как нам представляется, многим управляющим как раз привнесенная из социума во внутриорганизационную среду система ценностей мешает доверительно относиться к подчиненным.

Можно, по-видимому, ожидать, что в будущем именно нацеленность на мотивацию трудового поведения человека через личностный смысл станет адекватной базой синтеза двух подходов к гуманизации труда — прагматического и этико-философского. Этим будет обеспечено решение двуединой задачи: с одной стороны, практические мероприятия будут осмыслены самим субъектом труда, с другой стороны — сами цели и задачи организации, все организационные, технологические и экономические трансформации наполнятся пониманием смысла человеческого труда. И лишь тогда станет реальностью истинная гуманизация труда — все более полное раскрытие человекообразующего потенциала трудовой деятельности, следовательно, раскроется и истинное значение незаслуженно обесмысленной цели — «превращение труда в первую жизненную потребность» — состояние, как наиболее соответствующее субстанции самого труда, так и обеспечивающее наиболее достойную жизнедеятельность человеческого существа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. Ч. 1 // Г.В.Ф. Гегель. Сочинения. Т. IV. М.: Созэкгиз, 1959.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1973.
3. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1995.
4. Монусова Г. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 12. С. 74–83.
5. Словарь-справочник менеджера / Под ред. М. Г. Лапусты. М.: ИНФРА-М., 1996.
6. Тэйлор Ф.У. Научная организация труда. М.: Транспечать, 1924.
7. Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.
8. Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2000.
9. Энкельманн Н.Б. Власть мотивации. М.: Интерэксперт, 1999.
10. Friedmann G. Le travail en miettes. P.: Gallimard, 1964.
11. Gallie D. Welfare Regimes, Employment Systems and Job Preference Orientations // European Sociological Review. July 2007. Vol. 23. № 3. P. 279–293.
12. Hill S. Competition and Control at Work: The New Industrial Sociology. London: Heinemann, 1981.
13. Motivation — The Reason for the Crisis // <http://jobfunctions.bnet.com/abstract.aspx?docid=62199>.
14. Thatcher J.B., Liu Y., Stepina L.P. The Role of the Work Itself. New York: ACM 2002.
15. Thomas K.W. Intrinsic Motivation at Work. 2nd ed. — London: McGraw-Hill, 2009.
16. The work itself group // <http://www.theworkitselfgroup.com>.

РАЗВИТИЕ НОВЕЙШИХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

ИВАНОВА Н.Е.

кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Кавказский институт бизнеса, информационных и инженерных технологий,
г. Армавир,
e-mail: akzsm@mail.ru

В статье показано, что одной из мировых тенденций в современных условиях является создание так называемых центров превосходства. Многообразие форм и методов поддержки инновационной деятельности объясняется неоднородностью экономического развития территорий, сложившимися формами взаимодействия местных и национальных институтов, существующими подходами к менеджменту на мезоуровне и различиями инновационных культур.

Ключевые слова: институциональные формы; инновационная структура; центры превосходства; научные центры.

This paper shows that one of the world tendencies in modern conditions is to establish the so-called centers of excellence. The diversity of forms and methods to support innovation activity is due to the heterogeneity of the economic development of territories, traditional forms of interaction between local and national institutions, existing approaches to the management at the meso level and the differing innovative cultures.

Keywords: institutional form; innovative structure; centers of excellence; scientific centers.

Коды классификатора JEL: O31, O32, O43.

В процессе развития человеческого общества инновации играют решающую роль. С ростом масштабов научно-технической деятельности и роли науки и техники как фактора общественного развития возникает необходимость прогнозирования и управления инновациями. Эта тенденция стала бесспорной в XXI веке в связи с феноменом научно-технической революции. Анализ различных подходов к объяснению динамики инноваций позволяет сделать вывод о методологической незавершенности комплексной проблемы инновационного проектирования и прийти к выводу, что инновационная деятельность является результатом сложнейших взаимодействий между государством и рынком, наукой и производством, а процесс управления им не может быть изложен как универсальный алгоритм. Для развития инновационной деятельности необходимы новейшие институциональные формы.

Как известно, одной из первых форм поддержки инновационной деятельности во многих развитых экономиках мира явились технопарки. Начало технопаркам было положено в США в начале 50-х гг., когда был организован научный парк Стэнфордского университета (штат Калифорния) [4]. В 80-е гг. технопарки в США стали появляться один за другим. На сегодняшний день в США насчитывается более 160 технопарков (более 30% от общего числа технопарков в мире).

В Европе технопарки появились в начале 70-х гг. Одними из первых были Исследовательский парк Университета Хэриот-Уатт в Эдинбурге; научный парк Тринити колледж в Кембридже; София-Антиполис в Ницце и Зона научных и технических нововведений и производства (ZIRST) в Гренобле. Они повторили раннюю модель технопарков США, особенность которой — наличие одного учредителя, а основной вид деятельности — сдача земли в аренду собственникам наукоемких фирм. Формирование системы технопарков в России по инициативе Министерства образования и науки на базе ведущих вузов страны являлось первым шагом государства в создании инновационной инфраструктуры.

Однако созданные инновационные структуры, в том числе и технопарки, лишенные серьезной поддержки федеральных, региональных и местных властей перестали играть ведущую роль в экономике местных сообществ, так как это происходит в экономике США, Великобритании, Германии, Франции, КНР, Финляндии. Только единичные российские технопарки за рассматриваемый период сформировались как

сильные научно-производственные системы. Так, в 2003 г. лишь 14 университетских технопарков (менее 20%) прошли аккредитацию Минобразования России и Ассоциации «Технопарк» [4]. Инновационные структуры вузов оказались неэффективными, так как из их лабораторий вышло крайне мало весомых технологий, изделий, материалов и систем, которые могли бы серьезно повлиять на технологическую сферу развития региона, отрасли, страны.

Таким образом, в настоящее время распространенной формой поддержки инновационной деятельности в США и Европе является создание так называемых центров превосходства. Термин «центр превосходства» является переводным аналогом англоязычного «center of excellence». В специализированной англоязычной литературе данный термин используется относительно организаций, которые ведут научные исследования и разработки в прорывных областях знаний и располагают уникальными материальными, интеллектуальными и кадровыми ресурсами, и чья научно-исследовательская и инновационная деятельность отличается высочайшим качеством и результативностью [1]. Такие организации часто являются международными и служат связующим звеном трансфера новых знаний с мирового уровня исследований на национальный, выступая одновременно своего рода эталонами для других институтов аналогичного профиля. До настоящего момента в международной практике не существует общепринятого определения статуса центров превосходства и разработанной нормативно-правовой базы их функционирования.

На рубеже XXI века, с развитием глобальной экономики знаний возникли новые подходы к миссии и формам центров превосходства. Теперь главными вызовами для них стали: позиционирование страны на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг, выравнивание дисбаланса научно-технической инфраструктуры между метрополиями и регионами (формирование кластеров) и эффективная адаптация лучших кадровых ресурсов к непрерывно меняющимся требованиям рынков труда. В настоящее время налаживается масштабное государственно-частное партнерство в деле совместного развития национальных центров превосходства. Сами центры стали весьма разнообразными по миссиям, масштабам деятельности, структуре, способам управления. При анализе мировой практики научной политики выделяются три подхода к формированию центров превосходства [1].

Стратегические центры превосходства. Центры превосходства созданные путем выращивания, можно условно назвать «стратегическими», поскольку они преимущественно учреждаются в рамках определенных государственных научно-технологических стратегий и служат ключевым инструментом их реализации. Государство создает центры «с чистого листа» для осуществления масштабных стратегически значимых (приоритетных) проектов. Подобный подход успешно практиковался в США после Второй мировой войны при организации национальных лабораторий. Они учреждались в форме самостоятельных некоммерческих организаций для проведения исследований и разработок, связанных с обеспечением национальной безопасности и других национальных приоритетов (например, в области энергетики). Имущество лабораторий принадлежало государству, но для распоряжения им привлекались негосударственные подрядчики — промышленные компании, университеты, исследовательские организации. Типичный пример подобных центров превосходства — национальные лаборатории США [1]. Интересная особенность стратегических центров превосходства — образование территориальных конгломератов (кластеров), объединяющих мощности и инфраструктуру самих лабораторий, подрядчиков, спин-офф-компаний и прочих частных фирм. Данная тенденция прослеживается и в других странах.

Перспективной моделью центров превосходства подобного рода в России выступают национальные исследовательские центры (НИЦ), нормативно-правовая база, которых пока находится в стадии формирования [1]. Отличительными чертами будущих НИЦ должны стать четкая ориентация на приоритетные направления научно-технологического развития, высокое качество исследований и разработок в сочетании со значительными масштабами деятельности и высоким уровнем государственной поддержки. Предполагается, что бюджетное финансирование этих центров будет сфокусировано на научных исследованиях, а остальные расходы (на подготовку производства, маркетинг, рекламу и пр.) возьмут на себя производственные компании. Таким образом, НИЦ довольно близки к широко распространенным в международной практике центрам превосходства первого типа.

Одним из нерешенных вопросов остается статус НИЦ. Пока не ясно, какая будет выбрана для них организационно-правовая форма: корпорация, автономное учреждение или унитарное предприятие. Последнее, очевидно, наименее подходящий вариант, поскольку не обеспечивает необходимой для центров превосходства гибкости управления и финансирования. НИЦ, созданные в форме государственных корпораций, будут функционировать как некоммерческие организации, сочетая инструменты контроля с достаточно высокой степенью автономии. Однако корпорации могут учреждаться только федеральным законом, что полностью исключает возможность их гибкого отбора и реформирования. Автономное учреждение, вероятно, наиболее эффективная организационно-правовая форма для НИЦ, но для ее внедрения еще требуется серьезная нормативно-правовая проработка.

Системные центры превосходства. Практикуется при реализации менее масштабных, но более широких программ. Здесь исследовательская деятельность ведется специализированными научными организациями в рамках их основного профиля. Превосходство в данном случае обеспечивается за счет «адресной

поддержки лучших», при этом прямое участие государства необязательно. Для категории системных центров превосходства характерны весьма гибкие и подвижные связи между головной организацией (первого уровня) и проектными лабораториями (второго уровня). Эти связи могут быстро возникать, трансформироваться и прекращаться, может устанавливаться перекрестное горизонтальное взаимодействие лабораторий друг с другом.

Интересен пример Центра превосходства по сканированию будущего (Centre of Excellence in Horizon Scanning) в Великобритании, который на постоянной основе реализует Форсайт-проекты [3]. Очевидно, что экспертного потенциала недостаточно для столь обширного поля исследований. Поэтому задача первостепенной важности — создание сети экспертных групп на базе самых разных структур: корпораций, университетов, научно-исследовательских лабораторий, различных ведомственных и независимых организаций. Их деятельность носит временный характер и ограничена продолжительностью соответствующего этапа исследований, но такие группы могут многократно переформировываться и вновь подключаться к действующей сети для решения новых задач.

В России существуют государственные научные центры (ГНИ), которые с некоторыми оговорками можно было бы отнести к классу системных центров превосходства. Созданная в начале 1990-х гг. система ГНИ, изначально была ориентирована на сохранение и развитие уникальных научных школ и экспериментально-технологической базы. Порядок присвоения данного статуса был установлен указом Президента РФ в 1993 г. В настоящее время им обладают 58 крупных научных организаций. Согласно замыслу, совершенствование системы ГНЦ связывалось с усилением инновационной направленности их деятельности, укреплением связей центров между собой и с другими структурами. Однако практические результаты, как нам представляется, не оправдали этих надежд. Отечественные ГНИ, только внешне соответствуют мировым образцам системных центров. Отличие прослеживается, прежде всего, в порядке присвоения особого статуса. Оценивание претендентов проводится сугубо формально на основе представляемых ими справок. В итоге результативность многих ГНИ оказывается заметно ниже, чем, например, институтов научных сообществ Германии.

Второе существенное отличие заключается в том, что статус ГНЦ не подкрепляется реальными научными и экономическими связями между его обладателями. Существующая Ассоциация государственных научных центров (АГНЦ), согласно уставу, обеспечивает координацию научной и предпринимательской деятельности, представление и защиту их интересов. Но в ее полномочия не входит подтверждение статуса ГНЦ, планирование и реализация организационных преобразований в институтах, создание, поддержание и развитие общей инфраструктуры [1]. Кроме того, хотя центры работают на стыке науки с реальным сектором экономики, большинство из них имеет государственную форму собственности и функционирует в форме учреждений либо унитарных предприятий (редко — акционерных обществ с государственным участием), что ощутимо ограничивает гибкость их управления и финансирования (бюджетное).

Экспериментальные центры превосходства. Третьему типу центров превосходства соответствует ситуация, когда такой статус и связанная с ним поддержка адресуются научному коллективу в порядке эксперимента. В этом варианте будущие результаты могут заранее не оговариваться, а «кредит доверия» основывается на уже имеющихся достижениях. Подобный подход характеризуется наибольшей степенью автономии научных организаций по отношению к государству. В качестве примера можно привести блок-гранты, предназначенные для общего институционального развития передовых коллективов. В зависимости от критериев оценивания объектами поддержки могут быть как перспективные для рынка центры, так и институты, значимые с позиций вклада в фундаментальную науку и культуру, в том числе специализирующиеся на поисковых исследованиях с прогнозируемыми перспективами (обычно — междисциплинарного характера) [1].

В России к экспериментальным центрам превосходства можно отнести так называемые «инновационные вузы». Это 57 вузов, отобранных в рамках конкурса по приоритетному национальному проекту «Образование» (направление «Инновационные программы вузов»). В открытом конкурсе организованном Минобрнауки России, могли участвовать вузы, представившие инновационные образовательные программы, реализация и внедрение которых были рассчитаны на два года. Согласно порядку, установленному приказом министерства, отбор инновационных вузов проводился по двум основным критериям: качество и результативность представленной инновационной образовательной программы и существующее состояние инновационного потенциала высшего учебного заведения [2].

Формы центров превосходства в России и зарубежных странах имеют определенные общие черты. Это свидетельствует, с одной стороны, о сходстве предпосылок развития науки и технологий, а с другой — о готовности государства использовать мировой опыт. Однако при детальном рассмотрении обнаруживаются заметные отличия, обусловленные системными недостатками отечественной научной сферы. В мировой практике главным инструментом идентификации центров превосходства, независимо от их типа, служит сложная система оценивания качества и результативности научно-технической деятельности. Она нацелена на отбор наиболее эффективных организаций не только по их прошлым успехам, но и с учетом нынешнего реального научного потенциала; на выделение лучших, но при обязательном мониторинге на предмет сохранения лидерства.

При несовершенной системе оценивания может быть весьма рискованно направлять значительные ресурсы на развитие «лучших». Именно поэтому в России вокруг ГНЦ не была построена мощная научно-технологическая и инновационная инфраструктура, а поддержка инновационных программ вузов не стала постоянной. Создание центров превосходства должно начинаться, прежде всего, с разработки эффективных инструментов оценивания, а не с выделения средств на разовые акции с нечеткими критериями поддержки.

Существующие в нашей стране организационно-правовые формы не удовлетворяют этому требованию, которое предъявляется Центром превосходства, т.е. должен быть максимально гибким в плане внутреннего управления и распоряжения ресурсами. Необходимо, появление возможности перехода от унитарных предприятий и бюджетных учреждений к новым, более эффективным формам. Одним из наиболее перспективных в этом плане является вариант автономных учреждений.

В отечественной практике внимание традиционно фокусируется скорее на масштабных государственных научно-исследовательских и технологических проектах, чем на стимулировании инноваций. Это объясняется тем, что государственные проекты проще реализовать и контролировать при сложившейся институциональной среде и нормативно-правовой базе. Отчасти данная тенденция связана с накопленным в советский период опытом реализации крупномасштабных государственных проектов (атомного, космического и др.) и недостаточным уровнем развития стимулирующей политики, ориентированной на поддержку инициативы «снизу». В ближайшем будущем особенно важной станет поддержка экспериментальных центров на базе исследовательских университетов и ведущих НИИ с последующим переводом их в статус системных центров превосходства.

Таким образом, можно сделать вывод, что многообразие форм и методов поддержки инновационной деятельности объясняется неоднородностью экономического развития территорий, сложившимися формами взаимодействия местных и национальных институтов, существующими подходами к менеджменту на мезо-уровне и различиями инновационных культур. При этом развитие университетской инфраструктуры является естественным социально-экономическим процессом, позволяющим эффективно связать между собой различные стадии инновационного цикла — генерацию и коммерциализацию новых знаний. Поэтому, в условиях недостатка инвестиций, кадровых и информационных ресурсов для обеспечения инновационного прорыва в экономике, развитие вузовской инфраструктуры может стать единственно возможным путем совершенствования инновационных процессов на уровне регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заиченко С. А. Центры превосходства в системе современной научной политики // Форсайт. 2008. № 1(5). С. 42–51.
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 44 от 02.03.2006 г. «Об утверждении порядка и критериев конкурсного отбора образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы».
3. Ратнер С. В. Методологические проблемы развития конкурентоспособных научно-инновационных сетей: организационно-экономическое и инструментальное обеспечение. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2009. С. 208.
4. Шукунов В.Е. История, состояние и задачи по дальнейшему развитию и повышению эффективности инновационной деятельности в высшей школы России // Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2002. С. 36.

КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ИСТОЧНИКА КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИРМ

АЙЛАРОВА З.А.

аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: zaya1982@mail.ru

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к исследованию знаний как основного источника формирования конкурентных преимуществ в условиях постиндустриальной стадии развития общества. Приведенный в статье сравнительный анализ концепции знаний как ресурса/фактора производства развития информационного общества, знаний как интеллектуального капитала, концепции кодифицированного знания, концепции знаний как смешанного общественного блага, а так же концепции знаний как рискогенного фактора, позволяет охарактеризовать знание в качестве гиперкомплексной динамической системы, обеспечивающей принципиально новый по своим характеристикам конкурентный источник функционирования и развития фирмы.

Ключевые слова: когнитивная категоризация; экономика знаний; экономика, основанная на знаниях; когнитивная экономика; новая экономика.

The article deals with different theoretical approaches to knowledge investigation, that consider to be a main source of competitive advantageous forming in terms of postindustrial stage of society development. The issue gives us comparative analysis of knowledge conceptions: knowledge as a factor of production in information society, knowledge as an intellectual capital, explicit knowledge, knowledge as a compound social benefit, knowledge as a venturesome factor. All the above conceptions allow us to define knowledge as a complex dynamic system that provides fundamentally new competitive source of firms functioning and development.

Keywords: cognitive categorization; knowledge economy; knowledge-based economy; cognitive economy; new economy.

Коды классификатора JEL: D83.

Актуальные аспекты когнитивной категоризации теоретических основ функционирования фирмы связаны с необходимостью исследования требований, предъявляемых к организационным знаниям для того, чтобы они смогли выступать источником конкурентных преимуществ фирмы. В этой связи особенно значимой представляется задача снижения неопределенности в определении самих категориальных границ «знаний», преодоления путаницы в категориальном аппарате экономики знаний (что собой представляют «знания», «информация», «навыки», «обучение» и т.д.) с целью выявления направления в совершенствовании теоретико-методологических основ когнитивной составляющей функционирования предприятия как элемента знаниевой экономической системы.

Следует отметить, что когнитивная категоризация теоретических основ функционирования фирмы является неоднородным процессом и может происходить с различных теоретических позиций и подходов, что предопределяет междисциплинарный характер когнитивной категоризации экономики знаний: с позиции человеческого и интеллектуального капитала фирмы, с позиции структуры знаний и механизмов их передачи, а так же с точки зрения знаний как сложного объекта познания и результата деятельности фирмы.

Следует отметить, что, несмотря на широкое использование терминов «экономика знаний», «экономика, основанная на знаниях», «когнитивная экономика», «новая экономика» т.д. в научной среде не сложились единодушия относительно смыслового наполнения каждого определения. Различные авторы отметили сходства и различия фразового и смыслового содержания каждого понятия, способные служить

преимуществами и недостатками их использования. Так, у термина «экономика знаний» сохраняется отраслевой смысловой оттенок — экономика некой «отрасли» производства и использования знаний, наподобие «экономики транспорта», «экономики предприятия» и т.д. [5, с. 41].

Термин «экономика, основанная на знаниях» является в русскоязычном варианте прямым переводом англоязычного термина *knowledge-based economy*, неудобство которого заключается в усложнении фразы и необходимости введения дополнительных различительных признаков отражающих особенности экономики, «основанной на знаниях» в современных условиях, в отличие от предшествующих этапов экономического развития [8, с. 18]. Термин «когнитивная экономика» максимально сопрягается по смыслу с термином «экономика знаний», однако имеет более широкие социально-психологические основания своего развития в рамках научной дисциплины когнитологии. Термин «новая экономика» более всего соответствует сектору информационных технологий, расширяющих хозяйственный горизонт и снимающих проблему «пределов экономического роста» природозатратной и сырьевой экономики [6, с. 28], а по своему научному смыслу термин «новая экономика» ближе к термину «информационная экономика», чем к термину «экономика знаний» [15, с. 24].

Не отрицая имеющихся преимуществ и недостатков каждого понятия, следует отметить, что все они отражают определенный аспект интерпретации «знаниевой» доминанты как конкурентного источника современного экономического развития. В контексте данного исследования термины «экономика знаний», «экономика, основанная на знаниях», «когнитивная экономика» будут использоваться как близкие по смыслу понятия «знаниевой экономики», в отличие от «информационной экономики», «новой экономики» как предшествующего этапа развития экономики знаний в качестве ее составной части.

Первоначально сформировавшийся концептуальный подход к знаниям как новому ресурсу (*фактору производства*) экономического развития связан с именами Ф. Махлоупа (*knowledge-based economy*) и П. Дракера. Первые попытки уточнить природу информации восходят к работам Фишера Р. и Хартли Р. [12, с. 12], которые предвосхитили появление классического определения информации как «меры уменьшения неопределенности» данное в работах Н. Винера и К. Шеннона [2, с. 32]. Получили признание определения информации как связи «в процессе которой устраняется неопределенность» [14, с. 243], как «разнообразия» [16, с. 18], как «оригинальности и меры сложности» [10, с. 15], как «всеобщей методологии науки» [1, с. 12], как обозначения «содержания, полученного из внешнего мира, в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [3, с. 31].

Так, для информационных ресурсов не выполняются законы «редкости», а именно, чем больше доступ к информационным ресурсам, тем больше спрос на них [7, с. 23]. Сложность определения экономической природы информационных ресурсов как постиндустриальной основы развития общества проявляется в том, что в отличие от других, более осязаемых ресурсов, знания (информация) не имеет базовой единицы измерения, что значительно затрудняет определение ее ценности в процессе управления.

Распространение информации тождественно ее самовозрастанию, что исключает применение к этому феномену понятия редкости, а ее потребление не вызывает ее исчерпаемости как производственного ресурса; таким образом, сторонники теории информационного общества приходили к справедливому в целом тезису о том, что «в современной экономике редкость ресурсов заменена на их распространенность» [17, с. 11]. Причем, информационная экономика чаще всего оценивается в качестве фундамента для построения знаниевой экономики.

С одной стороны, влияние одной концепции на другую носит позитивный характер, тем более что одна концепция в известной мере наследует другую. С другой стороны, сложившаяся высокая степень влияния концепции информационной экономики порождает упрощенные знаниевые связки с концепцией знаниевой экономики и приводит к необоснованному непропорциональному заимствованию на основе принципа «по аналогии».

Так, например, анализ эволюции теоретических представлений о знании, часто укладывается в русло эволюции теории информации. Действительно, первоначально количественный подход создал основу для статистической теории информации (где выделились семантическая и прагматические теории). Следующим прорывным этапом развития теории информации стало появление функционально-кибернетической теории, предполагающий принцип единства информации и управления. В рамках этой теории информация лежит в основе устойчивого развития экономики. Очередным этапом можно считать распространение синергетического подхода, в рамках которого в отличие от кибернетической концепции предполагается не «подстраивание» системы под изменяющиеся условия, а постепенное зарождение новых процессов и явлений, накапливающихся и изменяющих старую систему. В этом случае информационные ресурсы относятся к синергетическим, а информационные технологии трактуются как технологии синергетического типа. На этой основе происходит экономический рост в различных секторах экономики, создается новая производственная инфраструктура.

Однако данная аналогия создает предпосылки, при которых происходит смешение понятий «знание» и «информация», осуществляется подмена одного понятия другим, доминирующей становится упрощенная трактовка знания как производного актива от информации (вне учета обратного влияния знания как условия для получения информации), имеет место и ряд других отягощений. Например, с одной стороны

асимметричность информации выделяется как одно из основных противоречий между знанием и информацией, а с другой стороны в концепции знаниевой экономики обосновывается введение категории «асимметрия знаний» (что можно понимать как непризнание такого противоречия).

Концепция знаний как совокупности кодифицированных и некодифицированных элементов знаний акцентирует внимание на изменении структуры знаний и специфики «знаний», «данных» в отличие от «информации». В цикле «данные — информация — знание» существуют различия между элементами.

«Данные» обычно рассматриваются как признаки или записанные наблюдения, которые не используются, а только хранятся. Когда данные используются для уменьшения степени неопределенности чего-либо, они превращаются в «информацию», т.к. информация обладает новым смыслом для воспринимающего ее индивида. «Информация — совокупность данных, которые уже интерпретированы, которым удалось придать некий смысл. А знания — продукт использования информации» [13, с. 34]. Хотя не всякие данные являются информацией. Чтобы данные стали информацией, необходимо извлечь из них смысл. Однако информация, обладая смыслом, не является еще знанием. «Знание — это способность применить информацию к конкретному роду деятельности» [17]. Знание возникает, если информационный смысл «привязан» к реальности, когда, опираясь на этот смысл, можно действовать. Знания позволяют интерпретировать опыт и строить видение будущего [9].

Кодифицированные и явные знания (explicit knowledge) как и информация, могут передаваться и «отчуждаться» в процессе обучения через методологические инструменты, алгоритмы, формализованные методы для их дальнейшей обработки и усвоения.

Информационные технологии значительно упростили систематизацию и передачу кодифицированных знаний на любые расстояния при минимальных затратах. Кодифицированные знания, таким образом, легко воспроизводимы, могут приобретать товарную форму и быть представленными на соответствующих рынках научной, технической, патентной и иной информации, а также являться центральной составляющей конкурентных преимуществ фирмы. Производство кодифицированных знаний носит коллективный характер, а их существование после того, как они созданы, отделено от создателей и более от них не зависит.

Неотчуждаемые, некодифицированные, неявные знания (implicit knowledge, «неотчуждаемые» и непереключаемые от носителя) не поддаются переносу в процессе обучения, но служат средством для передачи явных знаний. С позиции теории личностного знания используется тезис о принципиальной «невозможности» передачи знаний, знания не передаются, а «конструируются» самим человеком, передается только информация [11]. По словам М. Полани, «вследствие молчаливого характера нашего знания, мы никогда не можем высказать все, что знаем, точно так же, как по причине молчаливого характера значения мы никогда не можем в полной мере знать всего того, что имплицитовано нашими высказываниями».

Таким образом, кодифицированные знания в отличие от некодифицированных знаний являются научной информационной базой, которая в процессе коммерциализации превращается в новые технологии, товары и услуги. Неявные знания, воплощенные в человеческом капитале, обеспечивают этот процесс превращения кодифицированных знаний в экономическое развитие и рост национального богатства. В рамках данной концепции подчеркивается что кодифицированные знания могут быть объектом и средством трансакций от одного индивида к другому, а некодифицированные знания (неявные, молчаливые) не передаются и неотчуждаемы от его носителя.

В концепции знаний как смешанного блага главный акцент делается на знаниях как объекте конечного потребления в обществе и соответственно рассмотрении специфики знаний как смешанного блага, имеющего черты, как частного, так и общественного блага. Знания не убывают по мере их использования. Приобретение кем-либо определенного объема знаний не уменьшает способности других пользоваться теми же знаниями. Это свойство знания, которое можно назвать его неотчуждаемостью, определяет и то, что на издержки производства знания не влияет количество его потенциальных потребителей.

Знания, имеют свойство непрерывно преобразовываться в общественное благо. Любое уникальное (частное) знание через определенный промежуток времени становится общедоступным.

Концепция знаний как *рискогенного фактора* развития общества стала формироваться в начале ХХI века, как отражение фондовых потрясений и «информационного пузыря». Развивается процесс «экономизации» знаний (включение таких нематериальных активов, как знания в непосредственный экономический оборот, превращение знаний в товар), что порождает внешние экстерналии экономики знаний и неустойчивость развития когнитивного капитализма [4, с. 24]. Взаимосвязь знания и риска является более сложной и нюансированной.

Основные концепции экономики знаний, отображающие различия в трактовках экономики знаний отражены на рис. 1.

Сложившаяся ситуация позволяет предложить классификацию термина «знание» и термина «знания» как двух отличающихся категорий. Основанием для классификации при этом выступает уровень системной организации (уровень сложности системы) того знаниевого объекта, применительно к которому решается задача категорирования.

Рис. 1. Концепции экономики знаний

Итак, «знание» это такой знаниевый объект, который представляет собой знаниевую систему, отличающуюся следующими системными свойствами:

- 1) характеризуется совокупностью поуровневых знаниевых элементов (свойство гиперкомплексности);
- 2) характеризуется единством элементов и связей, образующими структуру целостного знаниевого объекта (свойство структурности);
- 3) характеризуется существованием внутренних структурных иерархических уровней и межэлементными связями целостного знаниевого объекта (свойство иерархичности)
- 4) характеризуется существованием таких качеств, которыми в отдельности не обладают отдельные элементы системы знаниевого объекта (свойство эмергентности);
- 5) характеризуется существованием (свойство динамичности).

В свою очередь, «знания» — это такой знаниевый объект, который представляет собой знаниевую систему простейшего вида, отличающуюся одним системным свойством — характеризуется совокупностью знаниевых элементов (свойство гиперкомплексности). Необходимо отметить, что в качестве элементов, образующих как одну, так и другую категории, могут выступать как простые знаниевые объекты (эпистемологические единицы), так и знаниевые объекты, являющиеся в свою очередь сложными системами.

В рамках предложенного подхода особый комментарий необходим только для вырожденных ситуаций, в которых по тем или иным соображениям в качестве категории «знание» используются некие исходные знаниевые единицы, не имеющие системных свойств, кроме гиперкомплексности. Тогда, каждую такую единицу, возможно классифицировать как «знание», оговаривая применение такой категории в каждой конкретной вырожденной ситуации. Данное единственное исключение вводится как конкретное правило и не нарушает общего подхода.

В целом следует заметить, что когнитивная составляющая находит свое развернутое выражение именно в практике работы с категорией «знание», как с гиперкомплексной динамической системой, обеспечивающей принципиально новой по своим характеристикам конкурентный источник функционирования и развития фирмы. Кроме того, при необходимости, категории «знание» при решении задач синтеза можно придавать и дополнительные системные свойства категории «знание» как гиперкомплексной динамической системы, а именно эмергентность, телеономичность (целопределенность), живучесть, устойчивость и др.

Таким образом, следует отметить, что нарастание количества исследований, которые можно отнести к когнитивным исследованиям, затрагивающим концептуальные основы функционирования нового источника конкурентных преимуществ фирм сопрягается и с некоторым прогрессом в глубине изучения данного феномена, что отражается в различных концептуальных подходах, нацеленных на выявление параметрических характеристик знания как основного конкурентного преимущества фирм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация // Л. Бриллюэн. М.: Наука, 1966. С. 12.
2. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. М.: Наука, 1968. С. 31.
3. Винер Н. Кибернетика // Н. Винер. М.: Наука, 1958. С. 32.
4. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2007. № 4 (61). С. 24.
5. Гуслистая А.В. Экономика знаний: концептуальные и прикладные аспекты корпоративного управления // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 8. С. 41–45.
6. Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. 2000. № 6. С. 28–39.
7. Иншаков О.В. Глобальная природа и современная теория факторов общественного бытия / О. Иншаков // Философия хозяйства. 2002. № 5. С. 23–35.
8. Касаткина О. «Экономика знаний» или экономика без знаний? // Известия. 2005. 20 мая. С. 18.
9. Константинов Г. Корпорация в экономике знаний // Корпоративное управление, 2006. № 3.
10. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие // А. Моль. М.: Мысль, 1966. С. 15.
11. Смирнова Н.М., Кармин А.С. Личностное знание // Диалектика познания. Л., 1988.
12. Фишер Р. Вероятностная концепция, 1921 и Хартли Р. Логарифмическая мера количества информации, 1928. См: Теория информации и ее приложения / Под. ред. А.А. Харкевича. М.: Наука, 1949. С. 12.
13. Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 34.
14. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике // К. Шеннон. М.: Прогресс, 1965. С. 243.
15. Шерешева М.Ю. Соотношение понятий «информационная экономика» и «экономика знаний» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2008. № 5. С. 24–31.
16. Эшби У.Р. Введение в кибернетику // У. Эшби. М.: Наука, 1958. С. 18.
17. Crawford R. In the Era of Human Capital: the Emergence of Talent, Intelligence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it Means to Managers and Investor. New York: Harper Business, 1999.

ЭФФЕКТИВНАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ

ДОЛЯ В.Е.

аспирант,

Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

В статье институт коррупции рассматривается как неизбежный в условиях высоких транзакционных издержек легитимного ведения бизнеса.

Ключевые слова: коррупция; власть и государство; экономическая активность; ограничения.

In article Institute for corruption is regarded as inevitable in the context of high transaction costs of legitimate business.

Keywords: corruption; power and the state; economic activity; restrictions.

Коды классификатора JEL: P37.

Коррупция представляет собой устойчивую систему взаимовыгодных отношений бизнеса и представителей государственной власти, мотивированных на получение личных материальных выгод. Исторически корни коррупции восходят к обычаю делать подарки с целью добиться к себе доброго расположения. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была выполнена. В то же время экономически ношение подарков представляет собой своего рода плату за оказываемую услугу. По мере развития и совершенствования системы государственного управления, усиления роли исполнительной власти (министерств, ведомств и др.) появились профессиональные чиновники (госуправленцы), которые должны за фиксированное жалование служить на благо своему народу, развивать общественный сектор экономики. На практике чиновники наоборот стремятся воспользоваться своим «особым» положением и выстроить систему взаимоотношений таким образом, чтобы наращивать личные доходы и получать социальные выгоды (статус, властные полномочия).

Первым правителем, о котором сохранилось упоминание как о борце с коррупцией, был Урукагина — шумерский царь города-государства Лагаша. Первый трактат с обсуждением коррупции — «Артакшастра» — опубликовал под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индии) в IV веке до н. э. В нем он сделал пессимистичный вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом» [6, с. 89].

Начиная с конца XVIII века на Западе в обществе начало формироваться негативное отношение к ищущим выгоду чиновникам. Либеральные преобразования проходили под лозунгом, что государственная власть существует для блага людей ей подвластных, и поэтому подданные содержат правительство в обмен на неукоснительное соблюдение чиновниками законов. Но во второй половине XX века коррупция все больше начала становиться международной проблемой. Подкуп корпорациями высших должностных лиц за границей приобрел массовый характер. Глобализация привела к тому, что процветающая коррупция в одной стране стала негативно сказываться на экономическом развитии других стран. При этом страны с наиболее высоким уровнем коррупции более не ограничивались третьим миром: либерализация в бывших социалистических странах в 1990-е гг. сопровождалась вопиющими должностными злоупотреблениями. В своем выпуске от 31 декабря 1995 г. газета «Financial Times» объявила 1995 год «годом коррупции» [20].

В настоящее время рассматриваемая система отношений, выстроена таким образом, что позволяет при минимальных затратах извлекать максимальную полезность, формировать рентоориентированное поведение заинтересованных субъектов экономических отношений. Руководствуясь примерами из социально-экономической практики, наблюдениями, анализом экономической ситуации в современной России, рассмотрим социально-экономический феномен эффективной коррупции как инструмент обеспечения устойчивости российских компаний.

Традиционно в России много говорят о борьбе с коррупцией, о том, что это негативное явление, которое наносит колоссальный ущерб всем экономическим субъектам и государству в целом. Данная проблема остается актуальной независимо от этапа экономического развития и типа экономической системы. Если в условиях административной системы коррумпированность приобретала завуалированные формы, была менее открыта, то в рыночной экономике подкуп чиновников и должностных лиц стал необходимой частью экономической деятельности (транзакционными издержками) представителей крупного и среднего бизнеса.

Несмотря на исследовательский интерес к данной проблеме, ее отдельные аспекты недостаточно разработаны, в частности, эффективно организованная система взаимовыгодных отношений бизнеса и власти может выступать инструментом повышения устойчивости компаний в рыночных условиях. Так, например Аминов Д.И. рассматривал систему коррупции как социально-правовой феномен, выделял направления ее преодоления. Аспекты институционализации коррупционных отношений нашли отражение в работах Тимофеева Л.М. Румянцева Е.Е. рассматривала коррупцию как противоположность демократии Козонов Э.Ю. поднимал вопросы об истоках коррупции и путях ее преодоления. Это свидетельствует о том, что коррупционный вопрос является, пожалуй, одним из самых популярных в настоящее время в России [17, с. 9]. Но, в большинстве своем, в современных исследованиях феномен коррупции рассматривается с позиции негативного проявления в обществе, выраженного в низкой эффективности функционирования экономики общественного сектора, в снижении доверия населением представителям власти и государства в целом. В этой связи актуальными являются вопросы экономической целесообразности сохранения данной системы отношений как инструмента активизации бизнеса, обеспечения его стабильности в условиях рыночной экономики.

Согласно данным исследований [18], в государствах со стабильной ситуацией и эффективным законодательством негативные последствия от коррупции могут превышать позитивные в 50–100 раз. Однако в том случае, если в стране нет отлаженной системы управления и плохо развито законодательство о защите собственности, коррупция может дать неожиданно сильный положительный эффект.

Негативное отношение к коррупционной деятельности зачастую обосновывается утилитарными соображениями: считается, что коррупция, подрывая законность в стране, приводит к увеличению экономических издержек при ведении бизнеса, а значит, ограничивает продуктивную деятельность и инвестиции, что оборачивается отрицательными последствиями с точки зрения экономического роста и развития человека.

Если речь идет о ситуации, когда права личности и собственности эффективно защищаются законом, эти аргументы представляются логичными, но они не относятся к тем странам, где прочное верховенство закона не установлено и не соблюдается последовательно. Другими словами, выгоды от коррупционной деятельности — стоимость, создаваемая в результате дополнительных продуктивных транзакций, которые она позволяет осуществить, — могут превышать издержки. Такая ситуация наиболее вероятна, когда законные возможности для занятия бизнесом сильно ограничиваются. Часто коррупция представляет собой «присвоение ренты», действия, ограничивающие экономическую активность — например, когда частные компании защищают себя от конкурентов с помощью государства. Но коррупция может приводить и к расширению масштабов экономической деятельности — в частности, когда граждане, подкупая чиновников, уклоняются от выполнения неразумных законов. Именно на этой основе базируется институт эффективной коррупции.

Таким образом, когда защита прав собственности слаба, коррупция может существенным образом способствовать расширению экономической деятельности. Там же, где собственность защищается эффективно, главный экономический эффект коррупции носит ограничительный характер.

В странах с неэффективной системой управления проявляются значительные позитивные эффекты коррупции. Многие виды коррупционной деятельности служат заменителем отсутствующих или неудачных законов. Подобные результаты позволяют предположить: когда коррупция в масштабах страны способствует росту, прямые кампании против нее могут встретить ожесточенное сопротивление и обернуться дорогостоящим противоборством. В этих обстоятельствах более уместной представляется задача фундаментального улучшения государственных институтов.

Когда реальный диапазон легальных возможностей, открывающихся перед экономическими агентами, ограничен, коррупционные отношения являются импульсом для активизации механизма коммерции. Коррупционная система способствует созданию стоимости, росту продуктивных инвестиций. Так во многих государствах Латинской Америки лицензионные ограничения на многие виды бизнеса активизируют теневую экономику, при этом ключевым инструментом ее поддержания является система взяточничества.

В данном аспекте коррупция не просто оправдывает себя, но и создает реальные предпосылки для формирования неформального института эффективной коррупции.

Здесь мы рассматриваем область взаимовыгодной коррупционной активности, где инициатива исходит, как правило, от бизнес-структуры, либо иной заинтересованной стороны, а отношения строятся на принципах экономической целесообразности и рентабельности коррупционной сделки. Таким образом,

в рассматриваемой нами сфере коррупционных отношений стороны, между которыми возникают отношения по поводу реализации определенных интересов конкретных экономических агентов путем вступления в коррупционный сговор по системе «принципал — агент», выступают по отношению друг к другу скорее как бизнес-партнеры, нежели как представители власти, с одной стороны, и бизнеса — с другой. В этой связи мы можем говорить о коррупции как о системе взаимоотношений, повышающей благосостояние и эффективность взаимодействующих субъектов, то есть об институте эффективной коррупции в рамках системы «принципал — агент».

Вступление в неформальные отношения представителей бизнеса и власти обусловлено необходимостью решения организационно-экономических вопросов в рамках производственной, коммерческой и других видов предпринимательской деятельности. В условиях рыночной экономики любая фирма независимо от масштабов предпринимательской деятельности (малая, средняя, крупная) ориентирована, прежде всего, на получение прибыли и ее максимизацию в процессе своей деятельности, в меньшей степени на достижение социальной справедливости в контексте концепции социально ответственного поведения [16, с. 37]. Кроме того, в процессе своей деятельности фирмы вступают друг с другом в конкурентную борьбу, которая является неотъемлемой частью рыночного экономического взаимодействия. Успех каждого рыночного агента зависит от степени его эффективности, мобильности, конкурентоспособности, доли, занимаемой его бизнесом на рынке, и устойчивости к различного рода негативным явлениям, например, к условиям экономического кризиса. Экономическая обусловленность хозяйственной (коммерческой) деятельности организаций определяется успешностью, эффективностью, или недостаточной результативностью экономической деятельности в условиях рынка, но не ограничена только экономическими причинами успеха или неудачи каждой конкретной фирмы. В этой связи исследовательский интерес представляют проблемы формирования выгоды от социального взаимодействия, то, благодаря чему отдельный рыночный агент достигает того или иного уровня конкурентной устойчивости, какую стратегию выбирает и какие факторы оказывают наибольшее, решающее воздействие на конечный результат экономической деятельности.

Российская институционально-нормативная среда предполагает сращивание представителей бизнеса с государственными чиновниками по многим вопросам, таким как лицензирование, всевозможные разрешения, госзаказы и многое другое [13, с. 356]. Оперативность взаимодействия с государством, лоббирование интересов конкретных рыночных агентов зачастую оказывают решающее воздействие на успешное ведение деятельности данными агентами. Теоретическим примером может служить рентоориентированное поведение — деятельность индивидуумов, организаций или фирм, направленная на получение выгод путем манипулирования законодательными или экономическими условиями, а не путем производства и продажи товаров или услуг. Рентоориентированное поведение в области экономического регулирования часто возникает в форме лоббирования. Концепция рентоориентированного поведения применяется к описанию коррупции чиновников, требующих и получающих откаты за положительное решение вопроса. Примером являются чиновники налоговой службы, получающие взятки за снижение налоговой нагрузки на своих клиентов [9, с. 126]. Рентоориентированное поведение может приводить к возникновению значительного риска недобросовестного поведения. Если «покупка» благоприятного экономического окружения оказывается дешевле, нежели построение более эффективного производства, агенты будут выбирать первую возможность, получая доходы, не связанные с их вкладом в общественное благосостояние. Это приводит к неоптимальному распределению ресурсов, — затратам средств на лоббирование и контр-лоббирование, вместо вложений в исследования и разработки, улучшение бизнес-процессов, профессиональное развитие или дополнительные капитальные блага, — что, в конечном счете, тормозит экономический рост. Что касается российской практики, то тут можно привести следующую статистику: средний размер бытовой взятки в России составляет около 5 тыс. рублей. В деловой сфере этот показатель исчисляется сотнями тысяч долларов [15, с. 20].

27 октября 2010 г. заместитель начальника департамента экономической безопасности МВД Александр Назаров констатировал, что средний размер взятки в России по сравнению с прошлым годом вырос почти в 1,5 раза. «За девять месяцев 2010 г. средняя сумма взятки превысила 42,5 тыс. руб., а коммерческого подкупа — приблизилась к 90 тыс. руб.», — заявил Назаров. Ранее Генпрокуратура сообщила, что средний размер взятки в России вырос до 30,5 тыс. рублей. По оценке надзорного ведомства, в 2009 г. этот показатель составлял 23,1 тыс. руб. [15, с. 12].

Масштабы коррумпированности экономики увеличиваются вследствие роста чиновничьего аппарата. Положительная динамика численности госчиновников, представленная на рисунке 1, свидетельствует о несоответствии провозглашаемому в верхах сокращению госаппарата и реальным ростом масштабов чиновников различного ранга. Так, по данным федеральной службы госстатистики численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления в 2009 г. составила 1674,8 тыс. чел., что на 57,7% больше по сравнению с 1995 г. [12, с. 56].

Рис. 1. Алгоритм реформы системы госуправления¹

Таким образом, в виду того, что государственный аппарат в лице чиновников различного ранга имеет абсолютно легитимные полномочия, связанные с воздействием на деятельность организаций практически во всех сферах экономики, то уже не экономические показатели эффективности, производительности и т.д. оказываются в центре внимания последних, а процесс налаживания связей и взаимовыгодных отношений в государственных структурах, процесс накопления социального капитала в сфере государственного управления рассматривается как необходимое условие успеха и обеспечения стабильности на рынке. Однако в общенациональном масштабе такая система ведения бизнеса является тормозом экономического прогресса и препятствует повышению благосостояния населения, потому что обладание технологиями или любыми другими экономическими преимуществами оказывается бессмысленным обременением при наличии вполне легальных, установленных законом, блокирующих преград со стороны государства.

Возможность обойти установленные законом рамки, ускорить процесс рассмотрения и принятия решений, а так же лоббировать свои интересы в кругах чиновников может оказать позитивное воздействие на общие экономические показатели деятельности, например, позволяет сократить издержки и, тем самым, увеличить прибыль. При этом представители чиновничества так же, руководствуясь личной выгодой, идут навстречу бизнесу, создают временные благоприятные условия [14, с. 60–62].

Рассматривая коррупцию как партнерство бизнеса и власти в сфере экономических интересов, отметим, что данное взаимодействие строится на основе обоюдной выгоды. В широком смысле в России рассматриваемый коррупционный рынок принимает форму факторного рынка, на котором власть обладает ресурсом, необходимым представителям бизнеса для создания наиболее выгодных условий ведения деятельности. Тем самым бизнес имеет возможность сокращать свои издержки и приобретать дополнительные бонусы, получая выгодные заказы, экономя время и финансовые ресурсы, занимая привилегированное положение по отношению к конкурентам или попросту имея возможность заниматься определенной деятельностью в обход нормам, установленным законом [3, с. 89–90].

Таким образом, коррупционные схемы в данном аспекте имеют в основе чистые экономические обоснования и побудительные мотивы. Каждая из сторон, совершающих сделку, обладает ресурсом, имеющим ценность для контрагента. Вступая в кооперацию, «партнеры» повышают степень своего благосостояния.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что коррупционная активность имеет в своей основе здоровый рыночный интерес к обогащению. В настоящее время создаются предпосылки к становлению «рынка коррупционных услуг» в масштабе государства [8, с. 57].

Социально-экономические неформальные связи и взаимоотношения по своей сути стали негласным институтом, своеобразным заменителем «неудобных» официально действующих норм и правил, прочно укоренившимся в российском обществе. Не получая от государства адекватных экономико-правовых институтов, российский бизнес решил данную проблему наиболее просто и эффективно.

На наш взгляд, борьба со всякого рода незаконными действиями в сфере бизнеса путем жесткого контроля, наказания и «закручивания гаек» не является эффективной. Если рассматривать данную проблему как болезнь, то эти меры сопоставимы с устранением ее симптомов. Единственно верным путем решения данной проблемы мы считаем формирование реально адекватных институтов экономики и права, обеспечивающих нормальную и, главное, спокойную деятельность российского бизнеса. Это и будет именно тем «лекарством», которое вылечит саму болезнь, устранив ее причины, а не последствия. Другими словами, если у бизнеса появится возможность выгодно осуществлять свою деятельность на легитимных началах, отпадет необходимость поиска «иных путей» деловой активности. А пока корруп-

¹ Составлено автором по материалам: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>.

ция превратилась во вполне устоявшийся, а главное выгодный и эффективный с экономической точки зрения инструмент ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбац Е.М. «Бюрократия: Борьба за выживание». М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Аминов Д.И. «Коррупция как социально-правовой феномен и пути ее преодоления» / Д.И. Аминов, В.И. Гладких К.С. Соловьев; Моск. акад. предпринимательства при правительстве г. Москвы. М.: Юрист, 2002.
3. Богданов И.Я. «Коррупция в России: Соц.-экон. и правовые аспекты» / И. Я. Богданов, А. П. Калинин; Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. М., 2001.
4. Волженкин Б.В. «Коррупция». СПб.: СПбЮИ, 1998.
5. Гевелинг Л.В. «Клептократия». М.: Гуманитарий, 2001.
6. Козонов Э.Ю. «Коррупция: истоки и пути преодоления» / Козонов Э. Ю., Жукаев А. М. М.: МАКС Пресс, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006.
7. Краснов М.А. «Коррупция на дорогах». М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.
8. Кузьминов Я.И. «Тезисы о коррупции». М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000.
9. Макаров А.А. «Коррупция в системе органов внутренних дел». М.: Nota Bene, 2009.
10. Максимов С. В. «Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения)». М.: 1999.
11. Мирошниченко Д.В. «Уголовно-правовое воздействие на коррупцию». М.: Юрлитинформ, 2010.
12. Россия в цифрах. 2010: Стат. Сб. / Росстат. М., 2010.
13. Роуз-Аккерман С. «Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы» / Сьюзан Роуз-Аккерман; пер. с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос, 2003.
14. Румянцев Е.Е. «Коррупция как противоположность демократии» // Научный эксперт, 2008. № 12.
15. Сатаров Г.О. «Информатика для демократии», доклад главы фонда политических исследований «Индем» по итогам завершаемого исследования уровня «бытовой» коррупции в России.
16. Тимофеев Л.М. «Институциональная коррупция: Очерки теории» / Лев Тимофеев; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. М.: Изд. центр РГГУ, 2000.
17. Фонд ИНДЕМ. «Россия и коррупция: кто кого» / Текст подгот. Регион. обществ. фондом «Информатика для демократии». М.: Независимая Газета, 2009.
18. Houston D.A. Can Corruption Ever Improve an Economy // Cato Journal. 2007. Vol. 27. № 3.
19. Росстат // Интернет ресурс: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>.
20. Иностранная пресса о России и не только // Интернет ресурс: <http://www.inopressa.ru/edition/ft>.

НАНОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

МОРГОЕВ Б.С.

соискатель,
Северо-Осетинский государственный университет,
e-mail: gushin_i@mail.ru

Автор исследует инновационную динамику нанотехнологического уклада современной экономики, а также факторы становления этого уклада.

Ключевые слова: нанотехнологии; инновации; экономический уклад.

The author explores the dynamics of an innovative nanotechnological way of the modern economy, as well as factors of development of this apparatus.

Keywords: nanotechnology; innovation and economic structure.

Коды классификатора JEL: O31, O33.

Инновационная динамика производства превращается в базовый фактор развития современного общества. Благодаря этому XXI век может войти в историю человечества как век ускоренного технического и социального развития, направленных на инновационное обновление всех сфер жизни общества.

Это означает, что достижение всех иных глобальных приоритетов обусловлено инновационными решениями, способными помочь им в раскрытии своего потенциала в масштабах мирового экономического пространства. Как справедливо отмечается в статье С. Любимцевой, «общая тенденция развития мировой экономики состоит в переходе от индустриального к неоиндустриальному способу производства, в котором будет развито информационное производство и будут использованы новые конструкционные материалы для производимой продукции, качество трудовых ресурсов, структура факторов производства и организации производственного процесса» [5].

Важным условием здесь является расширение пространственных возможностей инновационной деятельности и, в частности, производства высоких технологий. В будущем это станет главным для конкурентоспособного стимулирования межгосударственных экономических отношений и регулирования инновационной деятельности, управление которыми является чрезвычайно сложным и ответственным аспектом. Речь также идет о более эффективном использовании ресурсов в этом направлении (и, в первую очередь, человеческих ресурсов). Именно поэтому, «важнейшая задача в контексте модернизации многоукладной экономики России состоит в переходе от сырьевой экономики к экономике знаний, к инновационной стратегии. Россия пока не умеет свой мощный интеллектуальный потенциал конвертировать в интеллектуальный капитал в соответствии с требованиями модернизации» [4].

Современная эпоха — период больших экономических и социальных изменений. Созданы общие глобальные сети и системы из отдельных частей и компонентов, в которых глобальные интересы все чаще начинают преобладать над национальными. Как следствие, были сформированы четкие международные приоритеты, в которых мир предстает как единое экономическое пространство, или одной областью технического и экономического роста, что и объясняет переход от индустриального общества к постиндустриальному, в котором решающее значение будет иметь увеличение производства на базе создания и использования знаний и инноваций. Наиболее полно содержательные признаки постиндустриальной экономической системы сформулированы В. Ворониным в его проблемной статье «Интеллектуализация хозяйственной деятельности». Он отмечает, что «основным фактором создания благ выступают человеческие знания, используемые, прежде всего, благодаря науке; безусловным приоритетом воспроизводственного процесса является создание различного рода услуг, включая новые знания и новую информацию; овеществленная в живой и неживой природе информация, а также идеальная информация в форме человеческих знаний — важнейший предмет деятельности человека; технологической основой производственной деятельности становятся наукоемкие технологии; главное в процессе создания экономических благ — обмен-общение между хозяйственными объектами» [1].

Процесс перехода к новому технологическому укладу продолжает развиваться, более заметным стало и множество ограничений, а также развитие и масштабы инноваций в рамках процессов глобализации и деятельности в области информатики, связи, потребностей отрасли и рынка. Последнее означает, что в центре внимания в этой области находятся крупные научные заделы и использование огромных средств на исследования и эксперименты. Такие масштабы находятся уже не в пределах досягаемости отдельных стран, а становятся привилегией мощных корпораций с глобальными возможностями и стремлением к высоким технологиям.

Инновационные решения становятся не только все более приоритетными, но и позволяют сосредоточиться на создании супертехнологической базы, необходимой для экспериментальных исследований и привлечения лучшего научного потенциала в мире.

Эксперты CNN обозначили 25 ориентиров приоритетных открытий человечества: беспроводные технологии, военная техника, альтернативные технологии, биотехнология, компьютеры, лазеры, геномы, глобализация финансов, процессоры, цифровые информационные технологии, космос, оптическое волокно, анализ ДНК, видеоигры, биометрия, технологии экономии энергии и воды, сканирующие микроскопы, аккумуляторы, технологии по борьбе с компьютерными вирусами, дистанционное управление, клонирование животных, технологии компьютерного моделирования для прогнозирования изменения экранов [3].

Основная концентрация ученых в мире будет сосредоточена на инновациях и технологическом развитии в следующих направлениях (табл. 1).

Таблица 1

Основные направления технологического развития

Направления технологического развития	Содержание
Информационные технологии	Развитие аппаратного и программного элемента; распространение новых принципов разработки и внедрения программного обеспечения; применение экспертных систем и искусственного интеллекта; создание возможностей для всестороннего и комплексного управления и информатики; появление новых видов устройств
Биотехнологии	Удовлетворение глобальных потребностей; генная инженерия; создание новых видов промышленной продукции, медикаментов и продуктов питания
Создание и использование новых материалов	Разработка и использование новых материалов с более высокими и заданными техническими, эксплуатационными и потребительскими свойствами, доля которых будет все больше увеличиваться за счет вытеснения старых традиционных материалов
Нанотехнологии	Связь основных технологических инноваций с нанотехнологиями
Альтернативные источники энергии	Разработка и реализация новых подходов и способов получения и использования энергии
Использование космического пространства	Исследования по использованию космического пространства
Защита окружающей среды	Сосредоточение научных исследований на глобальном потеплении, использовании космического пространства, сохранении животного мира, сокращении или прекращении дальнейшего загрязнения

Как видно из таблицы, информационные технологии будут продолжать развиваться в аспекте дальнейшего совершенствования аппаратного и программного элемента. Будут продолжать распространение новые принципы разработки и внедрения программного обеспечения, разработки и применение экспертных систем и искусственного интеллекта, а создание возможностей для всестороннего и комплексного управления и информатики означает появление новых видов устройств, направленных на среднего потребителя, которые будут служить укреплению его социального статуса.

В сфере развития биотехнологий, по оценке экспертов, они займут в будущем второе место по важности развития и удовлетворения глобальных потребностей, особенно — генная инженерия, создание новых видов промышленной продукции и продуктов питания. Особое значение биотехнологии будут иметь в медицине, химии, сельском хозяйстве.

Что же касается создания и использования в производственном процессе новых материалов, то в ближайшие годы ожидается разработка и использование новых материалов с более высокими и заданными техническими, эксплуатационными и потребительскими свойствами, доля которых будет все больше увеличиваться за счет вытеснения старых традиционных материалов.

В ближайшие 10–20 лет все основные технологические инновации будут связаны с нанотехнологиями. Найдут ли это более широкое применение в Российской промышленности? Ведь это — направления, которые будут определять экономическое развитие XXI века. В экономическом обзоре ОЭСР по Российской Федерации отмечается, что «в среднесрочной перспективе Россия столкнется с проблемой внедрения более рациональной модели устойчивого догоняющего роста. Она должна быть основана на инновациях, инвестициях, накоплении человеческого капитала...» [8]. Как свидетельствуют данные официальной статистики, в Российской Федерации уже созданы определенные предпосылки для развития нанотехнологий и формирования нового технологического уклада, что проявляется в росте внутренних затрат и уже сложившейся определенной кадровой и организационной структуре подобных исследований (табл. 2).

Таблица 2

Нанотехнологический потенциал развития российской экономики [7]

Показатели	2008	2009
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями	463	465
Численность исследователей, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, человек	14873	14500
Внутренние затраты на исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, млн руб.	11026,2	15113,1

В условиях перехода к новому технологическому укладу ожидается разработка и реализация новых подходов и способов получения и использования энергии; продолжены исследования по использованию космического пространства. Одновременно с этим направлением будут развиваться и совершенствоваться новые потребности, которые будут сопровождать это направление технического прогресса, что приведет к качественно новым требованиям и формированию новых потребностей.

Наиболее важной проблемой формирования нового технологического уклада выступает защита окружающей среды. Увеличение числа людей на планете и постепенное истощение природных ресурсов выдвинули задачу устойчивого экономического развития во всем мире. Центральное место в этой глобальной концепции занимает защита окружающей среды. Основные усилия будут сосредоточены на глобальном потеплении, использовании космического пространства, сохранении животного мира, сокращении или прекращении дальнейшего загрязнения.

Следовательно, это будет общество, основанное на новых знаниях, на создании и внедрении новых продуктов, новых технологий и новых систем управления экономикой и промышленностью, на гуманизации экологических, экономических и социальных процессов. В этой связи, справедлив, по нашему мнению вывод С. Глазьева о том, что уже «сформулированы проблемы происходящего в настоящее время перехода нового технологического уклада из эмбриональной фазы развития в фазу роста». В его статье «Об антикризисной стратегии России» отмечается, что «расширение этого уклада сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Хотя расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут по экспоненте, а объемы производства в «ядре» нового технологического уклада, несмотря на кризисные обстоятельства, увеличиваются годовым темпом до 35%, его доля в структуре современной экономики остается скромной» [2].

Не вызывает сомнений, что XX в. явится рекордным в истории человечества по числу значимых радикальных инноваций в науке и технике.

Однако с не меньшей силой проявляют себя и негативные последствия инновационности, — научно-технические разработки часто приносят убытки, а не только преимущества; бывают опасные тенденции, такие, как — усиливающееся загрязнение окружающей среды, климатические аномалии, неудержимое стремление к сверхприбыли, жажда роскоши и комфорта, глобальное разрушение полезных ресурсов на планете, ущерб физическому и психическому здоровью большого числа людей в результате внедрения высоких технологий и коммуникаций.

В настоящее время Россия занимает шестое место в мире по исследованиям в области нанотехнологий (после Швейцарии, Голландии, США, Канады и Бельгии). Таким образом, нанотехнологии относятся к числу тех немногих сфер российской инновационной экономики, где отставание еще не приобрело устойчивый характер и может быть преодолено в относительно короткие сроки [9]. В 2012 г. прогнозируется получение выручки от продажи нанотехнологической продукции, создаваемой в результате внедрения проектов «Роснано» в объеме 1 млрд долл. Для сравнения, в 2010 г. этот показатель составил лишь 1 млрд руб. Это свидетельствует о том, что в 2013–2015 гг. «Роснано» придется утроить выручку от проектов, поскольку цель, поставленная правительством Российской Федерации, предполагает доход от нанотехнологий в России на уровне 900 млрд руб., что соответствует примерно 30 млрд долл. по текущему обменному курсу [6].

Экономика России должна перейти на следующий этап технологического развития, чтобы реализовать не только стратегию модернизации, но и свой интеллектуальный потенциал.

Это касается ряда актуальных направлений современной научно-технической мысли. В контексте реалий состояния российской экономики в настоящее время они охватывают пять приоритетных областей ее модернизации — энергетические отрасли, информационные технологии, биомедицинские технологии, телекоммуникации. Все эти отрасли находятся в авангарде мирового экономического развития и образуют стратегический вектор развития всей мировой цивилизации, всего современного технологического мира.

Сегодня российская экономика является преимущественно сырьевой. Однако это — «примитивный» тип экономики [10]. Такой тип экономики имеет определенные пределы развития, которые являются недостаточными для участия в текущем уровне развития мировой цивилизации. Вся деятельность добывающей экономики сводится к извлечению сырья из недр Земли, а затем его продаже. И этими двумя стадиями производственная деятельность в добывающей экономике исчерпывается. Кроме того, речь идет о добыче минеральных, а значит — исчерпаемых ресурсов. Поэтому необходимо переходить к следующему этапу цивилизации и к следующему этапу технологического развития, если страна хочет выйти на лидирующие позиции в мире.

Российская экономика должна основываться на отечественных интеллектуальных преимуществах, на способности изобретать новые технологии. Это — важнейший вопрос, ибо никакое оружие и никакая мощная армия не могут заменить необходимые продукты в широком смысле, которые люди используют в повседневной жизни. Однако большинство вещей, используемых россиянами, произведены или изобретены не в России. Это значит, что Россия пока не является страной, которая находится в авангарде и как лидер ведет за собой другие страны. А вот те страны, которые обладают уникальными знаниями, и удерживают доминирующие позиции в технологии, являются лидерами в современном мире.

Более высокий уровень технологического развития обеспечивает и более высокую производительность труда, превращая страну в «общество богатых». Несомненно, что уровень жизни зависит, в первую очередь, от уровня технологического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин В. Интеллектуализация хозяйственной деятельности // Экономист, 2007. № 7. С. 60.
2. Глазьев С. Об антикризисной стратегии России // Российский экономический журнал, 2009. № 6. С. 11.
3. Дамянов Д. Глобальная инновационная политика и тенденции ее развития // Интернет ресурс: <http://www.bestjobs.bg/kariera/statii/tema-globalna-inovacionna-politika-i-tendencii-na-razvitie/23/1098>.
4. Канцеров Р. Необходимость и возможность инновационной модернизации многоукладной экономики южных регионов России // Региональная экономика: теория и практика, 2008. № 1. С. 2.
5. Любимцева С. К стратегии инновационного хозяйства // Экономист, 2007. № 7. С. 50.
6. Нано Дайджест // Интернет-журнал о нанотехнологиях // Интернет ресурс: <http://nanodigest.ru/content/view/629/1>.
7. Российский статистический ежегодник, 2010. Раздел: Научные исследования и инновации: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 559.
8. Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации, 2009 год // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 59.
9. HiComm: Списание за нови технологии и комуникации // Интернет ресурс: <http://www.hicomm.bg/read-news.php?nid=5680>.
10. Surkov V. We should learn to earn money with our brains // Интернет ресурс: <http://rt.com/politics/official-word/surkov-interview-skolkovo/>.

ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

КАПЕЛИСТ Е.И.

аспирант,
Донской государственный аграрный университет,
e-mail: kapelist1986@rambler.ru

В целях обеспечения единства терминологической базы предпринята попытка разграничить понятия «бухгалтерская отчетность», «финансовая отчетность». В результате исследования выявлены три базовые точки зрения и проведено четкое разграничение исследуемых понятия широко применяемых в системе внутреннего контроля и аудита.

Ключевые слова: система внутреннего контроля; бухгалтерская отчетность; финансовая отчетность; бухгалтерская «финансовая отчетность».

They have made an attempt to differentiate notions bookkeeping «financial balance», financial accounting to provide unity of terminological basis. Three basic points of view have been revealed as a result of research and precise differentiation of the notions to use widely in the system of internal control and audit.

Keywords: internal control system; bookkeeping balance; financial accounting; bookkeeping «financial accounting».

Коды классификатора JEL: M42.

В связи с приближением российских правил (стандартов) к международным стандартам аудита в новом федеральном правиле (стандарте) аудиторской деятельности № 8 «Понимание деятельности аудируемого лица, среды в которой она осуществляется и, оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой (бухгалтерской) отчетности» (в ред. Постановления Правительства РФ от 19.11.2008 N 863) под системой внутреннего контроля понимается процесс, организованный и осуществляемый представителями собственника, руководством, а также другими сотрудниками аудируемого лица, для того чтобы обеспечить достаточную уверенность в достижении целей с точки зрения надежности финансовой (бухгалтерской) отчетности, эффективности и результативности хозяйственных операций и соответствия деятельности аудируемого лица нормативным правовым актам [6]. Данный подход совпадает с трактовкой данного понятия Институтом внутренних аудиторов и методикой COSO. Новая трактовка, на наш взгляд, является более емкой.

В нормативных актах, научных трудах, монографиях, учебной литературе мы можем встретить следующие термины: «бухгалтерская отчетность», «финансовая отчетность», «бухгалтерская (финансовая) отчетность», «финансовая (бухгалтерская) отчетность», «финансовая информация», «бухгалтерская информация».

Термин «бухгалтерская отчетность» применяется в базовых в области бухгалтерского учета нормативных актах, таких, как Федеральный закон № 129-ФЗ от 21.11.1996 г. «О бухгалтерском учете», Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ, утвержденное Приказом Минфина РФ от 29.7.1998 г. № 34н, Положение по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организаций» (ПБУ 4/99), утвержденное приказом Минфина РФ от 6.7.1999 г. № 43н, приказ Минфина РФ от 2.7.2010 г. № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций», приказы Минфина РФ от 18 сентября № 115н и № 116н «О внесении изменений в нормативные правовые акты по бухгалтерскому учету» в ФЗ «О бухгалтерском учете».

Наряду с понятием «бухгалтерская отчетность» применяется термин «финансовая отчетность», используемый в гражданско-правовом обороте в Гражданском Кодексе (ст. 91 п. 4 и ст. 103 п. 5 ГК РФ), статья 88, 89 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 24.11.1995 N 208-ФЗ, в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ.

В настоящее время существует несколько точек зрения на проблему разночтения применяемых понятий. Первая группа ученых отождествляет данные понятия, рассматривая их как синонимы и не проводя различий между ними. Вторая группа авторов проводит разграничения на основе глубокого понимания теории бухгалтерского учета. В Концепции развития бухгалтерского учета в РФ указано, что «бухгалтерский учет представляет собой информационную базу, на основе которой хозяйствующие субъекты подготавливают бухгалтерскую отчетность юридического лица... Информация, формируемая в бухгалтерском учете, используется для составления управленческой, налоговой, статистической отчетности, отчетности перед надзорными органами. При необходимости на основе данной информации должны составляться также другие виды отчетности» [5]. Я.В. Соколов дает следующее определение: «Бухгалтерская отчетность — это система учетных показателей, отражающих хозяйственную деятельность фирмы за определенный период» [9, с. 370].

Таким образом, бухгалтерский учет рассматривается как интегрирующее понятие, включающее самые разнообразные виды учета, например, налоговый, управленческий, стратегический, социальный, экологический и т.д.

Следует обратить и на тот момент, что, согласно Положению по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организаций» (ПБУ 4/99), утвержденному приказом Минфина РФ от 6 июля 1999 г. № 43н, применяется термин «информация», сопутствующий бухгалтерской отчетности. В такой информации раскрываются «динамика важнейших экономических и финансовых показателей деятельности организации за ряд лет; планируемое развитие организации; предполагаемые капитальные и долгосрочные финансовые вложения; политика в отношении заемных средств, управления рисками; деятельность организации в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; природоохранные мероприятия; иная информация» [5]. Несомненным является то, что данная информация носит финансовый характер и может быть сформирована в различных видах учета: управленческом, экологическом, стратегическом и др. Так, в соответствии с этим нормативным актом: «При раскрытии дополнительной информации, например, природоохранных мероприятий, приводятся основные проводимые и планируемые организацией мероприятия в области охраны окружающей среды, влияние этих мероприятий на уровень вложений долгосрочного характера и доходности в отчетном году, характеристику финансовых последствий для будущих периодов, данные о платежах за нарушение природоохранного законодательства, экологических платежах и плате за природные ресурсы, текущих расходах по охране окружающей среды и степени их влияния на финансовые результаты деятельности организации» [5].

Практика составления пояснительной записки свидетельствует, что в ней, наряду с пояснениями бухгалтерской отчетности, крупные организации приводят данные о выполнении бюджетов (например, бюджета доходов и расходов). Данная информация формируется в системе управленческого учета. Таким образом, применительно ко второй точке зрения бухгалтерская отчетность рассматривается как понятие более широкое, чем «финансовая отчетность». Однако такое понимание, на наш взгляд, требует тотального пересмотра практически всех нормативных актов в области бухгалтерского учета, налогообложения, аудита, финансов и закрепления четкого понимания понятия «бухгалтерский учет» в широком смысле слова. Кроме того, потребует пересмотр и традиционной теории бухгалтерского учета (со всеми вытекающими последствиями). Подобная точка зрения имеет право на существование, но ее применение в настоящее время нецелесообразно.

Третья точка зрения разграничивает финансовую и бухгалтерскую отчетность: если в России в рассмотренных нами выше нормативных актах применяется термин «бухгалтерская отчетность», то за рубежом организации, применяющие МСФО, формируют финансовую отчетность, базирующуюся на концепции рискованного финансового капитала. Согласно точке зрения А.Н. Хорина, понятие «бухгалтерская отчетность» более узкое по сравнению с «финансовой отчетностью». Следует отметить, что при формировании финансовой отчетности возрастает роль профессионального суждения бухгалтера. Под бухгалтерской отчетностью он понимает отчетность, сформированную в соответствии с требованиями действующего российского законодательства. В РФ состав отчетности четко регламентирован Приказом Минфина РФ от 02 июля 2010 г. № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций», Положением по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организаций» (ПБУ 4/99), утвержденным приказом Минфина РФ от 6 июля 1999 г. № 43н. В финансовой отчетности может раскрываться как бухгалтерская, так и небухгалтерская информация. Она может содержать данные о финансовом положении, финансовых ресурсах организации, объемах и формах привлечения в оборот организации собственного и заемного капитала; финансовом результате деятельности организации за отчетный период, размерах и формах экономических выгод, полученных основными группами поставщиков финансовых ресурсов организации, добавленной стоимости; изменении финансового положения организации, изменении источников финансирования и направлениях их использования в организации, движении фондовых потоков организации за отчетный период и др. Очевидным является то, что для бухгалтерской отчетности характер-

но преобладание юридической формы над экономическим содержанием, в то время, как для финансовой отчетности — преобладание экономической сути показателей над юридическими нормами национального законодательства.

Считаем целесообразно в научных исследованиях, при постановке и функционировании системы внутреннего контроля и аудита придерживаться третьей точки зрения. Следует обратить внимание на еще один аспект исследуемой проблемы. В федеральном правиле (стандарте) аудиторской деятельности (ФСАД 1/2010) «Аудиторское заключение о бухгалтерской (финансовой) отчетности и формирование мнения о ее достоверности» в п. 14 указывается на то, что «в аудиторском заключении может быть выражено немодифицированное или модифицированное мнение о достоверности бухгалтерской отчетности». В ранее действовавшем правиле (стандарте) № 6 «Аудиторское заключение по финансовой (бухгалтерской) отчетности» указывалось, что аудитор оценивает степени соответствия финансовой (бухгалтерской) отчетности законодательству Российской Федерации. При этом отмечалось, что требования, изложенные в данном стандарте, могут быть использованы для подготовки аудиторских заключений по бухгалтерской информации, которая не является финансовой (бухгалтерской) отчетностью.

Как нами уже было показано, бухгалтерская отчетность, в ряде случаев, может включать отдельные элементы финансовой отчетности, т.е. по сути дела представляет симбиоз эти видов отчетности. В связи с этим считаем правомерным в данной ситуации применять термин «бухгалтерская (финансовая) отчетность».

Таким образом, мы рекомендуем разграничить понятия «бухгалтерская отчетность», «финансовая отчетность» и бухгалтерская (финансовая) отчетность. Под бухгалтерской отчетностью понимается отчетность, сформированная в соответствии с требованиями действующего в РФ законодательства. Бухгалтерская (финансовая) отчетность по своей природе является комбинированной и включает наряду с бухгалтерской отчетностью отдельные элементы финансовой. Особенностью финансовой отчетности является то, что в ее основе лежит концепция рискованного финансового капитала.

Для повышения эффективности деятельности коммерческой организации в рамках учетной системы необходимо формировать надежную и достоверную информацию, пригодную для целей управления. Однако само по себе соблюдение законодательства в области бухгалтерского учета, налогообложения, позволяющее предотвратить злоупотребления и сформировать достоверную бухгалтерскую (финансовую) отчетность автоматически не обеспечивает повышение эффективности. Как показывает практика «потери от обычной неэффективности бизнес-процессов могут значительно превышать последствия от злоупотреблений [4, с. 7]. Система внутреннего контроля способствует не только профилактике и ранней диагностике нарушений, приводящих к искажениям бухгалтерской (финансовой) отчетности, но и позволяет выявлять внутренние резервы повышения эффективности на основе данных финансовой отчетности, обеспечивая тем самым высокий уровень управляемости бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая и третья). Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
2. Концепция развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу: утвержденная Приказом Минфина России от 01.07.2004 г. № 180. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России (одобрена Методологическим Советом по бухгалтерскому учету при Минфине РФ и Президентским Советом института профессиональных бухгалтеров 29.12.1997 г.). Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
4. Макеев Р.В. Постановка систем внутреннего контроля: от проверок отчетности к эффективности бизнеса // Р.В. Макеев. М.: Вершина, 2008.
5. Положение по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99) [Электронный ресурс]: утверждено приказом Минфина РФ от 06.07.1999 г. № 43н (в ред. Приказа Минфина РФ от 18.09.2006 г. № 115н). Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
6. Постановление Правительства РФ от 23.09.2002 г. № 696 «Об утверждении федеральных правил (стандартов) аудиторской деятельности» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 04.07.2003 г. № 405, от 07.10.2004 г. № 532, от 16.04.2005 г. № 228, от 25.08.2006 г. № 523, от 22.07.2008 г. № 557, от 19.11.2008 г. № 863) // СПС «Гарант».
7. Приказ Министерства финансов РФ от 29.07.1998 г. № 34н «Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ» (с изм. и доп.). Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
8. Приказ Минфина РФ от 20.05.2010 г. № 46н «Об утверждении федеральных стандартов аудиторской деятельности» (с изм. и доп.) Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.

9. Соколов Я.В. Основы теории бухгалтерского учета [Текст] / Я.В. Соколов М.: Финансы и статистика, 2000.
10. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
11. Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп.) Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
12. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности». Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.
13. Хорин А.Н. О достоверности и существенности показателей бухгалтерской отчетности // Бухгалтерский учет. 1999. № 11. С. 60–62.
14. Хорин А.Н. Финансовая отчетность организации: цель ее составления // Бухгалтерский учет. № 7. 2001. Электронно-правовая система «Консультант Плюс» // Интернет ресурс: <http://www.consultant.ru/online/>.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ КРУПНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «РОССИЙСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ»)

СОРОКИНА О.Г.

аспирант,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
e-mail: sorokinaoksana@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования профессиональных компетенций сотрудников крупных корпораций. Главной целью концепции управления знаниями является повышение эффективности работы персонала, подтверждением чего служат задачи и функциональные связи системы развития персонала, а также развитие системы корпоративного обучения.

Ключевые слова: концепция управления знаниями; профессиональные компетенции; эффективность работы персонала.

The article considers some relevant questions of formation of professional competences of employees of large corporations. The main objective of the concept of knowledge management is increase of overall performance of the personnel. In acknowledgement of that some problems and functional communications of employees development system and also development of system of corporate training serve are presented.

Keywords: concept of knowledge management; professional competences; efficiency of employees.

Коды классификатора JEL: M12.

В настоящее время корпорация ОАО «Российские железные дороги» стоит на пороге коренных изменений, связанных с реализацией новых принципов стратегического развития. Российские железные дороги призваны стать основой интенсивного социально-экономического подъема страны.

Для повышения конкурентоспособности ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») необходимо осуществление взаимоувязанной системы действий, включающих, по мнению экспертов, следующие направления [1, 73]:

- модернизацию железнодорожных коммуникаций, обеспечивающих направления международных перевозок пассажиров и грузов;
- создание нормальных конкурентных условий функционирования рынков транспортных услуг;
- совершенствование производственно-технической базы транспорта на основе эффективной инновационной политики;
- активизация инвестиционной деятельности;
- совершенствование законодательно-правовой и нормативной базы, соответствующей мировой практике и применению современных технологий товародвижения на логистических принципах.

Конкурентоспособность компании достигается в результате внедрения новых услуг и повышения их качества, снижения себестоимости производственных процессов, внедрения высоких стандартов организации труда. Условием этого являются подготовленность работников компаний ОАО «РЖД», рост их компетенций в сфере внедрения новой техники и технологий, систем управления качеством и обеспечения безопасности движения. Возрастает роль менеджмента компаний входящих в холдинг ОАО «РЖД» и развития компетенций руководителей в сфере финансов и управления бизнесом.

Существенно изменились условия внешней среды, релевантные для отдельных функциональных направлений стратегии развития кадрового потенциала корпорации ОАО «РЖД». Примером могут служить

последствия мирового финансово-экономического кризиса, усилившие акцент на поиске оптимальных решений с точки зрения трудовых ресурсов с учетом прогнозов развития демографической ситуации.

Потребовалось сосредоточить внимание на противодействии различного рода угрозам, защите работников, поиске оптимальных решений, которые позволяют при экономии расходов сохранить кадровый потенциал как главную корпоративную ценность обеспечивающую конкурентоспособность развития ОАО «РЖД». Оптимизация расходов имеет долгосрочное измерение, определяющее необходимость обращать внимание на современные технологии и оценку эффективности различных сторон деятельности по управлению персоналом, ввести экономические индикаторы его деятельности.

Конкурентоспособность современных корпораций определяется характером и качеством внедрения последних достижений научно-технического прогресса. В условиях формирования инновационной экономики понятие «конкурентоспособность компании» становится тождественным понятию способности формирования профессиональных компетенций и к созданию наукоемких нововведений — инноваций.

Конкурентоспособность является системным свойством, которое интегрирует следующие четыре фактора: качество выпускаемой инновационной продукции; адаптивность, которая понимается как свойство предприятия оперативно приспосабливаться к изменениям во внешней среде, как процесс структурной и внутриорганизационной перестройки; инновационность, которая характеризует способность и готовность предприятия осуществлять эффективную инновационную деятельность, осваивать новые виды инновационной продукции; реальную производительность, которая понимается как соотношение результатов производственного процесса — выпущенной годной продукции, к трудовым затратам, обеспечивающим ее производство.

В настоящее время на первый план выходят неценовые факторы конкурентоспособности, из которых важнейшее значение имеют качество товара, его новизна и наукоемкость изделий. Главное конкурентное преимущество отечественных компаний основывается на развитии навыков, инновационных возможностей, элементов интеллектуального капитала.

В крупных отраслевых корпорациях последние годы конкурентные преимущества обусловлены компетенциями персонала, а также эффективно встроенными в бизнес-процессы информационными технологиями. В условиях ресурсных ограничений интеллектуальный капитал в большей мере, чем физические активы или финансовый капитал, становится устойчивым конкурентным преимуществом развивающейся компании. За счет деятельности персонала формируется человеческий и интеллектуальный капитал современных корпоративных структур. Их вектор развития определяется степенью использования кадрового потенциала. Это особенно важно для компаний, избравших инновационный путь развития.

Постоянно меняющиеся условия конкурентной среды делают неактуальными существующие ключевые компетенции. Следовательно, конкурентоспособность зависит от создания будущих компетенций. Для создания ключевых компетенций крупным компаниям необходимы особые качества — динамические возможности. Создание ключевых компетенций требует аккумуляции и интеграции конкурентных навыков, находящихся как внутри, так и вне фирмы. Поэтому для создания ключевых компетенций способность интегрировать различный опыт очень важна для развития компаний.

Часто факт того, что система управления персоналом обладает большим технологическим потенциалом, выпадает из внимания. На современном этапе развития экономики, когда едва ли не все корпорации обладают доступом к одним и тем же технологиям, реальная разница в достижении поставленных целей организации достигается за счет человеческих ресурсов.

Преимущества крупных компаний все более зависят от компетенций ее сотрудников. Особенно актуальной проблема формирования компетенций персонала стала в условиях посткризисного развития. Реальная конкурентоспособность компании является функцией надежности всех основных технических элементов, транспортной системы, технологического обслуживания.

Главным условием для повышения качества инноваций, результативности проектов и преобразований, а также текущей производственной деятельности ОАО «РЖД» в ходе реформирования корпорации и создания холдинга является эффективность процесса трансформации корпоративных трудовых ресурсов в кадровый капитал посредством стимулирования активной вовлеченности всех работников в деятельность компании.

Первоосновой для этого являются формирование профессионального, кадрового потенциала и его постоянное развитие. Это предполагает поиск необходимых трудовых ресурсов на рынке труда и вовлечение их в сферу интересов корпорации; отбор и прием персонала в соответствии с корпоративными потребностями; постоянное обеспечение высокого уровня его профессиональной подготовки, компетентности руководителей и специалистов.

Динамичное развитие персонала и системы управления им — одно из условий эффективной реализации новых стратегических задач ОАО «РЖД», направленных на обеспечение конкурентоспособности, что диктует необходимость совершенствования подходов к долгосрочному планированию и методам реализации кадрового менеджмента.

На всех этапах исторического развития кадровое обеспечение железнодорожной отрасли находилось в центре внимания руководства, что обусловлено сложностью и комплексностью решаемых задач

стратегического и государственного значения, необходимостью обеспечения надежности и безопасности перевозок. К железнодорожникам всегда предъявлялись повышенные требования по инженерной и технической подготовке, соблюдению служебной и производственной дисциплины.

После образования ОАО «РЖД» задачи кадрового обеспечения приобрели корпоративное звучание, а в период реформирования железнодорожного транспорта потребовали адаптации к новым условиям ранее сложившихся и зарекомендовавших себя механизмов кадровой политики. Специфика работы с персоналом, подходы к трудовым ресурсам с позиции человеческого и интеллектуального капитала были переориентированы на стратегическое видение целей, проблем и возможностей.

В соответствии с распоряжением ОАО «РЖД» от 10.05.2006 № 933р была принята Функциональная стратегия развития кадрового потенциала ОАО «РЖД», поставившая задачу: обеспечить потребности корпорации в квалифицированном персонале. Решения о среднесрочном планировании кадрового потенциала позволили обеспечить преемственность и развитие ранее использовавшихся инструментов, консолидировать системный подход к управлению персоналом, создать базис для долгосрочного развития.

На основе проектирования системы управления знаниями были созданы надежные механизмы, которые позволили:

- обеспечить потребности компании в квалифицированном персонале, в т. ч. с учетом региональных и профессиональных особенностей;
- оптимизировать качественный и количественный состав персонала, усилить его инженерную составляющую, увеличить долю работников с профильным высшим и средним профессиональным образованием;
- контролировать рост производительности труда.

К реализованным механизмам следует отнести:

- ❖ систему нормативно-правового обеспечения, актуализированную и расширенную для решения задач стратегии развития;
- ❖ организационную и структурную систему управления персоналом, позволяющую оперативно и эффективно решать задачи кадрового обеспечения и корпоративного развития персонала;
- ❖ централизованную скоординированную систему принятия решений по кадровым, социальным, организационно-штатным и мотивационным вопросам, а также по оплате труда, что определяет необходимость подготовки и переподготовки персонала для развития кадрового потенциала;
- ❖ внутрикорпоративную ротацию персонала в процессе реформирования компании;
- ❖ комплекс мотивационных мероприятий материального и нематериального характера, направленных на повышение заинтересованности персонала в улучшении производственных и качественных показателей;
- ❖ единую корпоративную систему социальной поддержки работников, медицинского и жилищного обеспечения, содействия культурному развитию и оздоровлению;
- ❖ оформленные подходы к ведению информационной политики и построению внутренних коммуникаций;
- ❖ организационную культуру компании, сформированную на основе корпоративных ценностей и поддерживаемую персоналом;
- ❖ систему планирования и реализации корпоративной молодежной политики в сфере кадрового обеспечения специалистами, содействия развитию их творческих, инновационных компетенций.

С завершением перехода от ведомственного к корпоративному подходу к развитию персонала в ОАО «РЖД» была создана целостная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров на основе сотрудничества с университетскими комплексами железнодорожного транспорта и ведущими российскими образовательными учреждениями.

Сформирована структура собственных корпоративных образовательных ресурсов в формате технических школ, учебных центров, корпоративного центра развития профессионального обучения; налажена плановая работа по организации развития и обучения персонала. За счет усиления плановых обучающих элементов увеличилась действенность подготовки резерва кадров для замещения должностей руководителей.

В стратегию развития кадрового потенциала должны системно встраиваться задачи по внедрению конкретных механизмов развития работников, оценке их деятельности и мотивации на постоянные улучшения, включая реализацию принципа лидерства руководителей.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г. не только определяет общее направление инновационного развития, но и задает вполне определенные целевые параметры, которые в силу высокой социальной ответственности должны использоваться корпорацией ОАО «РЖД». Например, охват персонала системой непрерывного обучения и формирование центров оценки квалификации с участием работодателей.

Такие же требования предъявляет и система социальной ответственности компании. Речь идет о мониторинге определенной группы социальных показателей, включаемых в социальный отчет корпорации,

а также о включении ряда новых направлений (например, в сфере экологических, природоохранных мероприятий) в поле действия стратегии управления знаниями.

Стратегия развития кадрового потенциала отражает нацеленность на стратегические задачи корпорации и определяет основной механизм ее реализации — повышение вовлеченности персонала в решение поставленных задач при росте эффективности его профессиональной деятельности.

Такой подход, являясь логическим следствием успешно проделанной в предыдущие годы работы, позволяет расширить горизонт планирования до долгосрочных задач с акцентом на качественную составляющую.

Для того чтобы структурировать стратегию управления знаниями на предприятии, сформировать основные варианты такой стратегии, необходимо, во-первых, провести аудит имеющихся на предприятии знаний и классифицировать их. Знания классифицируются по предмету, виду, источнику, форме хранения, форме представления, способам концентрации знаний, доступа к ним и их распространения.

Предметная классификация знаний имеет разветвленную структуру. Корпоративные знания по этой предметной классификации могут быть отнесены к знаниям о самой компании; о внешней среде, ее структуре и объектах; о взаимоотношениях и связях предприятия и внешней среды. Эта классификация является наиболее общей и наиболее важной в аспекте формирования когнитивной стратегии.

Кроме того, выделяются общие фундаментальные, специфические и прикладные знания социально-экономического, технического и естественно-научного характера.

По мнению Г.Б. Клейнера, знания о компании могут относиться к функциональным подсистемам предприятия [2, 464]: ментальной; институциональной; когнитивной; имущественно-финансовой и технологической; имитационной; исторической.

Важны также знания об индивидуальных характеристиках персонала и менеджмента предприятия, интересах, обязанностях, правах, возможностях и ответственности инсайдеров, отдельных групп и коллективов. Поскольку в стратегическом планировании большое значение имеет процессная структура, или структура бизнес-процессов предприятия, следует выделить знания о бизнес-процессах в компании.

Знания о внешней среде имеют примерно такую же предметную структуру, с выделением в ней важных для компании объектов (деловых партнеров, представителей муниципальных, региональных и федеральных органов и т.п.) и их организационно-управленческой и функциональной структуры.

Классификация знаний по характеру передачи в первую очередь учитывает автономность знаний. Знания подразделяются на отделимые, т.е. допускающие передачу от одного человека — первичного обладателя знаний к другому, и неотделимые, не допускающие такой передачи.

Эта передача может осуществляться в виде формализации (выражения в виде описания на каком-либо носителе), в виде обучения, беседы или просто с помощью наблюдения над тем, как человек работает. Неотделимые же знания настолько тесно встроены в духовный мир человека и его практику, что не могут быть извлечены и переданы другому. Существуют и знания, неотделимые от коллектива, где элементы знаний, хранящиеся у каждого члена коллектива, дополняют друг друга.

Система управления знаниями в полной мере отражает корпоративный принцип стратегического планирования, формулируя целевое состояние и решение задач стратегии развития ОАО «РЖД».

Основными параметрами системы управления знаниями являются:

- повышение конкурентоспособности компаний ОАО «РЖД» как работодателей на рынке труда за счет систем развития кадрового потенциала, оплаты труда, мотивации, оценки персонала и его социальной поддержки;
- соответствие компетенций менеджеров среднего и высшего звена в области корпоративных финансов, управления бизнесом, внедрения принципов и технологий управления организацией, ориентированных на соответствие требованиям стратегии развития холдинга;
- оптимальная возрастная структура и качественный состав персонала компаний холдинга;
- реализация инновационного потенциала персонала посредством системы постоянных улучшений производственных и социальных условий работы в холдинге;
- корпоративная система непрерывного обучения работников на основе планирования индивидуального развития и контроля знаний;
- повышение эффективности деятельности персонала за счет совершенствования системы оценки и мотивации;
- рост производительности труда, соотносимый с финансово-экономическими показателями производственной деятельности;
- единая корпоративная система использования и ротации персонала за счет развития базы вакансий и резерва кадров;
- высокая привлекательность работы в ОАО «РЖД», обеспечиваемые за счет развития статуса социально ответственной компании;
- соответствие деятельности по управлению персоналом международным стандартам менеджмента качества;
- применение в сфере управления персоналом передовых информационных и управленческих технологий на уровне ведущих железнодорожных компаний мира.

Система управления знаниями последовательно реализует процессный подход, так как единое управленческое пространство делает еще более актуальной задачу совершенствования и унификации управления персоналом.

Ключевые процессы и задачи концепции управления знаниями взаимосвязаны. Главной целью концепции управления знаниями является повышение эффективности работы персонала, отражением этого служат задачи и функциональные связи системы развития персонала, а также развитие внутрикорпоративной системы обучения, актуальность которого обуславливают:

- ◆ совершенствование организационных структур в условиях завершающей фазы реформирования железнодорожного транспорта;
- ◆ установки на внедрение международных стандартов качества;
- ◆ инновационные процессы в сфере техники и технологий.

Совокупность этих обстоятельств предполагает создание специфической образовательной среды, включающей в себя элементы как профессионального образования и непрерывного повышения квалификации, так и освоения корпоративных компетенций, основанных на развитии предпринимательского мышления, знаний и навыков успешного менеджмента, в т. ч. в специфической сфере обеспечения качества бизнес-процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов В.М. «Железная» стратегия // Транспорт России. 2009. № 35.
2. Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008.

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ЛАВРЕНТЬЕВ В.В.

преподаватель,
Южный федеральный университет,
e-mail: lavrentievvv@rambler.ru

Период трансформации социально-экономических отношений породил целый ряд новых социальных и экономических проблем и трудностей, неизбежных в условиях резких, не всегда регулируемых государством изменений. Важную роль в решении социально-экономических проблем призвано сыграть малое предпринимательство, которое является важнейшей стержневой составляющей экономической структуры стран с рыночной экономикой.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; государственное регулирование; рыночные реформы.

The period of transformation of social and economic relations has generated variety of new social and economic problems and difficulties, inevitable in the conditions of sharp, not always changes regulated by the state. An important role in the decision of social and economic problems small business which is the major rod making economic structure of the countries with market economy urged to play.

Keywords: subjects of small and average business; state regulation; market reforms.

Коды классификатора JEL: L26.

Рыночное поведение малого предпринимательства во многом зависит и определяется социально-экономической ситуацией, в которую ставит его государство. Это дает возможность государству путем воздействия на него через систему мер прямого и косвенного государственного регулирования экономики обеспечить необходимые структурные и социальные преобразования. Для России весьма важным является и то, что подавляющее большинство российского населения в настоящее время в стране кризисной ситуации объективно вынуждено самостоятельно решать проблемы своего самообеспечения и самозанятости. Это относится не только к безработным, но и к работающему населению, вынужденному на основе «двойной» и «тройной» занятости решать социально-экономические проблемы своих семей. Дальнейшее продолжение рыночных реформ возможно лишь при условии реального улучшения социального положения основной массы населения, то есть перехода страны к адекватной рыночной экономике социальной структуре общества с подавляющей долей и влиянием среднего класса. Изучение зарубежного опыта показывает, что во всем мире средний класс формируется на базе эволюционно развивающегося малого и затем среднего бизнеса. Поэтому исследование закономерностей функционирования и развития малого предпринимательства, его, социально-экономических функций и социально-экономической эффективности в российской экономике в условиях ее перехода к современному миру малому и среднему бизнесу отведена важная социальная роль. Опыт ведущих стран мира показывает: поддерживая этот сектор экономики, государство получает возможность способствовать укреплению среднего класса, росту уровня жизни и ликвидации неравенства в обществе.

В рамках малой экономики действуют все малые формы хозяйствования, включая субъектов малого предпринимательства и различные формы неформальной занятости населения (репетиторство, народные промыслы, извоз и др.) В отличие от других малых форм хозяйствования субъекты малого бизнеса имеют в своей хозяйственной деятельности четко выраженную рыночную ориентацию, то есть они с самого начала организуют свою деятельность не только с целью самовоспроизводства, но и получения прибыли. Это наиболее активная, динамичная и рыночно ориентированная часть малой экономики. К началу 2011 г. общее число субъектов малого предпринимательства в РФ составило 7,7 млн ед., хотя количество малых предприятий во всех отраслях экономики сократилось, и общее увеличение численности субъектов российского малого предпринимательства происходило в основном за счет индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица (их доля — около 80%).

Малое предпринимательство как особая хозяйственная подсистема функционирует и эволюционно развивается во всех странах с рыночной экономикой — в индустриально развитых и в развивающихся, выполняя в более сложной макросистеме определенные функции. Под функциями малого предпринимательства и других субъектов малой экономики как живой саморазвивающейся хозяйственной подсистемы в рамках национальной экономики мы понимаем их предназначение, роль в решении социально-экономических проблем общества на основе использования всех видов ресурсов с целью удовлетворения индивидуальных, коллективных и общественных потребностей.

В целом ряде работ по проблемам малого предпринимательства авторы выделяют функции предпринимателя как организатора производства, опираясь на теорию Шумпетера Й. и др. классиков. [1, 3, 7, 4] Например, Афонин Ю.А. и Жабин А.П. в рамках предпринимательской функции выделяют круг конкретных функций: а) развитие как ключевой момент предпринимательской деятельности (оно включает разработку новых видов продукции и освоение новых рынков, формирование новой организационной структуры; б) менеджмент; в) производство; г) управление. Данный подход, хотя и правилен, не дает, на наш взгляд, достаточно узкую трактовку предпринимательской функции, лишь в аспекте предпринимательского управления и на уровне отдельного субъекта хозяйствования, причем этот субъект хозяйствования по размерности может быть не только малым, но и крупным. Нам же важно, исследовать популяцию субъектов малого предпринимательства как хозяйственную подсистему в аспекте выполняемых ею экономических и социальных функций для более сложной макросистемы — будь то национальная экономика в целом или система воспроизводства общественного капитала, постепенно формируемая в процессе рыночной трансформации собственности и других производственных отношений. При этом важно определить, чем обусловлено выполнение малым предпринимательством выполнение тех или иных социально значимых функций в национальной экономике, или что является для этого объективной материальной основой. Поэтому с позиции макросистемы при определении системы функций малого предпринимательства в рыночной экономике более обоснованы взгляды тех экономистов, которые выделяют и исследуют его отдельные экономические или социальные функции: а) конкурентную (Хаек Ф., Афанасьев В., Молибог Ю., Юданов А. и др.); б) инновационную (Шумпетер Й. и его последователи); в) обеспечение занятости (Афанасьев В., Чепуренко А., Шурус А. и др.); г) создание условий для формирования среднего класса (Аганбегян А., Афонин Ю., Жабин А. и др.), и некоторые другие. Так, Шурус А. среди экономических функций субъектов малого предпринимательства в рыночной экономике выделяет функцию налогоплательщика, что является достаточно спорным, поскольку данную функцию должны выполнять все субъекты хозяйствования независимо от их размерности. Более того, ее реализация прямо связана с формированием доходов бюджетов всех уровней, а не с решением социально-экономических проблем общества. На наш взгляд, напротив необходимо законодательно ограничить необоснованное расширение функции налогоплательщика применительно к малому предпринимательству, поскольку это может подорвать материальную основу его развития как хозяйственной подсистемы в рамках нормально функционирующей рыночной экономики. Поэтому мы полностью исключили фискальную функцию малого предпринимательства из числа социально значимых функций для всей рыночной макросистемы, особенно на этапе ее становления в России.

Рубеж В. выделяет как экономические, так и социальные функции малого бизнеса в рыночной экономике [5, с. 58–60], причем, в качестве главной экономической функции она рассматривает его роль «в создании широкого спектра товаров и услуг в условиях быстрой дифференциации и индивидуализации потребительского спроса». На наш взгляд, данное направление исследования требует дальнейшей углубленной теоретической разработки, поскольку оно позволяет более полно раскрыть сущность малого предпринимательства как хозяйственной подсистемы, проявляющуюся через выполнение им экономических и социальных функций в более сложной макросистеме. В связи с этим, необходимо: а) определить объективную материальную основу, позволяющую малому предпринимательству выполнять функции в макросистеме — рыночной экономике; б) определить соотношение между экономическими и социальными функциями; в) выделить, систематизировать и ранжировать их в соответствии с определенным критерием; г) рассмотреть развертывание данных функций во временном и пространственном аспектах в условиях перехода России к рыночной экономике.

Объективной материальной основой выполнения субъектами малого предпринимательства во всех странах с рыночной экономикой своих социально значимых функций является их место в системе общественного разделения труда. Причем, независимо от различий в уровнях обобществления производства в индустриально развитых и развивающихся странах малое предпринимательство выполняет целый ряд воспроизводственных функций:

- ❖ удовлетворение индивидуальных, коллективных и общественных потребностей путем организации производства необходимой обществу продукции и оказания услуг;
- ❖ воспроизводство части трудового и инновационного потенциала общества;
- ❖ воспроизводство базовых отношений рыночной экономики (частной собственности, конкуренции, свободного выбора в принятии экономических решений и др.).

Как видим, именно воспроизводственные функции обеспечивают малому предпринимательству устойчивое место в системе общественного разделения труда, постоянное воспроизведение отношений

(связей) с макросистемой и ее структурными звеньями. Поэтому независимо от достигнутого технологического уровня развития производства и уровня развития кооперационных связей малое предпринимательство в более сложной хозяйственной макросистеме:

- ◆ обеспечивает производство продукции (услуг) разных отраслей на локальных сегментах рынка, что дает значимый вклад в ВВП страны;
- ◆ обеспечивает занятость и доходы части населения; создание условий для формирования среднего класса;
- ◆ способствует ускорению инновационных процессов во всех отраслях;
- ◆ способствует формированию конкурентной среды на отраслевых рынках и антимонопольной структуры национальной экономики в целом.

Анализ характера перечисленных выше функций субъектами малого предпринимательства показывает, что экономические и социальные функции взаимосвязаны и переплетены, если мы рассматриваем их в рамках более сложной макросистемы, которой является национальная экономика. Социальные функции можно рассматривать в узком и в широком смысле. Социальные функции в узком смысле связаны с самореализацией предпринимателей, выравниванием дифференциации в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения за счет увеличения доли так называемого среднего класса и др. Социальные функции в широком смысле — это все общественно значимые функции данной подсистемы, которые она выполняет в рамках исторически определенной системы общественных отношений (базисных или производственных и надстроечных). Поэтому определенный срез социальных функций в широком смысле слова связанных с качественно определенными производственными отношениями, складывающимися в рамках малого предпринимательства можно рассматривать как его социально-экономические функции.

Их выполнение связано, на наш взгляд, с особым способом соединения факторов производства на основе согласования экономических интересов собственников ресурсов и работников, что формирует соответствующую систему производственных отношений. Именно данная система производственных отношений в рамках малой экономики, особенно отношений собственности на ресурсы и результаты труда, является здесь, на наш взгляд, ключевым фактором повышения производительности общественного труда. Она качественно изменяет мотивационный механизм трудовой, инновационной и управленческой деятельности, который ориентирован на рациональное использование собственных ресурсов, внедрение нововведений, упрощение бюрократического управления, снижение издержек и увеличение конечных результатов как объектов частной собственности.

В целом популяция субъектов малого предпринимательства удовлетворяет разнообразные потребности общества в товарах и услугах, особенно на тех сегментах рынка, где трудно повернуться крупному и среднему бизнесу; обеспечивает занятость и рост доходов населения; способствует ускорению инновационных процессов в разных отраслях (за счет гибкости, мобильности, высокой инновационной активности, низких затрат на управление и отсутствия бюрократического аппарата и др.), формирует конкурентную среду, препятствующую монополизации рыночных отношений и на этой основе — вносит значительный вклад в создание ВВП стран с рыночной экономикой. Все больше возрастает общественное признание его важнейшей социальной функции — создание условий для формирования среднего класса.

Таким образом, постепенно в условиях развитой рыночной экономики все социально-экономические функции малого бизнеса образуют иерархическую систему. Они возникают и разворачиваются вместе с развитием малой экономики. Ее более тесным встраиванием в более сложную макроэкономическую систему национального развития страны, с развитием и усложнением структуры и функций самой макросистемы. При этом возникновение и востребованность дополнительных функций малого предпринимательства во многом определяются полнотой реализации его базовых воспроизводственных функций, прежде всего его вкладом: а) в производство необходимой обществу продукции на основе развития и расширения специализации и кооперации в макросистеме; б) в обеспечение занятости и доходов населения на всех фазах циклического развития. Так, во время кризисов и депрессий малое предпринимательство является социальным резервуаром, обеспечивающим занятость и доходы экономически активному населению, вытолкнутому из действующего крупного производства; напротив, в периоды экономического подъема субъекты малого предпринимательства активно привлекаются к реализации программ расширения производства крупных компаний на контрактной и субподрядной основе, выполняют специализированные функции в системе воспроизводства всего общественного капитала и др. [5, 6, 2] Вся система современных рыночных отношений такова, что от хозяйственных звеньев требуется большая гибкость, мобильность, маневренность в реагировании на изменения рыночной конъюнктуры и общей социально-экономической ситуации.

Многоаспектное воздействие малого бизнеса на экономический рост и его столь значительный вклад в создание ВВП имеет, на наш взгляд, глубинные причины, главные из которых следующие:

- Во-первых, малый бизнес дает гибкие организационные формы рационального использования трудовых ресурсов общества, обеспечивая эффективную занятость экономически активного населения, особенно в периоды экономических кризисов, депрессий и тем самым сохраняет трудовой потенциал общества. Это позволяет мобилизовать и эффективно использовать наиболее

важный экстенсивный фактор экономического роста — увеличение численности занятых в народном хозяйстве и способствует повышению функциональной роли человеческого капитала в создании ВВП.

- Во-вторых, малый бизнес, сохраняя и развивая трудовой потенциал общества, способствует повышению его качества, тем самым, создавая одно из важнейших условий для развития инновационной деятельности в целом.
- В-третьих, малый бизнес активизирует и другие интенсивные факторы экономического роста, позволяющие добиваться экономии всех видов ресурсов за счет их более рационального использования. Это: — экономия затрат (прежде всего накладных расходов) за счет упрощения структуры управления и сокращения управленческих кадров; — увеличение полезного эффекта за счет ускорения оборота капитала, его гибкости и мобильности; — увеличение синергетического эффекта деятельности малой группы за счет более слаженной работы как команды; — использование более совершенных технологий и более быстрое обновление ассортимента производимой продукции за счет высокой инновационной активности малого бизнеса; а также экономия материальных затрат в случае поддержки его деятельности со стороны технопарковых структур. Таким образом, малый бизнес обеспечивает экономический рост через эффективное использование элементов своего ресурсного потенциала.

Важнейшее экономическое и социальное значение малого предпринимательства связано с обеспечением занятости населения. Существует прямая взаимосвязь между уровнем безработицы в регионе и степенью развития здесь малого предпринимательства, наличием системы его поддержки со стороны государственных структур и общественных организаций.

Проблема развития малого предпринимательства — это общественная и потому социально-политическая проблема. Подходы к государственной поддержке малого предпринимательства должны быть публичными. Общество должно знать, что намечается делать в этой области и как осуществлять задуманное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонин Ю.А., Жабин А.П. Малое предпринимательство в парадигме социальной инноватики. Москва-Самара, Экономика, 2000. С. 25–27.
2. Иванова Н.Ю. Социально-экономические функции малого бизнеса в российской экономике. М.: изд. Высшая школа, 2003.
3. Микроэкономика: практический подход / Под ред. А. В. Грязновой, А. О. Юданова. М., 2004. С. 558–564.
4. Мочерный С.В., Некрасова В.В. Основы организации предпринимательской деятельности. М., 2004.
5. Рубе В.А. Малый бизнес: история, теория, практика. М.: ТЕИС, 2000.
6. Стратегия развития предпринимательства в реальном секторе экономики / Под ред. Г. Б. Клейнера. М.: Наука, 2006.
7. Хоскингз. Теория предпринимательства. М., 1993.

ОТЗЫВЫ НА РЕЦЕПТ

22.09.2023 г.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В УПРАВЛЕНИИ

ГЛУЩЕНКО П.В.

кандидат технических наук, член-корреспондент РАЕН, доцент,
Сочинский государственный университет туризма и курортного дела,
e-mail: pglout@yandex.ru

В работе рассмотрены основные вопросы рационального решения задач формирования систем электронного документооборота (СЭД) в современных организациях, а также особенности эффективного использования данных систем в управлении. Подчеркиваются место и роль СЭД в интеграции управленческих процессов, обозначены открывающиеся новые горизонты их эволюции в связи с широким развитием и предстоящим повсеместным внедрением достижений нейромаркетинга и нанотехнологий.

Ключевые слова: интеграция управления; менеджмент качества; системы электронного документооборота; выбор; внедрение; функциональные и стоимостные характеристики; надежность; производительность; защита экономической информации; нейромаркетинг; нанотехнологии.

The paper considers the main issues of rational solution of problems of electronic document management systems (EDMS) in modern organizations, as well as the peculiarities of effective use of information systems in management. Highlights the role and place of EDMS in the integration of management processes, are opening new horizons of their evolution in connection with the extensive development and the widespread introduction of achievements of network computing and nanotechnology.

Keywords: integration management; quality management; electronic document management systems; choice; introduction; functional and cost characteristics; reliability; productivity; protection of the economic information; neurocomputers; nanotechnology.

Коды классификатора JEL: M15, O32.

Развитие мирового сообщества в ближайшем будущем XXI века во многом будут определять информационные технологии (ИТ), менеджмент и качество. Эта триада оказывает свое мощное воздействие на экономику в совокупности с решением проблем идущей технологической революции: освоение достижений научно-технического прогресса, интеллектуализация поддержки принятия решений, извлечение и формализация знаний. Кроме этого, примерно с середины того века начала поступательно развиваться и системная революция: экономические и иные системы стали значительно, а во многих случаях многократно сложнее, увеличилось их видовое разнообразие, формы взаимодействия с внешней средой [2, 7]. Согласно существующей т.н. новой парадигмы управления (Р. Уотермен, Т. Питерс, И. Ансофф, П. Друкер и др.). Предприятие — это открытая система, рассматриваемая в единстве факторов внешней и внутренней среды. Ориентация не на объемы выпуска, а на качество продукции и услуг, на удовлетворение потребностей. Ситуационный подход к управлению. Признание важности скорости и адекватности реакции, обеспечивающих адаптацию к условиям существования организации. Рационализация производства становится задачей второго плана. Главный источник прибавочной стоимости — это люди, обладающие знаниями, и условия для реализации их потенциала. Из всего вышесказанного можно увидеть, что потребность во все более широком использовании в экономике компьютерных информационных технологий (ИТ) становится обязательно обусловленной. Под ИТ, как известно, понимается процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных для получения информации нового

качества о состоянии объекта, процесса или явления. К компьютерным ИТ относится и электронный документооборот. Рассмотрим кратко его сущность, место и роль в ИСУП [2, 3, 9, 1].

Прежде всего, необходимо отметить, что электронный документооборот является составной частью интегрированной системы управления предприятием (ИСУП), документопотоки отображают все управленческие действия и решения. Управленческие решения в менеджменте организации принимаются, основываясь на документах операций сбора, обработки и анализа информации. Качество управленческих решений напрямую зависит от достоверности, оперативности и своевременности информации. В интегрированной системе управления предприятия основным способом представления информации является документ, который является средством принятия управленческих решений. Рациональная организация документооборота способствует повышению эффективности управленческой деятельности, уменьшению времени и затрат на обработку документов, повышению качества последних.

Для того чтобы эффективно управлять предприятием, полагаем, что необходимо понимать различия между делопроизводством и документооборотом. Дело в том, что делопроизводство, прежде всего, это комплекс мероприятий по документационному обеспечению управления (ДОУ) предприятия или организации. Документационное обеспечение управления охватывает вопросы документирования, организации работы с документами в процессе осуществления управления и систематизацию их архивного хранения, а документооборот — движение документов в рамках ДОУ.

В России термин «электронный архив» является одной из национальных особенностей российского электронного делопроизводства. В системе делопроизводства архив отвечает за систематизацию хранения документов, т.е. решает эту одну, но важнейшую из трех основных делопроизводственных задач: создание, технология обработки и систематизация документов. Существует ошибочный взгляд, что архивная система идеально решает задачи организации документооборота. Такое мнение, очевидно, неверно потому, что документы перемещаются (сусть документооборота) в поле решения всех трех задач, а не только в рамках систематизации архивного хранения. Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, но более широко, три основные задачи делопроизводства [2, 5, 3, 9, 10]: 1) документирование (составление, оформление, согласование и изготовление документов); 2) организация работы с документами в процессе осуществления управления (обеспечение движения, контроля исполнения, хранения и использования документов); 3) систематизация архива документов.

На движение документов непосредственно влияют бизнес-процессы предприятия. Документ, как правило, составляется в ходе выполнения каких-то производственно-хозяйственных операций в различных подразделениях предприятия. В процессе создания документа часто участвуют различные исполнители. Важной функцией системы управления документооборотом является контроль исполнения, который включает постановку документа на контроль, проверку своевременного доведения документа до исполнителя, учет и обобщение результатов контроля исполнения.

Развитие и совершенствование информационных технологий в экономике не могли не затронуть ее первичного звена-предприятия и соответственно такого вида управленческой деятельности как управление электронным документооборотом на предприятии. Из практического опыта ручной обработки информации стало отчетливо видно, что в основе проблем скорости и качества документооборота предприятия лежит сложность и громоздкость этой системы, из-за существования различных форм документов, многоэтапного прохождения каждой из них, частого дублирование одних и тех же показателей в различных документах. Эти и другие проблемы ручной обработки информации, возможности ИТ, в конечном счете, и привели к необходимости формирования и использования в управлении различными организациями систем электронного документооборота.

В настоящее время системы электронного документооборота (СЭД) реализуются или в качестве отдельных информационных систем управления документооборотом (ИСУД) или в качестве подсистемы в составе интегрированной системы управления предприятием (ИСУП) [2]. ИСУД позволяют решать задачи документационного обеспечения и управления эффективно и с наименьшими затратами. Если сравнить с традиционными принципами делопроизводства, то ИСУД обладают следующими удобными функциональными возможностями: развитые средства поиска по тексту документа, гибкий язык запросов; система хранения и манипулирования документами; возможность опубликования документа в компьютерной сети; использование цифровой подписи; организация групповой работы над документом. Для автоматизации делопроизводства используются следующие новейшие информационные технологии: системы управления базами данных, системы поиска документов и анализа текстов, системы сканирования и распознавания документов, среду клиент-сервер, Internet и Intranet [2].

ИСУД позволяет организовать электронный документооборот по установленным в системе управления предприятия правилам делопроизводства. То есть, электронный документооборот — это не просто пересылка файлов с компьютера на компьютер, а поэтапное, регламентированное движение документов в системах управления на предприятии. Необходимо отметить, что ИСУД позволяет создавать схемы документооборота и централизованно отслеживать ход делопроизводственного процесса — вплоть до работы исполнителей над документами на их рабочих местах. Таким образом, ИСУД обеспечивают авто-

матизацию жизненного цикла электронных документов, что позволяет организовать управление работы с документами и управление бизнес-процессами организации в реальном масштабе времени.

Вопросы формирования СЭД являются достаточно сложными и зачастую, нелегко решаемыми для малых, средних и даже крупных предприятий. Поэтому необходимо учитывать много различных факторов. Прежде всего, целесообразно исходить из того каков уровень интеграции системы управления предприятия, в котором предполагается сформировать или усовершенствовать СЭД. При разработке проекта СЭД [2, 5, 10] во главе угла стоит вопрос определения ее архитектуры, которая имеет целью отобразить документы, имеющие отношение друг к другу, и связи между ними в виде карты документов организации. В составе архитектуры СЭД три модели — концептуальная, логическая и физическая.

И здесь, полагаем необходимым первую рассматривать как составную часть концептуальной модели ИСУП, разработанной согласно новой парадигме управления см. рис.1. Решая вопросы выбора и внедрения СЭД необходимо убедиться в том, что выбираемая система действительно обеспечивает выполнение таких задач. В данном случае необходимо подчеркнуть, что речь идет не о проектировании нового программного продукта, а выборе готовой СЭД из числа, представленного на мировом рынке программно-обеспечения.

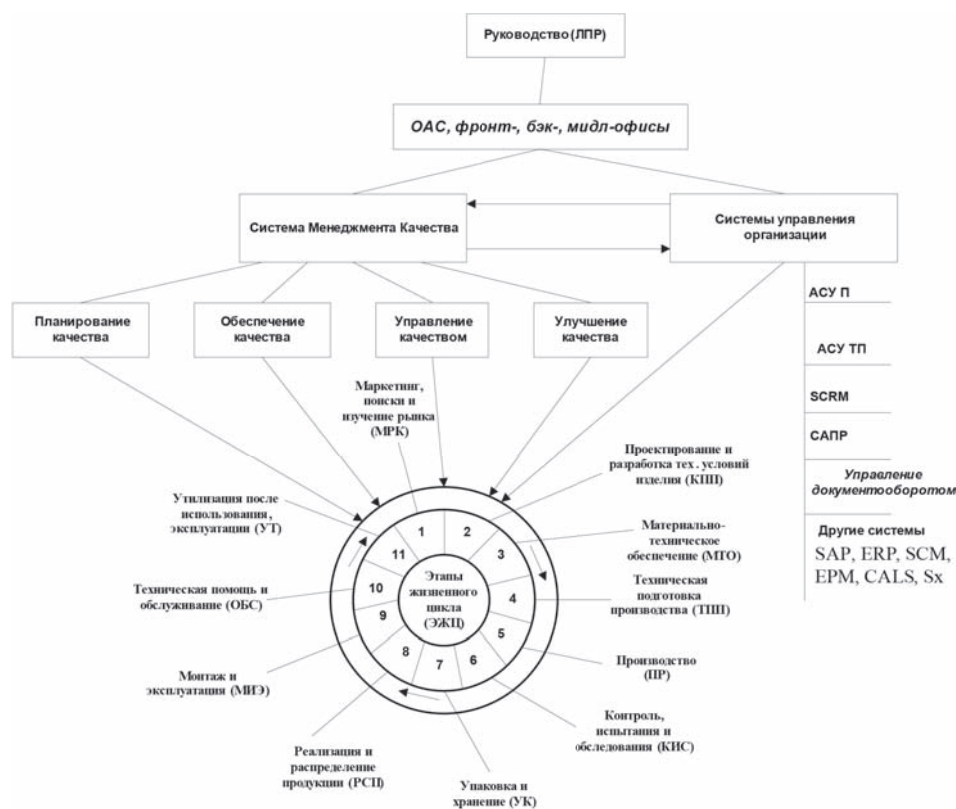
Исходя из концептуальной модели ИСУП на рис. 1, в СЭД должна быть предусмотрена подсистема Управление документацией, т.к. документы, требуемые системой менеджмента качества, должны быть под управлением.

Здесь речь идет о разработанной документированной процедуре по управлению документацией, устанавливающая порядок, необходимый для:

- 1) утверждения документов на адекватность до их выпуска;
- 2) анализа и обновления, в случае необходимости, а также переутверждения документов;
- 3) гарантии, что изменения в документах и статус текущей редакции (версии) документов идентифицированы;
- 4) гарантии, что текущие версии, потребных документов являются доступными в пунктах их использования;
- 5) гарантии, что сохраняется читаемость документов и их идентификационные признаки легко распознаваемы;
- 6) гарантии, что документы внешнего происхождения идентифицируются, и их распространение в организации находится под управлением;
- 7) предотвращения ненамеренного использования устаревших документов и применения подходящей идентификации устаревших документов, если они оставлены для каких-либо целей. Задачу формирования и внедрения СЭД [5, 6, 8, 9, 10] делят, как правило, на две подзадачи, решаемые последовательно;
- 8) выбор программного обеспечения для системы документооборота организации. Все работы и мероприятия, касающиеся первой подзадачи можно разделить на три этапа: а) планирование выбора программного обеспечения. Данный этап определяет все дальнейшие этапы выбора СЭД и характеризуется: уровнем финансирования внедрения СЭД, определением ключевых сотрудников которые будут участвовать во всех мероприятиях выбора и внедрения СЭД, планированием временных рамок проекта по выбору и внедрению СЭД. Результатом первого этапа является расширенный план работ по выбору, который включает в себя уточненные бюджетные и временные рамки проекта; б) подготовка выбора программного обеспечения. Здесь формируются цели внедрения и требования к выбираемому программному обеспечению, определение критериев повышения эффективности работы предприятия (например уменьшение затрат на административно-управленческий аппарат), разработка функциональных и технических требований к выбираемой (внедряемой) СЭД (определение класса СЭД). Также важно на данном этапе уделить особое внимание критериям сравнения для выбора программного обеспечения — совокупной стоимости, функциональной полноте, масштабируемости, технологичности, перспективности развития и т.п. Результатом второго этапа является выбранный программный продукт или несколько продуктов одного класса; в) осуществление выбора программного обеспечения. На этом этапе осуществляются окончательное определение класса выбираемой СЭД, оценка возможностей и выбор потенциальных поставщиков программного обеспечения для СЭД, формирование и рассылка запросов на поставку программного обеспечения, проведение анализа поступивших коммерческих предложений.

Подзадачу внедрения СЭД делят так: а) окончательно определяется физическая и логическая структура локальной сети, определяется количество компьютеров подключаемых к сети, осуществляются монтаж необходимого оборудования и проводки; в) конфигурирование и запуск локальной компьютерной сети; г) подготовка и настройка рабочих станций к работе с новым программным обеспечением; д) обучение персонала предприятия, который будет работать с внедряемой СЭД; 6) тестирование и отладка новой внедряемой СЭД; е) запуск СЭД в рабочем режиме. На этом этапе выполняется полный запуск всех рабочих станций и необходимых устройств (например, сканеров и принтеров) с учетом исправления неполадок и

ошибок. ж) Заполнение баз данных и справочников в системе; з) запуск и работа системы с новыми параметрами и справочниками в заданном штатном рабочем режиме.

где: ОАС — организационно-административная система, фронт-офис- подсистема, которая непосредственно взаимодействует с клиентом; бэк-офис — операционно-учетное подразделение, обеспечивающее работу подразделений, участвующих в управлении активами и пассивами организации; мидл-офис- это совокупность бизнес-процессов, процедур, нормативных документов (регламентов), справочников, печатных форм, организационно-штатных подразделений, обеспечивающих подготовку и принятие решений; SAP — система управления производством, ERP — система управления ресурсами, SCM — система управления поставками, EPM — система управления проектами, SCRM — система управления отношениями с клиентами, CALS — поддержка жизненного цикла изделий, Sx — системы управления: рисками, финансами и т.д.

Рис. 1. Концептуальная модель интегрированной системы управления предприятием (ИСУП) на основе менеджмента качества (вариант автора)

Процесс выбора и внедрения СЭД, как уже отмечалось, достаточно сложный, требует взвешенного и системно обоснованного подхода, что подразумевает собой высокую степень ответственности руководителей и специалистов по внедрению информационных систем. Существует т.н. диаграмма Ганта, разработанная в программе Microsoft Project для проекта внедрения системы электронного документооборота, ее легко найти в Интернете, и которая, безусловно, полезна для использования в практике формирования систем электронного документооборота.

Важным вопросом использования СЭД является вопрос ее защищенности, и не только защиты собственно программного продукта, а также в плане общей политики безопасности и защиты информации всей организации. Здесь не в последнюю очередь имеет значение использование электронной цифровой подписи в документообороте организации. Производительность СЭД в большинстве случаев зависит от возможностей серверного аппаратного обеспечения. Для успешного внедрения СЭД необходимо учитывать наличие определенных проблем и препятствий, которые могут быть следующими [2, 3, 8, 1]: невнимательность к организационным вопросам; расчет только на собственные силы при разработке системы; экономия на варианте пилотного проекта; недостаточная подготовка регламентов работы с СЭД; несогласованность относительно стандартов внедряемой СЭД; несоответствие между интерфейсами различных систем; нецентрализованность организации; низкий уровень обучения сотрудников.

Текущие и перспективные горизонты развития электронного документооборота широки и глубоки, они труднообозримы, но все же видимы. Уже ныне, помимо применения в управлении от правительства до организаций, он обеспечивает пополнение баз знаний в экспертных системах при прогнозировании,

используется в электронных бизнесе и администрировании и т.д. Далее, рано или поздно начнут использоваться повсеместно компьютеры шестого поколения — электронные и оптоэлектронные компьютеры с массовым параллелизмом, нейронной структурой, распределенной сетью большого числа (десятки или сотни тысяч) микропроцессоров и задействованием достижений нанотехнологий. О последних следует сказать особо.

Нанотехнологии — это управление процессами в наномасштабе до 100 нанометров, где он один равен одной миллиардной части метра. Их развитие, как подчеркивает в [7] О.Ю. Мамедов, приведет к наноиндустриализации экономики, что может из-за дешевизны нанопродукции привести к исчезновению рыночных отношений, конкуренции, отрасли будут заменены наноиндустриализованным (молекулярным) производством, придет неограниченность производственных ресурсов и т.д., то есть ожидается гибель современной экономики и, как мы понимаем, соответственно и парадигмы управления ею. И в этих условиях, на наш взгляд, электронный документооборот станет еще более востребован, но, возможно, уже как один из столпов нового, еще неизвестного нам, наноэкономического информационного общества и, наверное, с новыми экономическими законами и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варжапетян А.Г., Глуценко В.В., Глуценко П.В. Системность процессов создания и диагностики технических структур. СПб.: Политехника, 2004.
2. Глуценко П.В. Информационные технологии и интеграция систем управления. СПб.: Судостроение, 2006.
3. Колесов А. Состояние и перспективы рынка управления документами. М.: PC WEEK / RE, 2006. № 40.
4. Конюшенко Е.К. Выбор системы электронного документооборота: взгляд заказчика. М.: Технологии оперативного управления, 2009. № 5.
5. Кошелев И. Пять главных проблем внедрения СЭД. М.: CNews, 2005.
6. Мамедов О.Ю. Нанотехнология: в производстве — рост, в экономике — взрыв? / Академия. Еженедельник науки и образования Юга России, 04.12.2010 г. № 36 (472).
7. Пахчанян А.Б. Внедрение систем электронного документооборота: проблемы и решения. М.: Директор ИС, 2002. № 1.
8. Пахчанян А.Б. Технологии электронного документооборота. М.: Открытые системы, 2002. № 10.
9. Рапоза Д. Документооборот как услуга. М.: / ПК WEEK / , 2007. № 22.
10. Саттон Майкл Дж. Д. Корпоративный документооборот: принципы, технологии, методология внедрения. СПб.: Азбука, 2002.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ХЛЕБОПРОДУКТОВОГО МЕЗОКОМПЛЕКСА

ПАВЛЕНКО Н.В.

преподаватель,
Северо-Кавказский государственный технический университет,
филиал в г. Кисловодск,
e-mail: neonat1@list.ru

В условиях рыночных преобразований актуальным становится изучение состояния не только хлебопекарной промышленности как отдельной отрасли национального хозяйства, но и всего хлебопродуктового комплекса как мезоэкономической системы. Для прогноза развития хлебопродуктовых мезокомплексов РФ необходимо системно учитывать институциональные факторы и изменения, возникающие в экономике страны и отдельных регионов, в целях адекватного воздействия на институциональную среду в заданном направлении.

Ключевые слова: хлебопекарная промышленность; социальная значимость хлебопекарной промышленности; хлебопродуктовый комплекс; проблемы хлебопекарной отрасли; факторы государственного вмешательства в рынок продукции хлебопекарной промышленности; основные направления развития данного рынка и его участников.

In terms of market reforms becomes relevant to study the state not only baking industry as of the individual branches of national economy, but also the entire complex as baking mesoeconomic system. To predict the development of bread and food mesocomplexes Russian Federation needs to systematically take into account institutional factors and changes occurring in the economy of the country and individual regions, in order to adequately impact on in-an institutional environment in a given direction.

Keywords: bakery industry; social value of chimost baking industry; bakery complex; problems baking industry; factors of state intervention in the market for baking industry products; the main directions of development of this market and its participants.

Коды классификатора JEL: L66.

Социально-экономические перемены в России, которые привели к развитию процесса регионализации экономики страны и к изменению организационных механизмов, парадигмы и структуры управления отраслями и региональными производственными комплексами, вызвали к жизни коренные преобразования во всех регионах и во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и в сфере производства хлебопродуктов.

Вхождение пищевой промышленности в рыночные реформы в начале 90-х гг. было трудным. Сложный путь рыночной трансформации прошла хлебопекарная промышленность, где данная ситуация отрицательно сказалась на деятельности крупных и средних предприятий хлебопечения, для которых были характерны низкий уровень загруженности мощностей, финансовая неустойчивость, дефицит инвестиционных ресурсов, высокая текучесть кадров, конъюнктурные колебания рынка зерна, муки, материальных ресурсов и меняющейся структуры потребления хлебопродуктов. Хлебопекарная промышленность — одна из главных отраслей пищевой промышленности, продукция которой всегда занимала значительную долю в рационе потребления продуктов питания в России.

Управление хлебопродуктовым комплексом любого уровня и масштаба на современном этапе развития государства требует глубоких теоретико-методологических исследований, что предопределяется следующими обстоятельствами. По оценкам экспертов, рост заработной платы населения не приводит к росту потребления хлебопродуктов, а наоборот — объем их потребления имеет тенденцию к снижению, что требует от производителей хлебопекарной продукции поиска путей удержания и роста прибыльности деятельности предприятий хлебопекарной промышленности не за счет наращивания объемов производства, а за счет сбалансированного управления развитием деятельности.

В последние годы снижается доля хлеба в рационе россиян, особенно жителей крупных городов, это вызвано повышением уровня благосостояния населения. Спрос на традиционные ржаные и ржано-пшеничные сорта хлеба падает, потребители чаще делают выбор в пользу хлебобулочных изделий премиум-класса с добавками злаков, специй, минеральных элементов и т.д.

В связи с этим становится очевидной и актуальной необходимость поиска новых подходов к повышению эффективности использования экономического потенциала предприятий хлебопекарной отрасли. Вопросы формирования экономического потенциала и определения оптимальных базовых ресурсных пропорций ее микроэкономических систем могут быть успешно решены лишь в комплексе мероприятий, обеспечивающих устойчивое и эффективное развитие хлебопекарных предприятий в условиях нестабильной среды их функционирования.

Теоретические и практические проблемы, связанные с повышением эффективности управления процессами формирования и использования экономического потенциала хлебопекарных предприятий, необходимость актуализации методологических и методических подходов к его оценке необходимы для повышения эффективности использования экономического потенциала предприятий хлебопекарной отрасли на основе анализа экономической сущности хлебопекарной промышленности и систематизации имеющихся концептов может быть предложена его дефиниция.

Хлебопродуктовый мезокомплекс предстает как интегрированная совокупность микросубъектов мезоэкономики, обеспечивающих единый технологический процесс создания хлебобулочной продукции, т.е. производственные, коммерческие, технологические и организационно-экономические процессы для обеспечения первичных жизненно важных потребностей населения региона в хлебе как важнейшем продукте питания.

Хлебопродуктовый комплекс региона, или хлебопродуктовый мезокомплекс, как определенная совокупность отраслей продовольственного направления, локализованных пространством региона, характеризуется не только внутриотраслевыми, но и межотраслевыми связями, которые обеспечивают ее сбалансированность и устойчивость. В силу этого он испытывает на себе воздействие сложной системы институциональных факторов, задающих формат реализации основной миссии хлебопекарной промышленности. Эта система постоянно изменяется, подчиняясь своим закономерностям развития. Знание этих закономерностей дает возможность многократно усиливать регулирующее и управляющее воздействие на развитие хлебопекарной промышленности в заданном направлении.

Большую роль в этом может сыграть теория институциональной экономики. Для экономической ситуации текущего периода наиболее характерным является недостаточно зрелое институциональное развитие участников хлебопекарной промышленности, порождающее необходимость научных исследований принципов их функционирования, форм и методов государственного регулирования. Принципиально важными для адекватного понимания функционирования и последующего совершенствования являются исследования социально-экономических основ институтов контрактинга и мониторинга договоров на поставку сырья и готовой хлебобулочной продукции, снижения транзакционных издержек в хлебопекарной промышленности, выявление институциональных деформаций и институциональных потенциалов его развития.

В условиях продолжающихся поисков эффективных принципов функционирования экономики России возрастает роль исследований, связанных с анализом институциональной среды и ее влияния на субъекты хозяйствования как основополагающего фактора повышения эффективности их деятельности. Хлебопродуктовый комплекс является органической частью экономической системы государства. В свою очередь, хлебопродуктовый комплекс регионов функционирует как региональная экономическая подсистема с присущими ей особенностями, тенденциями и перспективами развития, имеющая свою институциональную среду, которая, в свою очередь, тоже может быть объектом управления и научного исследования ввиду той специфической роли, которую она играет в реальной действительности.

В соответствии с положениями Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, основными задачами обеспечения продовольственной безопасности страны независимо от изменений внешних и внутренних условий является достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина безопасных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Необходимость разработки основ создания институциональных условий, обеспечивающих выход хлебопекарной промышленности на траекторию долговременного экономического роста, обуславливает необходимость исследования институциональной среды хлебопродуктового мезокомплекса, который имеет такие специфические атрибутивные признаки, как: масштабы деятельности, производственная структура, организационная структура управления, сменный характер работы, реализация продукции по предварительным заказам покупателей, технологические, такие, как: жесткая технология производства, непрерывность производственного процесса, короткая длительность производственного процесса, превышение веса готовой продукции над весом использованного на ее производство сырья, массовый тип производства, высокий уровень материалоемкости производства, короткий срок хранения продукции, и особые

условия, вызванные необходимостью учета региональных естественно-географических и экономических факторов при производстве хлебопродуктовых изделий с участием многих отраслей экономики в создании конечной продукции хлебопекарной промышленности; поликанальное финансирование, указывающее на использование в производстве средств бюджетов различных уровней, инвесторов, банков и других экономических агентов; автономность управления, состоящая в способности хлебопекарной промышленности самостоятельно осуществлять свою деятельность, в сочетании с достаточно жестким вмешательством государства по причине стратегического назначения продукции хлебопекарной промышленности.

Экономическое состояние отдельных участников процесса производства хлебобулочных изделий влияет на развитие особой мезоэкономической системы, занятой выпуском ключевой в питании россиян продукции и являющейся базовой в российском продовольственном комплексе. В связи с наличием множества взаимосвязей, заданных технологическими процессами, хлебопечение имеет такие объективные характеристики, как комплексность и системность.

Осуществление хлебопекарного процесса предполагает: достаточный для функционирования хлебопроизводящего производства ресурсный потенциал; существование экономических субъектов, способных обеспечить процесс в необходимых масштабах; механизм трансформации хлебных ресурсов в объекты хлебопекарной деятельности. Хлебопекарное производство характеризуется высоким уровнем материалоёмкости (уровень материальных затрат в структуре себестоимости продукции хлебопечения составляет около 70%). Короткий срок хранения хлеба и хлебобулочных изделий (12–48 часов в сутки) требует ориентации исключительно на отечественный (внутренний) рынок хлеба в пределах города и региона, что обуславливает невозможность сегментации рынка готовой продукции хлебопродуктового мезокомплекса по удаленным географическим зонам.

По характеру технологического процесса приготовление хлеба и хлебобулочных изделий представляет собой сложный комплекс механических, физических, физико-химических, биохимических, микробиологических процессов, происходящих на разных этапах хлебопекарного производства, что делает практически невыполнимой задачу выделения отдельных технологических стадий и операций, по которым можно определять себестоимость незавершенного производства и полуфабрикатов по каждому отдельному технологическому этапу. Поэтому затраты на производство учитываются в целом по предприятию с разбивкой по видам хлебобулочных изделий.

Технологический цикл производства хлеба и хлебобулочных изделий состоит из ряда последовательных однотипных производственных операций, которые непрерывно и последовательно следуют одна за другой, и не могут быть вычленены без существенных потерь и ущерба для конечного продукта. Продолжительность технологического цикла производства хлеба и хлебобулочных изделий не превышает 6–8 часов в сутки, а вес готовой продукции хлебопекарных предприятий после охлаждения не совпадает с весом использованных на ее производство сырья и материалов. В связи с этим хлебопекарное производство характеризуется отсутствием полуфабрикатов и полупродуктов как отдельных объектов бухгалтерского учета как информационной базы в целях снижения производственных и экономических издержек.

Чтобы сохранять приемлемый уровень рентабельности, предприятия хлебопекарной отрасли должны решать задачи повышения эффективности деятельности. На современном этапе все более актуальными становятся те мероприятия повышения эффективности, которые могут быть реализованы без привлечения значительных финансовых средств и основываются на совершенствовании методов управления и организации производства. В сложных условиях экономического кризиса существенно возросла необходимость максимального использования имеющихся возможностей предприятий хлебопекарной отрасли, тем более, что в последнее время отмечается уменьшение числа количества субъектов хлебопечения в среднем на 1,5% в год.

Правильная организация производства хлебобулочных изделий и экономное расходование ресурсов в хлебопечении являются приоритетными задачами отрасли, от решения которых зависят и качество продукции, и уменьшение ее себестоимости, а, следовательно, рост прибыли хлебопекарных предприятий, их конкурентоспособность, возможность внедрения в производство нового прогрессивного оборудования и способность выхода на новые потребительские рынки.

Это предлагается сделать в целях включения в экономическую стратегию деятельности участников хлебопродуктового мезокомплекса всех институциональных условий риск-менеджмента, что, в свою очередь, позволит создать организационные предпосылки снижения транзакционных издержек при контрактинге и мониторинге договоров и номинировать получение готовой хлебобулочной продукции высокого качества и соответствующих требованиям заказчиков при условии минимизации затрат в качестве императива разработки и внедрения экономико-организационного механизма, позволяющего гармонизировать и максимально реализовать интересы всех участников хлебопекарной промышленности.

Главным фактором, объединяющим различные отрасли и производства в хлебопекарной промышленности, принимается наличие тесных и устойчивых экономических, производственных и технологических взаимосвязей. В силу отраслевых особенностей хлебопечения такие сферы складываются, прежде всего, в формате определенных регионов, где они придают компонентной базе характер органической системы, в которой изменение одних элементов по принципу корреляционных связей вызывает изменение

в других. Именно поэтому хлебопекарная промышленность как целостная система сохраняется вместе с имманентно присущими ей внутренними противоречиями. В рыночной среде предприятия становятся независимыми от вышестоящих органов управления, что устраняет и сами связи субординации. Управление участниками хлебопекарной промышленности в этом случае возможно, в основном, через воздействие на условия деятельности хлебопекарных предприятий.

Естественно, что в рыночной экономике эти правила задаются государством как доминантным институциональным субъектом, генерирующим формальные нормы как общегражданского, так и узкоотраслевого характера. Важным правилом управления институциональной средой хлебопекарного процесса является переориентация социальной активности всех ее участников с узкогрупповых целей выживания на цели развития всего хлебопродуктового мезокомплекса, что требует реализма и последовательности в действиях, прежде всего, самого государства. Оно должно выработать механизмы улавливания возникающих интересов участников хлебопекарной промышленности и их поддержки как институциональных агентов, подстраивания под них государственных социальных, производственных и экономических программ.

У каждого народа есть свои традиционные сорта хлеба. Их производство — одно из инновационных направлений развития участников хлебопекарной промышленности. Другой путь укрепления их конкурентных преимуществ — изготовление различных видов хлебной продукции лечебного назначения для населения экологически неблагополучных регионов, в частности, йодсодержащей продукции для регионов, эндемичных по заболеваниям щитовидной железы, и т.д.

Важнейшей из функций государства в обеспечении зрелой институциональной среды хлебопекарного процесса является корректирование целевых программ, в том числе проектирование эффективных инструментов для совершенствования деятельности участников хлебопекарной промышленности. Государственно-регулятивный компонент, подсистема бюджетного инвестирования, ориентируемого на наращивание социальных объектов и на формирование экономических условий и механизмов рыночного привлечения инвестиций, в настоящее время должны быть направлены на повышение инвестиционной привлекательности хлебопекарной промышленности.

Государство в этом случае несет социальную ответственность за процесс производства хлебобулочной продукции и потому призвано возглавлять его на главных направлениях экономического роста и — самое важное — выступать гарантом институциональной среды. Перед государством, выступающим гарантом институциональной среды хлебопекарного процесса, стоит задача реформирования финансовых потоков, направляемых в регионы с проблемным развитием хлебопекарной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // Интернет ресурс: <http://rad.su/documents/doktrina/>.
2. Указ Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ ЭНДОГЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

ИПП С.Л.

аспирант,

Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ,

e-mail: ncsc@sfedu.ru

Проводится качественное и количественное сравнение различных инструментов государственного регулирования вредных производственных выбросов (налоговых платежей за вредные выбросы, продаваемых и бесплатно распределяемых разрешений на загрязнение), при условии, что уровень инновационной технологии является эндогенным параметром. Проиллюстрированы ситуации, в которых возможны существенные отличия в использовании инструментов регулирования вредных выбросов с точки зрения национального благосостояния, и ситуации, когда эти отличия несущественны.

Ключевые слова: вредные выбросы; разрешения на загрязнение; экологический налог; национальное благосостояние; инновации.

The paper focuses on the qualitative and quantitative comparison of emissions regulation instruments (environmental taxes, auctioned and free emission permits), when technological innovation is endogenous. We illustrate the types of situations when there can be significant welfare discrepancies between the instruments of regulation and when there are not.

Keywords: hazard emissions; environmental taxation; emission permits; welfare; innovations.

Коды классификатора JEL: Q57.

В последние несколько десятилетий в большинстве стран мира сложился техногенный тип производства, для которого характерны значительные экстерналии — внешние эффекты, внешние последствия экономической деятельности, которые не принимаются во внимание субъектами производства или не зависят от них. Проблемы экстерналий, а также тесно связанные с ними «провалы рынка», т.е. ситуации невозможности автоматического отражения в цене экономической ценности экологических ресурсов, являются одними из главных для современной экономики [1, 3]. Одним из подходов к защите окружающей среды является использование рынка. Это может делаться при помощи расширения прав собственности. Однако во многих случаях этот подход является непрактичным. Рынок самостоятельно не может достичь общественно эффективного использования окружающей среды, поскольку значительная часть природы является ресурсом совместного пользования. Другой способ состоит во введении платежей за использование окружающей среды. В этих условиях весьма актуальна проблема выбора наиболее эффективного инструмента регулирования (и стимулирования разработки экологически более чистых технологий) выбросов загрязняющих веществ хозяйствующих субъектов.

Рассматриваем процесс сокращения вредных выбросов n конкурирующими производственными предприятиями, включающий создание инновационной технологии (внедрение которой позволяет сократить вредные выбросы), распространение инновационной технологии в производственной отрасли и сокращение вредных выбросов. Одна из производственных фирм является фирмой, изобретающей новую более экологически чистую технологию. На первой стадии фирма-инноватор решает, сколько средств инвестировать в создание новой, сокращающей вредные выбросы технологии. На второй стадии остальные $n-1$ фирм решают, внедрять ли эту новую технологию (внедрение новой технологии предполагает выплату лицензионных платежей фирме-инноватору, альтернативный путь состоит в копировании производственными фирмами инновационной технологии и получении в результате технологии, которая, как правило, уступает оригинальной технологии). На третьей стадии все n конкурирующих производственных предприятия выбирают уровень сокращения вредных выбросов с целью минимиза-

ции затрат при условии, что за вредные выбросы предполагаются платежи в форме налогов или продаваемых разрешений на загрязнение. Инструмент экономической политики регулирования вредных выбросов (налоги или разрешения на загрязнение) выбирается госрегулятором до появления инновационной технологии, однако ее реализация (включая продажу разрешений на загрязнение) имеет место на последней стадии.

Издержки сокращения вредных выбросов фирмы на третьей стадии описываются функцией $C(a, k)$, где a — уровень сокращения вредных выбросов на уровне фирмы [2]. Состояние технологии, позволяющей сократить вредные выбросы, t , определяется до третьей стадии.

Обозначим через t «цену» вредных выбросов. В случае, если инструментом регулирования вредных выбросов является налог на фирмы, производящие загрязнение, t представляет собой просто ставку налога, а если инструментом регулирования являются разрешения на загрязнение, t является равновесной ценой разрешений. На третьей стадии каждая фирма решает задачу

$$\mu(k, t) = \min_a \{C(a, k) + t(e - a)\}, \quad (1)$$

где e — уровень вредных выбросов до сокращения ($a \leq e$), а $\mu(k, t)$ — минимизируемая сумма (1) издержек сокращения вредных выбросов и (2) налоговых платежей за вредные выбросы или затрат на покупку (отказа от продажи) разрешений на загрязнение. Условие первого порядка задачи минимизации (1) имеет вид

$$C_a(a, k) = t. \quad (2)$$

Условие (2) означает, что предельные издержки сокращения вредных выбросов равны цене вредных выбросов.

Однако обычно фирме-инноватору удается лишь частично присвоить экстерналинные выгоды, получаемые остальными фирмами от создания инновационной технологии [4]. В частности, остальные фирмы могут получить выгоду от информации о новой технологии как национального блага с целью разработки технологии, имитирующей оригинальную. Описываем неидеальное присвоение фирмой-инноватором общественных выгод от инновации, предполагая, что разработавшая новую технологию фирма получает патент, создающий монопольную власть, однако другие фирмы могут (несовершенно) имитировать оригинальную технологию. Поэтому на второй стадии фирмы, нуждающиеся в новой технологии, принимают решение: либо выплатить лицензионный платеж Y за лицензирование новой технологии (k), разработанной фирмой-инноватором на первой стадии, либо разработать собственную имитацию оригинальной технологии, которая улучшает существующую технологию до уровня σk , где $0 \leq \sigma \leq 1$. При $\sigma = 1$ инновационная технология является чисто общественным благом и может быть идеально воспроизведена путем копирования; при $\sigma = 0$ имитация не способна усовершенствовать уровень технологии, используемый фирмами, не являющимися инноваторами, и экологически чистая технология является чисто частным благом. Фирма внедряет патентованную технологию, если ее затраты (включая лицензионный платеж) не превосходят затраты на копирование инновационной технологии.

Каждая фирма принимает решение о внедрении новой технологии, воспринимая аналогичные решения других фирм и равновесную цену разрешений на загрязнение как заданные. В результирующем равновесии Нэша максимальный размер лицензионного платежа, назначаемого фирмой-инноватором (Y), соответствует безразличию последней внедряющей технологию фирмы между запатентованной технологией и имитирующей ее технологией (предполагаем, что фирма-инноватор не может проводить ценовую дискриминацию между фирмами, внедряющими новую технологию, взимая с фирм, внедряющих новую технологию первыми, большую плату):

$$Y + \mu(k, t) = \mu(\sigma k, t). \quad (3)$$

Будем предполагать, что имеет место полное распространение оригинальной технологии — это оптимально с общественной и частной точек зрения в интервалах параметров, используемых ниже при численных расчетах. Поэтому, в то время как в равновесии ни одна из фирм не прибегает к копированию, угроза копирования ограничивает способность фирмы-инноватора полностью присваивать себе общественные выгоды от инновационной технологии. Из соотношений (1) и (3) максимальный лицензионный платеж выражается следующим образом

$$Y(k) = \{C(a^\sigma, \sigma k) - C(a^1, k)\} - t(a^1 - a^\sigma), \quad (4)$$

где верхние индексы σ и 1 соответствуют условию (2) для фирмы с уровнем технологии σk и k соответственно.

При условии, что в качестве инструмента регулирования вредных выбросов используются разрешения на загрязнение, по мере того как отраслевая кривая предельных издержек сокращения вредных выбросов сдвигается вниз, цена разрешений на загрязнение падает, и поэтому $t = t(k)$ (ставка налога t постоянна при использовании налогообложения в качестве инструмента регулирования вредных выбросов). В той степени, в которой инновационная технология вызывает падение цены разрешений на загрязнение, внедрившие новую технологию фирмы выигрывают за счет более низких платежей за свои инфрамаргинальные вредные выбросы (эти фирмы получают выгоду $\Delta t(e - a^1)$). Однако, фирма-инноватор не может присвоить эти выгоды, поскольку любая отдельная фирма может свободно воспользоваться этим падением цены разрешений на загрязнение независимо от того, внедряет она инновационную технологию или нет.

Дифференцирование выражения (4) по k дает предельное изменение лицензионных платежей

$$Y'(k) = kC_k(a^\sigma, \sigma k) - C_k(a^1, k) + t'(k)(a^1 - a^\sigma). \quad (5)$$

Предполагаем, что инновационная технология является результатом научно-исследовательских работ одной фирмы. Затраты на научно-исследовательские разработки, необходимые для создания инновационной технологии, описываются функцией $F(k)$.

На первой стадии фирма-инноватор выбирает объем научно-исследовательских работ (или, эквивалентно, величину технологической инновации) с целью максимизации прибыли

$$(n-1)Y(k) - C(a^1, k) - F(k) - t(k)(e - a^1 - \bar{e}). \quad (6)$$

Прибыль фирмы-инноватора включает лицензионные платежи от остальных $n-1$ фирм за вычетом суммы собственных затрат на сокращение вредных выбросов, затрат на разработку инновационной технологии и платежей за собственные вредные выбросы (налоговых платежей или стоимости разрешений на загрязнение). Величина $\bar{e}$ представляет собой (экзогенное) распределение разрешений на загрязнение фирме-инноватору при использовании регулятором в качестве инструмента регулирования вредных выбросов бесплатно выдаваемых разрешений на загрязнение ($\bar{e} = 0$ при использовании в качестве инструмента регулирования налогообложения и продаваемых разрешений на загрязнение). Заметим, что $\bar{e}$ не появляется в уравнениях (1) и (3), поскольку индивидуальные решения фирмы относительно вредных выбросов и внедрения инновационной технологии не влияют на цену загрязнения, и, следовательно, на ренту, получаемую от распределения разрешений на загрязнение.

Максимизация выражения (6) относительно k приводит к следующему соотношению

$$F'(k) = (n-1)Y'(k) - C_k(a^1, k) - t'(k)(e - a^1 - \bar{e}). \quad (7)$$

Из соотношений (5) и (7) получаем следующее условие для оптимальной величины инновации с точки зрения фирмы-лицензиара

$$F'(k) = - \underbrace{nC_k(a^1, k)}_{\text{эффект затрат на сокращение вредных выбросов}} + \underbrace{(n-1)\sigma C_k(a^\sigma, \sigma k)}_{\text{эффект имитации}} - \underbrace{t'(k)(e - a^1 - \bar{e})}_{\text{эффект затрат на разрешения на загрязнение}} + \underbrace{(n-1)t'(k)(a^1 - a^\sigma)}_{\text{эффект адаптации цены разрешений к постинновационному уровню}} \quad (8)$$

В уравнении (8) предельные затраты на разработку инновационной технологии равны частным предельным выгодам от разработки инновации, причем последние представлены в виде четырех составляющих. Первая составляющая, (предельный) эффект затрат на сокращение вредных выбросов, представляет собой готовность n фирм платить за снижение издержек сокращения вредных выбросов, вызванный приростом величины инновации. Вторая составляющая, (предельный) эффект копирования представляет собой снижение готовности $n-1$ фирм, не являющихся инноваторами, платить за инновационную технологию, возникающее благодаря воздействию инновации на увеличение возможности копирования экологически чистой технологии для сокращения вредных выбросов.

Третья и четвертая составляющие (8) возникают только при использовании в качестве инструментов регулирования вредных выбросов разрешений на загрязнение. *(Предельный) эффект затрат на разрешения на загрязнение* представляет собой снижение затрат фирмы-инноватора на покупку разрешений на загрязнение, за вычетом выделенных разрешений, благодаря воздействию инновационной технологии на сокращение цены разрешений на загрязнение. При продаваемых разрешениях на загрязнение фирма-инноватор должна платить за вредные выбросы $e - a^1$. При бесплатно распределяемых разрешениях на загрязнение, если распределение $\bar{e}$ меньше (больше) выбросов $e - a^1$, фирма-инноватор будет чистым покупателем (продавцом) разрешений на загрязнение.

Последний член в (8) есть *эффект адаптации цены разрешений к постинновационному уровню*. При бесплатно выдаваемых или продаваемых разрешениях на загрязнение, если фирмы, не являющиеся инноваторами, должны были бы использовать имитацию вместо запатентованной технологии, их вредные выбросы были бы выше, и этим фирмам пришлось бы платить $t(k)$ ($a^1 - a^0$) за дополнительные разрешения на загрязнение. Снижая цену разрешений на загрязнение, инновационная технология сокращает эти платежи и, следовательно, готовность платить за новую технологию.

Проведен сравнительный анализ инструментов регулирования вредных выбросов с точки зрения стимулирования инноваций и с точки зрения максимизации национального благосостояния. Национальное благосостояние (W) представляет собой экологические выгоды $B(ra)$ за вычетом затрат на сокращение вредных выбросов и разработку инновационной технологии

$$W = B(na) - nC(a, k) - F(k). \quad (9)$$

Максимизация функции (9) относительно a и k дает

$$C_a(a^*, k^*) = B'(na^*), \quad (10)$$

$$F'(k^*) = -nC_k(a^*, k^*). \quad (11)$$

Уравнение (10) показывает, что с точки зрения максимизации национального благосостояния предельные затраты на сокращение вредных выбросов в расчете на фирму должны быть равны предельным экологическим выгодам. Согласно уравнению (11), предельные затраты на разработку инновационной технологии равны предельной общественной выгоде, выражающейся в сокращении затрат на сокращение вредных выбросов для всех фирм.

Далее сравним влияние экономических инструментов регулирования вредных выбросов на разработку инновационной технологии и национальное благосостояние, предполагая, что инструменты регулирования зафиксированы на уровнях, соответствующих равенству предельных затрат и выгод от сокращения вредных выбросов до появления инновации.

Рис. 1 показывает частные выгоды фирмы-инноватора (рис. 1,а) и остальных фирм (рис. 1,б) от разработки инновационной технологии при условии, что в качестве инструмента регулирования используется налогообложение фирм, производящих вредные выбросы. На рис. 1,а фирма-инноватор получает выгоды, соответствующие заштрихованному треугольнику Ohj , от сокращения своих собственных предельных издержек сокращения вредных выбросов. Однако, фирма-инноватор может получить от фирмы, не являющейся инноватором, только выгоды, соответствующие области Olj на рис. 1,б, поскольку предельные издержки сокращения вредных выбросов составляют для последней $Ca(a, ak)$, если эта фирма не внедряет запатентованную технологию. Области Ohj на рис. 1,а соответствуют эффекту затрат на сокращение вредных выбросов, в то время как область Olj на рис. 1,б соответствует эффекту копирования.

Рис. 2 показывает частные выгоды фирмы-инноватора (рис. 2,а) и остальных фирм (рис. 2,б) от разработки инновационной технологии при условии, что в качестве инструмента регулирования используются продаваемые разрешения на загрязнение, причем равновесное сокращение вредных выбросов для фирм постоянно и составляет a^0 , а цена разрешений падает до уровня $t(k)$ с появлением более экологически чистой технологии. Фирма-инноватор получает выгоды от сокращения своих собственных предельных издержек сокращения вредных выбросов, соответствующие треугольнику Ohl , и от эффекта затрат на разрешения на загрязнение (область $hsri$). В действительности совокупные выгоды фирмы-инноватора при условии, что в качестве инструмента регулирования используются продаваемые разрешения на загрязнение, превосходят соответствующие выгоды при использовании в качестве инструмента регулирования налогообложения на область $ijsr$. С другой стороны, фирма-инноватор привлекает при использовании

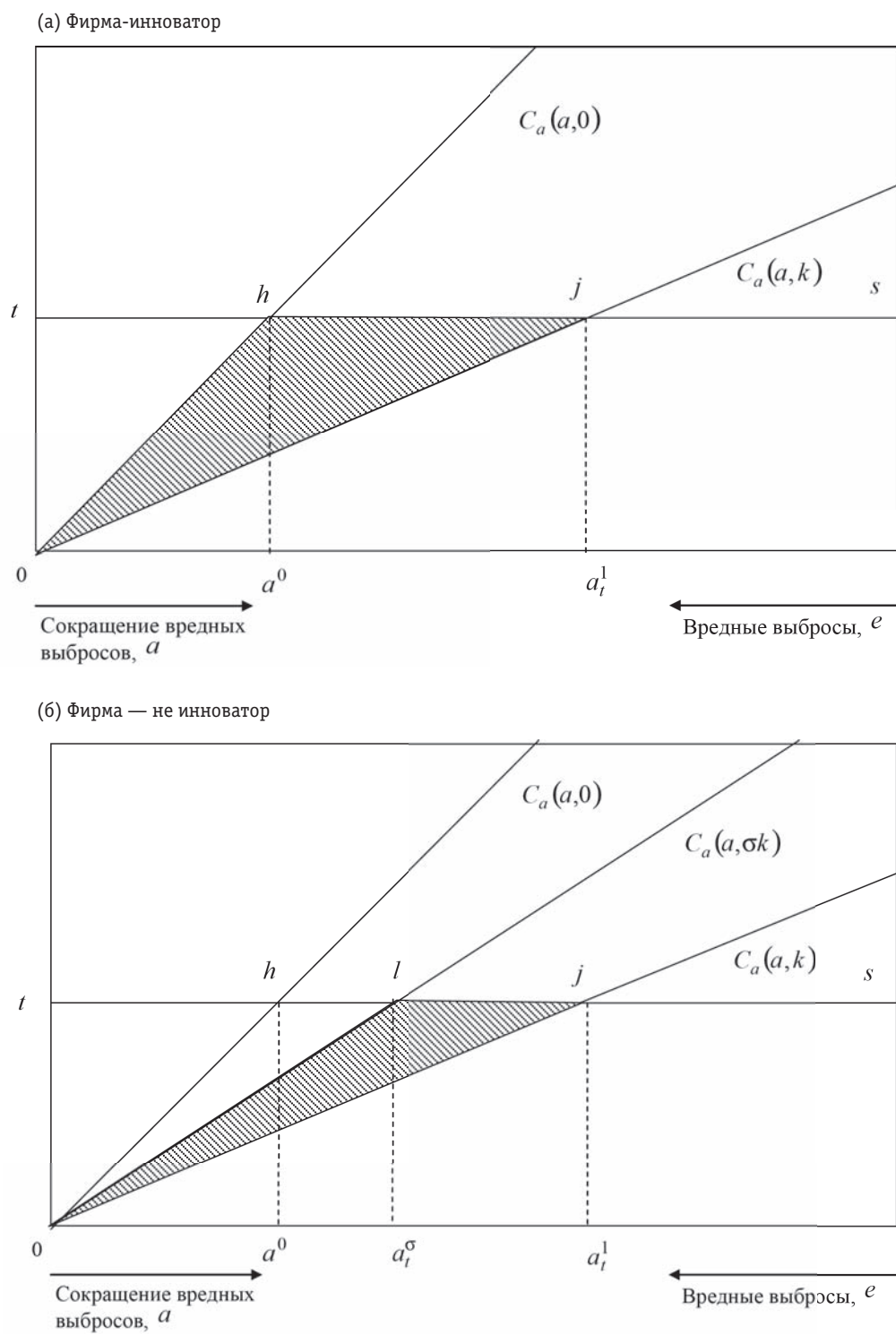
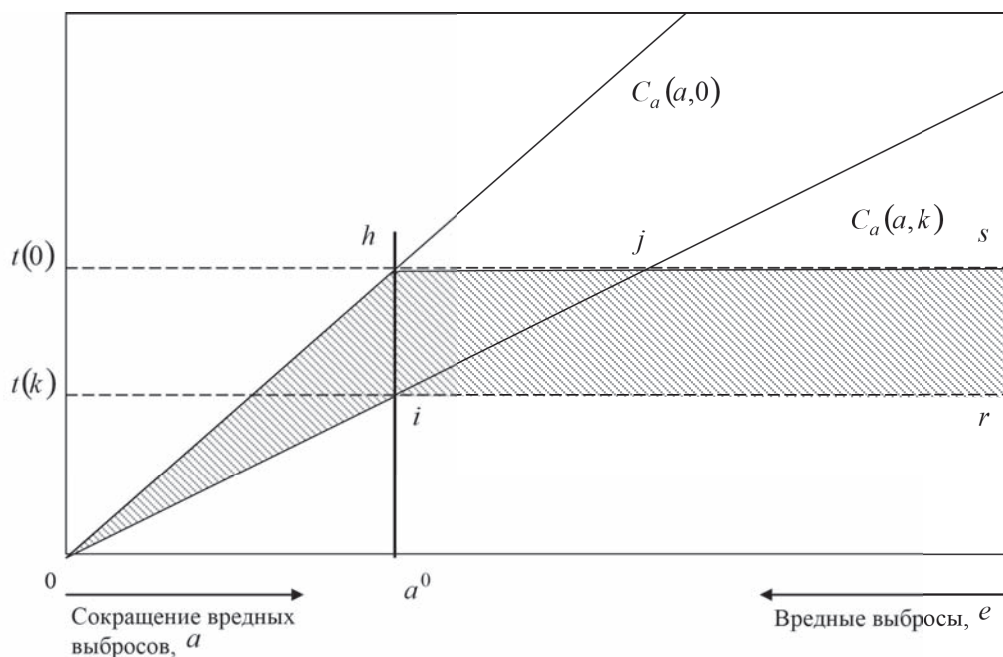

Рис. 1. Выгоды от инновации: налог на загрязнение

(а) Фирма-инноватор

(б) Фирма — не инноватор

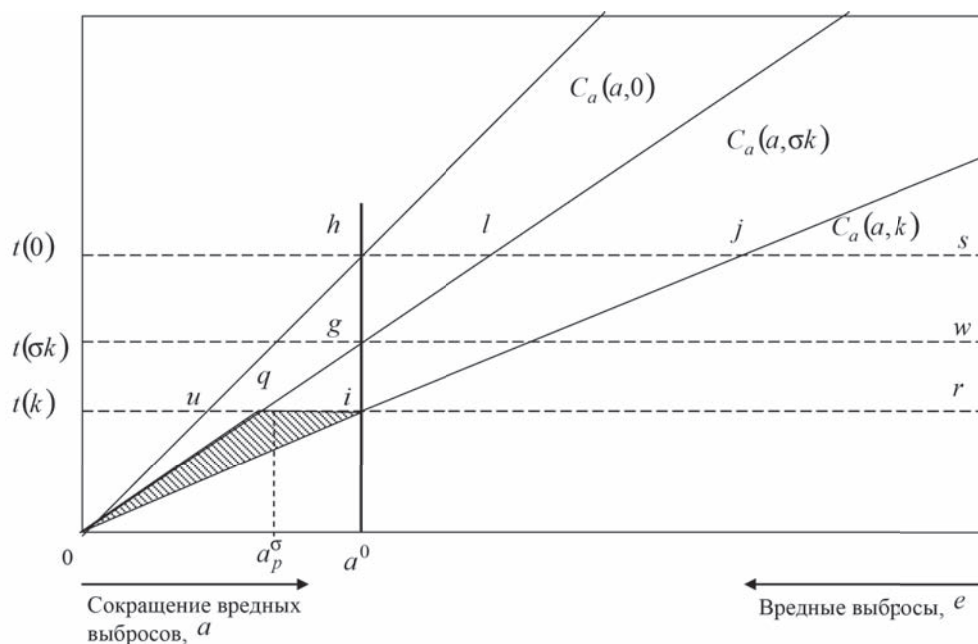

Рис. 2. Выгоды от инновации: продаваемые разрешения на загрязнение

продаваемых разрешений на загрязнение более низкий лицензионный платеж, чем при использовании в качестве инструмента регулирования налогообложения, поскольку эффект сокращения издержек снижения вредных выбросов в рассматриваемом случае меньше на область $glji$. Кроме того, лицензионный платеж меньше на величину эффекта адаптации цены разрешений на загрязнение к постинновационному уровню (qgi). Заметим, что если фирма, не являющаяся инноватором, использует имитирующую технологию вместо запатентованной технологии, она сокращает вредные выбросы до уровня a_p^{σ} и покупает $a - a_p^{\sigma}$ дополнительных разрешений на загрязнение. Эта возможность покупки разрешений на загрязнение по новой более низкой цене сокращает издержки при использовании копирования на площадь qig .

Из рис. 1 и 2 нетрудно проследить, какой из инструментов регулирования вредных выбросов (налогообложение или продаваемые разрешения на загрязнение) стимулирует создание лучшей инновационной технологии при различных обстоятельствах. Предположим, что имеет место идеальная имитация (т.е. $\sigma = 1$), так что фирма-инноватор не присваивает ни одну из выгод, получаемых другими фирмами на рис. 1,б и рис. 2,б. Стимулы для разработки инновационной технологии больше при использовании продаваемых разрешений на загрязнение на область $ijsr$ на рис. 2,а. Предположим теперь, что имитация вообще невозможна (т.е. $\sigma = 0$). В этом случае фирма-инноватор извлекает в качестве лицензионных платежей от остальных $n-1$ фирм прибыль, большую на величину, равную $n-1$ областям $hjiu$, при использовании в качестве инструмента регулирования вредных выбросов налогообложения, чем продаваемых разрешений на загрязнение. Эта дополнительная выгода превосходит область $ijsr$, если число n велико.

Анализ показывает, что для достаточно высокого уровня сокращения вредных выбросов существует критическое значение параметра σ , характеризующего имитацию, такое, что налогообложение фирм, допускающих загрязнение окружающей среды, стимулирует разработку инновационной технологии более высокого (низкого) уровня, чем продаваемые разрешения на загрязнение, если параметр, характеризующий имитацию, меньше (больше) этого критического значения. Бесплатно распределяемые разрешения на загрязнение индуцируют инновацию меньшей величины, чем при налоге на загрязнение и продаваемых разрешениях на загрязнение.

Воздействие различных инструментов регулирования вредных выбросов на национальное благосостояние сравнить несколько сложнее, поскольку оно зависит и от того, как инновационная технология зависит от уровня первого лучшего при альтернативных инструментах регулирования, и от того, является ли уровень сокращения вредных выбросов (после появления инновационной технологии) субоптимальным. В двух следующих ситуациях, как показывает проведенный анализ, возможно четкое ранжирование инструментов регулирования:

- при постоянных предельных экологических выгодах и при отсутствии копирования налог на фирму, производящие вредные выбросы, индуцирует оптимум первого порядка, в то время как продаваемые и бесплатно распределяемые разрешения на загрязнение приводят к более низким эффектам с точки зрения национального благосостояния;
- при постоянных предельных экологических выгодах бесплатно распределяемые разрешения на загрязнение приводят к более низким эффектам с точки зрения общественного благосостояния, чем налоги на вредные выбросы, при любых значениях параметра, характеризующего имитацию инновационной технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев С. Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. М., 1997.
2. Пиндайк Р.С., Рабинфельд Д.Л. Микроэкономика. СПб: «ПИТЕР», 2002.
3. Гофман К.Г., Витт М.Б. Платежи за природные ресурсы // Экономика и организация производства. 1990. № 2. С. 15–21.
4. Nordhaus W.D. Modeling Induced Innovation in Climate-Change Policy. Discussion paper. New Haven, CT: Yale University, 1998.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ, ФАКТОРЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ ЗОН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

СУВОРОВА Е.С.

соискатель,
Южный федеральный университет, филиал в г. Геленджик,
e-mail: lena-kotova@mail.ru;

ЗАЙКОВ В.П.

доктор экономических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет, филиал в г. Анапа,
e-mail: gic_2001@mail.ru

Для России, как страны с огромной территорией и чрезвычайно разнообразными условиями жизни в различных регионах, выработка региональной политики была и остается актуальной проблемой. Проводимые в стране экономические преобразования привели к регионализации экономической жизни, росту роли регионов во всех сферах экономической жизни. Авторами рассматриваются определение региональной политики как важнейшей составляющей государственной экономической политики, ее обобщенные цели и специфика санаторно-курортных зон, определяющая их конкретизацию. Определен перечень наиболее существенных методологических предпосылок формирования региональной политики в отношении таких зон. Среди факторов государственного вмешательства в управление процессами развития санаторно-курортных зон называются экологические, экономические, политические, конъюнктурные и социальные.

Ключевые слова: государственная политика; региональная политика; цели; социально-экономическое развитие; санаторно-курортные зоны; факторы и методологические предпосылки региональной политики.

For Russia as a country with vast territory and extremely varied conditions in different regions, the development of regional policy has been and remains an important issue. The country's economic transformation has led to the regionalization of economic life, increasing the role of regions in all spheres of economic life. The author considers the definition of regional policy as an important component of state economic policy, its generalized goals and specific spa areas, determining their specificity. Contains a list of the most important methodological prerequisites for regional policy in respect of such zones. Among the factors of government intervention in the management of development of sanatorium and resort areas, the environmental, economic, political, and social conjuncture.

Keywords: public policy; regional policy; objectives; socio-economic development; spa area; factors and methodological premises of regional policy.

Коды классификатора JEL: L83.

Сложные социально-экономические процессы, которые в настоящее время происходят в России, обусловили изменение критериев и факторов территориального развития, создали качественно новую среду для решения социально-экономических проблем регионов и их взаимодействия. Проводимые в последние годы экономические преобразования привели к «регионализации» экономической жизни, росту роли регионов во всех сферах экономической жизни.

В настоящее время для Российской Федерации, с ее огромной по масштабам территорией, разнообразием социально-экономических и природных условий, региональная политика является необходимым условием преодоления ныне протекающего финансового кризиса, упрочения территориальной целостности страны и, в результате, повышения уровня жизни.

Регионализация социально-экономического, политического, исторического пространства России, особенности регионов и ее федеративное устройство обуславливают ведущую роль региональной политики в развитии экономики.

Следует констатировать, что новая региональная политика, которая отвечает современным экономическим условиям, только формируется. Для этого необходимо выработать четкое представление о сущности региональной политики, выделить в ней методологические проблемы, определить основные факторы формирования такой политики в отношении развития курортно-санаторных зон, оценить возможности использования в нашей стране передового опыта территориального управления в развитых странах.

Говоря о региональной политике, всегда ее нужно видеть в срезе государственной политики, под которой следует понимать деятельность органов государственной власти и управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов и слоев населения, политических партий, общественных организаций и группировок, определяемую интересами и целями последних. Политика как заключается в выборе общественных целей и способов их реализации с использованием фактора власти [1].

Региональная политика, в продолжение сказанного, является составной частью государственного регулирования, основным вектором государственной политики. Основываясь на данной методологической предпосылке, нами рассматривается региональная политика, одновременно как отношение между государством и субъектами Федерации (регионами) и как деятельность по регулированию регионального развития. В этой связи, на наш взгляд, вычленение субъектов и объектов региональной политики является одной из основных проблем, которая требует решения с учетом их неоднозначного толкования в современной экономической теории, социологии и регионалистике.

Нами поддерживается та точка зрения, что субъекты политики с позиции власти — социальные институты и их органы, которые реализуют процесс управления различными областями общественной жизни, определяют цель и способ их использования. Субъектом региональной политики в данном контексте выступает государство. Основными же объектами региональной политики являются различные регионы, территории со специфической инфраструктурой, в том числе, идентифицируемые как санаторно-курортные зоны.

Объективным фактором становления и формирования региональной политики считается неоднородность структуры и природы в различных аспектах — ресурсном, социально-экономическом и политическом одного региона.

Так, регионы, и расположенные в них санаторно-курортные зоны, представляют собой социально-экономические системы, функционирование которых приоритетно направлено на предоставление санаторно-курортного сервиса и развлекательного комплекса услуг, обладающие определенными эколого-экономическими признаками, способствующими строительству домов отдыха, лечебно-профилактических санаториев, курортов, туристических баз, спортивных лагерей и др., расцениваются как особый объект экономического территориального развития.

Региональная политика охватывает все важнейшие отрасли материального производства, занятость населения, размещение сферы обслуживания, стимулирование туризма и т.д. Главная цель региональной политики заключается в сглаживании наиболее острых социальных и экономических диспропорций между отдельными районами страны [2].

К основным целям региональной политики, которые вполне можно применять и к санаторно-курортным зонам следует отнести:

- ◆ обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ регионов с целью создания единого экономического пространства;
- ◆ обеспечение единых минимальных социальных стандартов, независимо от экономических возможностей регионов;
- ◆ выравнивание условий социально-экономического развития регионов;
- ◆ экологическая защита регионов;
- ◆ максимальное использование природно-климатических особенностей регионов и др.

Социально-экономическое развитие регионов характеризуется экономической активностью, которая требует экономики рационального распределения производства в целях общенационального благосостояния. Вторым фактором, на наш взгляд, является социальная справедливость, цель которой заключается в распределении экономической деятельности, при которой население всех регионов должно иметь более или менее одинаковые возможности достижения желаемого благосостояния.

Однако глобальные цели региональной социально-экономической политики являются по нашему мнению, слишком общими для того, чтобы служить принятию конкретных решений. Поэтому они должны быть конкретизированы и преобразованы в многоуровневую систему целевых показателей для санаторно-курортных зон.

Концептуальные основы государственной политики в отношении регионов, имеющих санаторно-курортные зоны, целесообразно формировать на основе следующих методологических предпосылок.

В комплекс мер государственного (на федеральном уровне) регулирования регионального развития необходимо включать общие для всех субъектов Федерации и дифференцированные, применяемые в некоторых группах регионов. Санаторно-курортные — лишь одни из них, особенностями которых являются:

- а) неравномерность размещения объектов социальной и производственной инфраструктуры;
- б) территории с развитым рекреационным комплексом;
- в) преобладающее количество предприятий и организаций сферы услуг;
- г) присутствие фактора сезонности;
- д) сезонные колебания основной категории населения «временно присутствующие»;
- е) развитие туристской отрасли в рекреационных городах как одно из важнейших ресурсов социально-экономического развития.

Основной фактор, определяющий необходимость выделения этих регионов в особую группу, — особенность природно-климатических условий — имеет объективный характер, и в обозримой перспективе его влияние не может быть нейтрализовано. Это — первая предпосылка.

Вторая предпосылка: требуется выделение подгрупп в пределах регионов, имеющих санаторно-курортные зоны. Это выделение может быть проведено на основе сочетания отдельных типовых признаков, обуславливающих особенности динамики социально-экономических процессов. Региональная политика должна включать стандартные методы государственного регулирования, необходимые всем регионам, и особые — для отдельных регионов, имеющих санаторно-курортные зоны, или их групп с учетом факторов, определяющих социально-экономическую специфику, место региона в едином общероссийском народнохозяйственном комплексе и перспективы его развития.

Третья предпосылка: необходима комплексная поддержка этих регионов с помощью всех форм государственного регулирования.

И наконец, четвертая предпосылка: интеграция регионов, имеющих санаторно-курортные зоны, в единое экономическое пространство России может быть осуществлена в том случае, если государственная политика будет направлена на их развитие.

На основе предложенных нами методологических предпосылок может быть проведена и классификация субъектов Федерации, относящихся в настоящее время к регионам, имеющих санаторно-курортные зоны, и приравненным к ним территориям, по принципу преобладающего воздействия тех или иных факторов, определяющих особое место региона с точки зрения выбора направлений и форм государственной поддержки.

Целесообразность разработки государственной региональной политики подтверждается как российским, так и мировым опытом. Вместе с тем следует выделить факторы, которые обуславливают необходимость государственного вмешательства в региональное развитие санаторно-курортных зон.

1. Огромное влияние на региональное развитие санаторно-курортных зон оказывают экологические факторы. Они должны быть представлены не только государством, но и бизнес-сообществом. При этом государство и бизнес-сообщество должны быть взаимозависимыми структурами перед экологическими проблемами.
2. Экономические факторы должны быть направлены на эффективное использование факторов производства, перераспределение ресурсных потоков.
3. Социально-политические факторы должны обеспечивать социальную справедливость, безопасность и независимость региона.

Современную региональную политику следует ориентировать на выравнивание межрегиональных различий в доходах населения, социальной инфраструктуре, уровне безработицы, состоянии окружающей среды и др.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в социально-экономической политике регионов, имеющих санаторно-курортные зоны, в той или иной степени, задействован практически весь инструментарий государственной региональной политики. Необходимо осуществление модернизации региональной экономики, то есть обновления региональной экономической системы под воздействием рынка. Для этого по нашему мнению необходимо:

- а) совершенствование форм и методов управления всех звеньев хозяйства;
- б) проведение реструктуризации экономики, в частности, финансового оздоровления и адаптации отдельных предприятий и отраслей хозяйства к условиям рынка;

в) формирование современной рыночной инфраструктуры;

г) создание механизма мотивации к инвестированию и техническому перевооружению.

В заключение отметим, что трансформация системы управления предполагает создание новых управленческих структур, адекватных изменяющимся условиям хозяйствования, являющихся гибкими, ориентированными на достижение качественно нового социально-экономического эффекта. Этот подход весьма актуален как для государственного регионального управления в общем, так и для управления регионами, имеющими санаторно-курортную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.
2. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2008.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

ДЕРУЖИНСКАЯ М.П.

кандидат экономических наук, доцент,
Морская государственная академия имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
353918, Россия, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93

В работе рассмотрены современные методы и модели оценки кредитоспособности заемщика отечественных и зарубежных ученых, ведущих финансовых институтов. Изложены некоторые предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: методология; методы; модели; рейтинг; кредитоспособность; банкротство.

Modern methods and models of credit assessment of a borrower worked out by the Russian and foreign scientists as well as by leading financial institutions are considered. Some suggestions for their improvement are made.

Keywords: methodology; methods; models; rating; credit status; bankruptcy.

Коды классификатора JEL: M42.

Кредитный процесс представляет собой процесс организации кредитной деятельности банка, состоящий из совокупности последовательных этапов: от рассмотрения кредитной заявки до погашения ссудной задолженности кредитополучателем и является основным источником создания новой стоимости банковского продукта путем предоставления клиентам специфических услуг, направленных на удовлетворение их соответствующих функциональных потребностей. При рационализации кредитного процесса, как одного из компонентов процесса управления портфелем активов банка, необходимо существующий акцент при организации кредитования, направленный на снижение кредитного и портфельного риска, сместить в сторону увеличения доли услуг процессингового информационно-консультативного характера, с целью существенного сокращения времени, затрачиваемого банком на реализацию бизнес-процесса кредитования, а следовательно, повышения качества банковских услуг и операций.

Интенсивное развитие кредитования сопровождалось заметным ростом объемов просроченной задолженности: за этот период показатель по кредитам небанковскому сектору экономики увеличился на 44%, а по кредитам физическим лицам — в 2,3 раза и составил в 2010 г. 7,48% от объема выданных кредитов [6]. В целом темпы роста объемов просроченной задолженности в 2010 г. уменьшились, что в большей мере связано с большей осторожностью банков после кризиса 2008 г. и на 01.01.2011 объем просроченной задолженности составил 4,7% [9].

Ресурсная база кредитных организаций в период с конца 2008 г. поддерживалась главным образом за счет средств, привлекаемых от Банка России, и бюджетных депозитов, так к 01.01.2009 г. объем кредитов, депозитов и прочих привлеченных средств достиг 3,4 трлн руб., а уже к 01.01.2011 г. составил 11,127 трлн руб. [9].

Поддержка, оказанная банковскому сектору государством, позволила не допустить полного сворачивания кредитования, но не смогла компенсировать его дефицит. Объем кредитов и прочих размещенных средств, предоставленных нефинансовым организациям, за 2008 г. увеличился на 34,3% и достиг 12,510 трлн руб., а к январю 2011 г. 22,14 трлн руб. [9]. Дефицит кредитования является фактором усугубления кризиса. Основными причинами дефицита кредитования стали ухудшение экономического положения заемщиков и консерватизм банков, а также существование альтернативного кредитованию источника банковских доходов — вложений в иностранную валюту в условиях снижения курса рубля. Показатель достаточности капитала (Н1) составляя в период 2006–2008 гг. 14,5%–16,8% вырос к 01.01.2011 г. до 18,1% [9].

Темп роста просроченной задолженности по кредитам, депозитам и другим размещенным средствам в 2008 г. существенно опережал темп роста общего объема кредитования (2,3 и 1,4 раза соответственно). В результате удельный вес просроченной задолженности в общем объеме кредитного портфеля увеличился с 1,3% на 01.01.2008 г. до 2,1% на 01.01.2009 г.

Таким образом, глобальный экономический кризис оказал существенное негативное воздействие на экономику Российской Федерации и российский банковский сектор. Негативными последствиями развития кризисных явлений стали резкое снижение темпов кредитования, ухудшение качества корпоративного кредитного портфеля, сформировался своего рода «порочный круг»: ухудшение экономического положения предприятий — ухудшение качества кредитов — ужесточение подходов к кредитованию — усиление дефицита кредитования — ухудшение экономического положения предприятий.

Кредитоспособность заемщика зависит от многих факторов, оценить и рассчитать каждый из которых непросто. Большая часть анализируемых на практике показателей кредитоспособности основана на данных за прошедший период или на какую-то отчетную дату, вместе тем все они подвержены искажающему влиянию инфляции. Кроме того, применяется множество методов и подходов решения данной задачи, не исключающих друг друга, а дополняющих в комплексе и делающих оценку кредитоспособности заемщика более соответствующей реальности. Научный и практический интерес представляет классификация подходов к оценке кредитоспособности заемщиков коммерческих банков, предложенная профессором И.В. Вишняковым (рис. 1) [1].

Рис. 1. Классификация моделей оценки кредитоспособности заемщиков профессора И.В. Вишнякова

Классификационные модели дают возможность группировать заемщиков: прогнозные модели позволяют дифференцировать их в зависимости от вероятности банкротства; рейтинговые — в зависимости от их категории, устанавливаемой с помощью группы рассчитываемых финансовых коэффициентов и присваиваемых им уровней значимости.

Рейтинговая оценка (общая сумма баллов) рассчитывается путем умножения значения показателя на его вес (коэффициент значимости) в интегральном показателе. В мировой практике при оценке кредитоспособности на основе системы финансовых коэффициентов применяются в основном следующие пять групп коэффициентов: ликвидности, оборачиваемости, финансового рычага, прибыльности, обслуживания долга.

Американский ученый Э. Рид предложил следующую систему показателей [4], определяющих различные характеристики кредитоспособности предприятия: ликвидности, оборачиваемости, привлечения средств, прибыльности. Эта система позволяет прогнозировать своевременность совершения будущих платежей, ликвидность и реальность оборотных активов, оценить общее финансовое состояние фирмы и ее устойчивость, а также возможность определить границы снижения объема прибыли, в которых осуществляется погашение части фиксированных платежей.

Другая группа ученых (Дж. Шим, Дж. Сигел, Б. Нидлз, Г. Андерсон, Д. Колдвел) [8] предложила использовать группы показателей, характеризующих ликвидность, прибыльность, долгосрочную платежеспособность и показатели, основанные на рыночных критериях. В отличие от методики Э. Рида этот подход позволяет прогнозировать долгосрочную платежеспособность с учетом степени защищенности кредиторов от неуплаты процентов (коэффициента покрытия процента), коэффициенты, основанные на рыночных критериях, включают отношение цены акции к доходам, размер дивидендов и рыночный риск. С их помощью определяются отношение текущего биржевого курса акций к доходам в расчете на одну акцию, текущая прибыль их владельцев, изменчивость курса акций фирмы относительно курсов акций других фирм. Однако расчет некоторых коэффициентов сложен и требует применения специальных статистических методов.

Модификацией рейтинговой оценки является кредитный скоринг — технический прием, предложенный в начале 40-х годов XX в. американским ученым Д. Дюраном для отбора заемщиков по потребительскому кредиту. Отличие кредитного скоринга заключается в том, что в формуле рейтинговой оценки вме-

сто значения показателя используется его частная балльная оценка. Для каждого показателя определяется несколько интервалов значений, каждому интервалу приписывается определенное количество баллов или определяется класс. Если полученный заемщиком рейтинг ниже значения, заранее установленного сотрудниками банка, то такому заемщику будет отказано в кредите, а если соответствует нормативам, то кредитная заявка будет удовлетворена.

Прогнозные модели, получаемые с помощью статистических методов, используются для оценки качества потенциальных заемщиков. При множественном дискриминантном анализе (МДА) используется дискриминантная функция (Z), учитывающая некоторые параметры (коэффициенты регрессии) и факторы, характеризующие финансовое состояние заемщика (в том числе финансовые коэффициенты). Коэффициенты регрессии рассчитываются в результате статистической обработки данных по выборке фирм, которые либо обанкротились, либо выжили в течение определенного времени. Если Z -оценка фирмы находится ближе к показателю средней фирмы-банкрота, то при условии продолжающегося ухудшения ее положения она обанкротится. Если менеджеры фирмы и банк предпримут усилия для устранения финансовых трудностей, то банкротство, возможно, не произойдет. Таким образом, Z -оценка является сигналом для предупреждения банкротства фирмы. Применение данной модели требует обширной репрезентативной выборки фирм по разным отраслям и масштабам деятельности. Сложность заключается в том, что не всегда можно найти достаточное число обанкротившихся фирм внутри отрасли для расчета коэффициента регрессии.

Наиболее известными моделями МДА являются модели Альтмана и Чессера [10], включающие следующие показатели: отношение собственных оборотных средств к сумме активов; отношение реинвестируемой прибыли к сумме активов; отношение рыночной стоимости акций к заемному капиталу; отношение объема продаж (выручки от реализации) к сумме активов; отношение брутто-прибыли (прибыли до вычета процентов и налогов) к сумме активов.

Организацию относят к определенному классу надежности на основе значений Z -индекса модели Альтмана. Пятифакторная Модель Альтмана построена на основе анализа состояния 66 фирм и позволяет дать достаточно точный прогноз банкротства на 2–3 года вперед. В более поздних работах ученый изучил такие факторы, как капитализируемые обязательства по аренде, применил сглаживание данных для устранения случайных колебаний. Новая модель с высокой степенью точности предсказывает банкротство на 2 года вперед и с меньшей вероятностью (примерно 70%) — на 5 лет вперед. Построение в российских условиях подобных моделей достаточно сложно из-за отсутствия статистических данных о банкротстве организаций, постоянного изменения нормативной базы в области банкротства и признания банкротства организации на основе данных, не поддающихся учету.

Отечественные дискриминантные модели прогнозирования банкротства представлены двухфакторной моделью М.А.Федотовой [5] и пяти-факторной моделью Р.С.Сайфулина, Г.Г.Кадыкова [7]. Модель оценки вероятности банкротств Федотовой опирается на коэффициент текущей ликвидности (X_1) и долю заемных средств в валюте баланса (X_2). В уравнении Сайфулина, Кадыкова используются следующие коэффициенты: коэффициент обеспеченности собственными средствами (нормативное значение ($X_1 \geq 0,1$)); коэффициент текущей ликвидности ($X_2 \geq 2$); интенсивность оборота авансируемого капитала, характеризующая объем реализованной продукции, приходящейся на 1 руб. средств, вложенных в деятельность организации ($X_3 \geq 2,5$); рентабельность продаж, рассчитываемая как отношение прибыли от продаж к выручке (для каждой отрасли индивидуальная); рентабельность собственного капитала ($X_5 \geq 0,2$). При полном соответствии значений финансовых коэффициентов минимальным нормативным уровням $Z=1$ финансовое состояние заемщика с рейтинговым числом менее 1 характеризуется как неудовлетворительное.

Помимо МДА-моделей прогнозирования вероятного банкротства заемщика могут использоваться и упрощенные модели, основанные на системе определенных показателей. К примеру, система показателей Бивера [11] включает: коэффициент Бивера ($K_{\text{Бивера}}$); рентабельность активов; финансовый рычаг; коэффициент покрытия активов собственным оборотным капиталом; коэффициент покрытия краткосрочных обязательств оборотными активами. Коэффициент Бивера равен отношению разницы чистой прибыли и амортизации к сумме долгосрочных и краткосрочных обязательств. Значение $K_{\text{Бивера}} \geq -0,15$ свидетельствует о неблагоприятном финансовом состоянии за год до банкротства, как и значение коэффициента покрытия активов чистым оборотным капиталом меньше 0,06, а коэффициента покрытия краткосрочных обязательств меньше 1.

При классификации кредитов возможно использование модели CART (Classification and regression trees), что переводится как «классификационные и регрессионные деревья». Это непараметрическая модель, основные достоинства которой заключаются в возможности широкого применения, доступности для понимания и легкости вычислений, хотя при построении применяются сложные статистические методы. В «классификационном дереве» фирмы-заемщики расположены на определенной «ветви» в зависимости от значений выбранных финансовых коэффициентов; далее идет «разветвление» каждой из них в зависимости от следующих коэффициентов. Точность классификации при использовании данной модели — около 90%. Пример «классификационного дерева» представлен на рис. 2, где K_1 — финансовый коэффициент; P_1 — нормативное значение показателя; В — предполагаемый банкрот; S — предположительно устойчивое состояние.

В дополнение к выделенным И.В. Вишняковым моделям необходимо добавить методику, широко используемую в отечественной практике, — методику на основе анализа денежных потоков. Эта методика в отличие от подхода, основанного на финансовых коэффициентах, позволяет использовать не данные об остатках по статьям активов и пассивов, а коэффициенты, определяемые по данным об оборотах ликвидных активов, запасах и краткосрочных долговых обязательствах посредством расчета чистого сальдо различных поступлений и расходов денежных средств за определенный период.

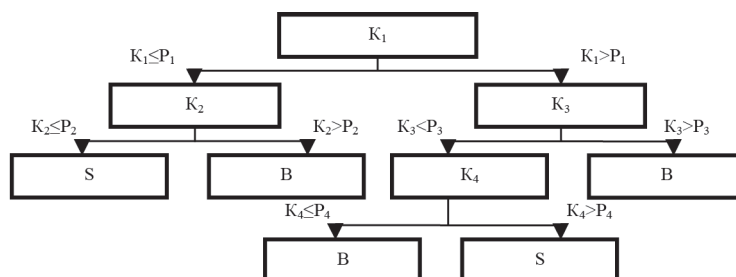

Рис. 2. «Классификационное дерево» модели CART [2]

Разница между притоком и оттоком средств показывает величину общего чистого денежного потока. Кратковременное превышение оттока над притоком говорит о дефиците денежных средств (более низком рейтинге клиента). Систематическое превышение оттока над притоком средств характеризует клиента как некредитоспособного. Сложившаяся средняя величина общего денежного потока может устанавливаться в качестве предела выдачи новых кредитов, так как показывает размер средств, с помощью которых клиент имеет возможность погашать долговые обязательства. На основе соотношения величины общего денежного потока и размера долговых обязательств клиента определяется его класс кредитоспособности.

Для построения экспертной системы оценки кредитных рисков для физических лиц рационально, использовать скоринговую модель, основанную на математических и статистических методах. Назначение кредитного скоринга — автоматизированное принятие решений по выдаче кредитов частным лицам [3].

Скоринговая модель представляет собой взвешенную сумму определенных характеристик, т.е. интегральный показатель — score, чем он выше, тем выше надежность клиента, и банк ранжирует своих клиентов по степени возрастания кредитоспособности. Интегральный показатель каждого клиента сравнивается с неким числовым порогом, или линией раздела, которая, по существу, является линией безубыточности и рассчитывается из отношения, сколько в среднем нужно клиентов, которые платят в срок, чтобы компенсировать убытки от одного должника. Клиентам с интегральным показателем выше этой линии выдается кредит, клиентам ниже этой линии — нет.

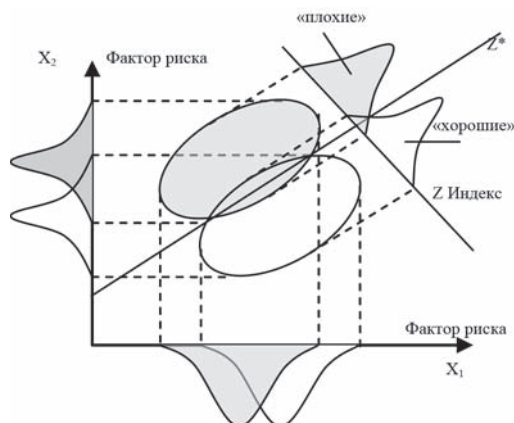

Рис. 3. Геометрическая интерпретация скоринговых моделей [3]

Заемщики двух классов изображены на рис. 3 овалами. Верхний овал обозначает — «плохих» заемщиков, нижний — «хороших». По осям на графике размещены факторы риска кредитоспособности — переменные X_1 и X_2 . Модель скоринга ищет, используя статистику ранее обработанных кредитов, такой взгляд на данные в пространстве факторов риска (на рисунке это пространство двумерное, в общем случае оно многомерное), чтобы под этим углом зрения объекты разных классов были максимально не похожи друг на друга. Этот угол зрения обозначен на рисунке прямой, проходящей между двумя овалами. Перпендикуляр к этой прямой является осью скоринга, проекция на которую образов «плохих» и «хороших» заемщиков дает возможность отличить их друг от друга. Функция плотности заемщиков разных классов

при проецировании на ось скоринга Z становятся отличными друг от друга. Таким образом в моделях появляются численные значения коэффициентов, взвешивающих входящие в модели факторы риска. Эти коэффициенты являются результатом процедуры обучения, когда для настройки модели ей предъявляются имеющиеся статистические данные, и она подбирает коэффициенты таким образом, чтобы точность распознавания классов заемщиков была максимальной.

Скоринговые модели являются первичным индикатором кредитоспособности потенциального заемщика. На их основе эксперт принимает окончательное решение о выдаче кредита.

Отметим ряд проблем, которые необходимо учитывать при использовании методов оценки кредитоспособности заемщика.

Улучшить отбор основных частных критериев. Эти показатели не должны быть тесно взаимосвязаны между собой. В частности, очевидно, что для приведенной совокупности это требование не выполняется, поскольку коэффициенты текущей и быстрой ликвидности, как правило, очень тесно взаимосвязаны: коэффициент парной корреляции будет близок к 1.

Должны быть обоснованы пороговые значения частных критериев. В частности, для первых двух коэффициентов эти пороговые значения составлены на основе западной практики. В нашей стране довольно сложно осуществить подобный подход. Разработке пороговых значений должно предшествовать накопление данных о фактическом состоянии дел в отношении данных коэффициентов, что вполне по силам любому банку, аккумулирующему данные о своих клиентах.

Весовые значения коэффициентов также должны быть обоснованы. В частности, коэффициент быстрой ликвидности имеет приоритет перед коэффициентом текущей ликвидности. Вряд ли это оправданно для торговой организации, поскольку основную часть оборотных средств составляют товарные запасы, т.е. коэффициент текущей ликвидности, учитывающий эти активы, гораздо более важен.

Необходимость обоснования коэффициентов значимости для каждой группы показателей в соответствии с отраслью деятельности конкретного заемщика.

При рейтинговой оценке учитываются уровни показателей только относительно оптимальных значений, соответствующих определенным установленным нормативам, но не принимается во внимание степень их выполнения или невыполнения.

В системе рассчитываемых коэффициентов не учитываются многие факторы — репутация заемщика, перспективы и особенности рыночной конъюнктуры, оценки выпускаемой и реализуемой продукции, ее конкурентоспособность, перспективы инноваций т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишняков И.В. Методы и модели оценки кредитоспособности заемщика / И.В. Вишняков. СПб.: СПбГИЭА, 1998.
2. Ендовицкий Д.А., Анализ и оценка кредитоспособности заемщика: учебно-практическое пособие // Д.А. Ендовицкий, И.В. Бочарова. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2008.
3. Кармаков А.А. Управление кредитными рисками в условиях высокой волатильности рынков. Автореф. дисс. ... на соискание уч. ст. канд. эк. наук: Майкоп, 2010.
4. Рид Э., Коттер Р. «Коммерческие банки», М., СП Космополис, 1991.
5. Родионова В.М., Федотова М.А. Финансовая устойчивость предприятия в условиях инфляции. М.: Перспектива, 1995.
6. «Российская Бизнес-газета» № 763 (30) от 17 августа 2010 г.
7. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа / А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфулин, Е.В. Негашев. М.: ИНФРА-М, 2001.
8. Шим Дж., Сигел Дж., Нидлз Б., Андерсон Г., Кондвел Д. Финансовый менеджмент. М.: Филинь, 1996.
9. Экспресс-выпуск обзор банковского сектора Российской Федерации аналитические показатели (интернет-версия) февраль 2011. № 100 // Интернет ресурс: www.cbr.ru.
10. Altman E. Financial ratios discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy // Journal of Finance, 22 September 1968.
11. Beaver W.H. Financial ratios and predictors of failure // Empirical research in accounting: selected studies, supplement to journal of accounting research, 1966.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ АВТОДИЛЕРСКИХ ЦЕНТРОВ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ РЫНКА УСЛУГ

СЕЛИВАНОВА А.Г.

аспирант,

Ростовский государственный университет путей сообщения,
344038, г. Ростов-на-Дону, пл. им. Полка народного ополчения, 2

В условиях посткризисного развития российские автодилерские компании вынуждены изменить модель поведения для обеспечения конкурентоустойчивости. В статье анализируется изменение структуры российского авторынка под воздействием интеграции иностранных автокомпаний.

Ключевые слова: автодилеры; автокомпоненты; иностранные автопроизводители; сервисное обслуживание; конкурентоустойчивость; рынок услуг.

In the conditions of the post-crisis development the Russian auto dealership companies are compelled to change a model of behavior for maintenance of competitiveness. The article analyzes some change of structure of the Russian auto market under the influence of integration of the foreign auto companies.

Keywords: auto dealerships; automotive components; foreign motor-car manufacturers; service; competitiveness; the market of services.

Коды классификатора JEL: L81.

Глобальная экономическая система в настоящее время характеризуется постепенным восстановлением деловой активности. Одной из стратегических целей, стоящих перед национальной экономической системой — развитие автопромышленной отрасли, способной стать мультипликаторами роста деловой активности на уровне государства. Данный факт детерминирует необходимость анализа развития распределительно-сбытовой системы автопромышленного комплекса в виде автодилерских центров как экономических субъектов рынка услуг.

При рассмотрении дилерских центров в контуре развития автопромышленной отрасли необходимо выявить влияние интеграции иностранных автокомпаний на российский рынок в докризисный период.

Формирование новой институциональной среды государственными органами в 2000 гг. осуществления деятельности в рамках импорта автомобилей на территории России создало объективную необходимость перед иностранными автопроизводителями для организации собственного локального или совместного сборочного предприятия.

Основной задачей в рамках контроля над изменением модели поведения выступала оптимизация таможенных платежей и постепенное повышение уровня локализации. Данная ситуация, вызванная повышением количества субъектов автопромышленного комплекса на российском рынке, создала критический уровень достаточности местного производства автокомпонентов, обеспечивающих требуемое качество поставки (рис. 1.). Данный фактор является определяющим для качества предлагаемого автодилерскими центрами обслуживания клиентов, а также для конъюнктуры рынка в целом и, следовательно, нуждается в более детальном рассмотрении.

При этом необходимо отметить, что, несмотря на влияние финансово-экономического кризиса на отрасль и временные проблемы российского автопрома, дальнейшие перспективы рынка автомобильных компонентов являются более оптимистичными. С изменением структуры российского производства легковых автомобилей в пользу иностранных автомобилей растет емкость первичного рынка. Подобная картина складывается и на вторичном рынке: увеличение числа иностранных автомобилей в эксплуатации ведет к росту денежного выражения объема рынка [4]. Несмотря на более высокую надежность автомобилей зарубежных брендов, износ в процессе эксплуатации приводит в необходимости текущего ремонта и замены отдельных автокомпонентов.

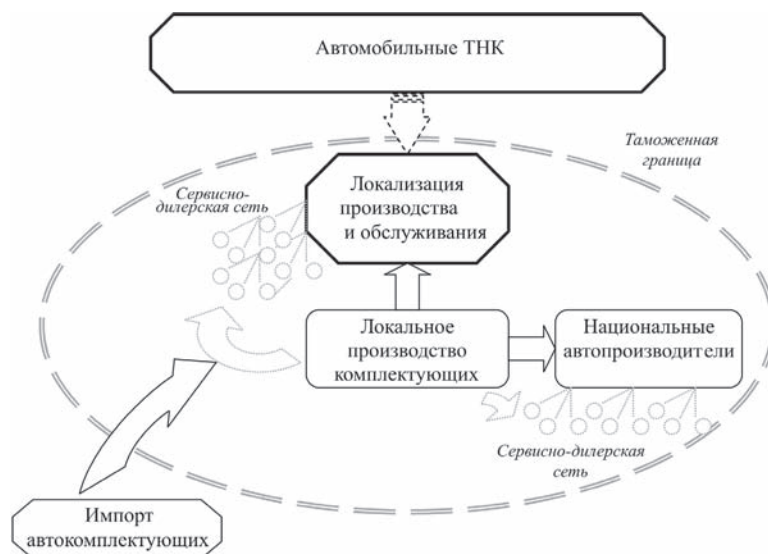

Рис. 1. Интеграция транснациональных автопроизводителей на Российский автомобильный рынок
[Составлено автором по материалам исследования]

Поставка автомобильных компонентов, ориентированная на первичный авторынок, напрямую зависит от объемов выпуска автомобилей на российских заводах. В 2008 г. на территории России было выпущено около 1,5 млн легковых автомобилей. При этом рост объемов производства произошел, в первую очередь, за счет увеличения сборки иномарок. На их долю сейчас приходится около 40% от общего объема выпуска легковых автомобилей в РФ.

Доля комплектующих изделий, закупаемых автозаводами для сборки автомобилей отечественных марок (LADA, ГАЗ, УАЗ), в себестоимости реализации составляет примерно 54%. Таким образом, по итогам 2008 г. суммарный объем поставок компонентов для сборки 890 тыс. отечественных автомобилей составил 96,1 млрд руб. (\$3,87 млрд) [2]. При этом на долю импорта пришлось всего около 6% от этого объема, то есть примерно \$230 млн. Остальной объем поставок (94%) обеспечили российские производители автокомпонентов.

Из 600 тыс. иномарок, выпущенных на территории России в 2008 г., более трети собрано методом крупноузловой сборки (SKD): по этому принципу уже достаточно давно работает калининградский «Автотор», в текущем году так осуществляется сборка автомобилей на заводе Volkswagen в Калуге и GM в Санкт-Петербурге. Доля российских комплектующих в данной модели крайне мала. В среднем уровень локализации сборочных производств составляет от 10 до 40%. По итогам расчета средневзвешенной стоимости собираемых в России иномарок и принятия того факта, что примерно 85% себестоимости приходится на компоненты, рынок комплектующих для сборки иномарок по итогам 2008 г. был оценен в 178,5 млрд руб. (\$7,18 млрд). [2]

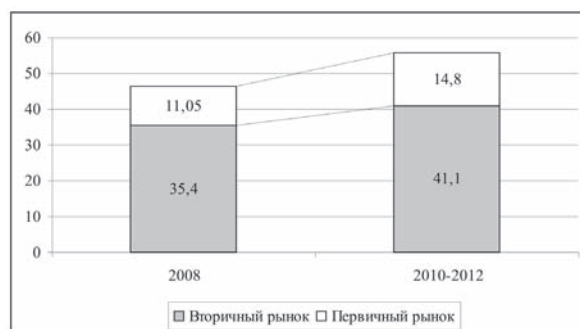

Рис. 2. Емкость рынка автокомпонентов в РФ, млрд USD [4]

Суммарная же емкость рынка компонентов и материалов для сборки легковых автомобилей в России (рис. 2) оценивается в \$12,5 млрд, из которых более половины (\$6,7 млрд) приходится на долю импорта. При этом, несмотря на финансовый кризис, объем первичного рынка автокомпонентов в РФ должен постоянно расти. Новые таможенные пошлины будут способствовать снижению объема импорта и увеличению доли местной сборки автомобилей.

С ростом российского парка легкового и коммерческого транспорта, а также увеличением интенсивности его эксплуатации начал активно расти рынок вторичных автокомпонентов.

Режим промышленной сборки должен стимулировать иностранные автосборочные заводы закупать комплектующие у российских поставщиков, а также привлекать в Россию зарубежных производителей автокомпонентов. Однако, опыт таких предприятий, как «ИжАвто», «Автофрамос» и Ford, которые первыми начали работать в режиме «промбсорки», выявил ряд проблем, связанных с низким качеством комплектующих российского производства, а также неспособностью отечественных предприятий обеспечить разные модели различных автомобильных марок необходимой номенклатурой деталей. Иностранные же производители компонентов пока очень слабо представлены на национальном рынке. В их числе, в основном, производители крупных компонентов, выпускаемых небольшими объемами и имеющих низкую добавленную стоимость: сиденья, детали интерьера, бамперы, светотехника и прочее. Такие поставщики открывают свои подразделения вблизи российских и иностранных автопроизводителей. Настоящей экспансии производителей автокомпонентов стоит ожидать лишь после того, как российским предприятиям иностранных производителей потребуются такие объемы заказов на комплектующие, которые обеспечат поставщикам необходимую рентабельность. Произойдет это, очевидно, лишь тогда, когда подойдет срок перехода строящихся в настоящее время заводов Mitsubishi-PSA, Nissan, Hyundai, GM и Volkswagen на стадию полноценного промышленного производства (CKD) [4].

Тем не менее, кризис и последовавшие за ним действия властей по ужесточению мер таможенного регулирования на ввоз автокомпонентов (в сочетании с изменением курса национальных валют по отношению к доллару) вполне могут привести к закрытию ряда сборочных производств в России. В первую очередь под угрозой окажутся проекты по сборке на заводах Ижмаша, ТагАЗа и все совместные проекты группы ГАЗ.

Кризис сбыта по-разному отразился на соотношении продаж отечественных и иностранных производителей. Так, в США это в большей степени отразилось на национальных автопроизводителях: падение продаж американских автомобилей составило 23,9% против 12,4% у иностранных. В России иностранные бренды нарастили свои продажи на 35%, а крупнейший отечественный бренд АвтоВАЗ снизил объем продаж на 6% (продал 622 тыс. автомобилей). В Германии отечественные бренды, напротив, упрочили свои позиции, упав меньше (0,7%), чем иностранные (4%) [2].

Снижение объемов продаж автомобилей российских предприятий является основанием для изменения модели поведения национальных автодилерских организаций на российском рынке услуг. Выполнение только распределительной функции по отношению к российским автомобилям и их гарантийное обслуживание снижает конкурентоспособность российских автодилерских центров по сравнению с иностранными предприятиями, что в свою очередь продвигает вероятность их ликвидации как экономических субъектов. В целях обеспечения конкурентоустойчивости в условиях низкого уровня платежеспособного спроса и минимизации значения соотношения цены и качества российских автомобилей дилерские организации будут вынуждены изменить стратегию своего развития на более клиентоориентированную. Это обуславливает необходимость создания в будущем новых сервисных услуг, являющихся частью комплексного интегрированного продукта по удовлетворению всех потребностей клиента.

Так, автохолдинг «Ключавто» приступил к строительству специализированного центра по продаже и обслуживанию автомобилей Volkswagen — «Фольксваген Центр Краснодар», который станет одним из крупнейших дилерских центров этой марки на юге России. Объем инвестиций в проект составит около 280 млн рублей, ориентировочный срок окупаемости — 4,5 года, план продаж на первый год работы — 720 автомобилей.

Новый дилерский центр, который строится по соседству с «Ауди-центром» и официальным дилером Mitsubishi, Nissan, Renault и Suzuki «Модус-Краснодар», будет включать демонстрационный зал площадью 1300 кв. м, сервисную зону общей площадью 2000 кв. м, в которой размещается 21 рабочий пост. Стратегия инвестирования в строительство новых центров в компании принята давно и реализуется поступательными шагами: в 2008 г. в строительство было инвестировано около 1,4 млрд рублей, в 2009 г. — 635 млн рублей, в 2010 г. были в Краснодаре открыты автоцентры Skoda и Mercedes-Benz. Компания «Ключавто» прошла кризис продуктивно, поскольку на конец 2008 г. практически не имела краткосрочных заемных средств, только долгосрочные, что позволило выполнить инвестпрограмму 2008–2009 гг.

ГК «Ключавто» является официальным дилером семи мировых концернов: Mercedes-Benz, Lexus, Toyota, Hyundai, Mitsubishi, Renault и Skoda в Краснодарском и Ставропольском краях. Автоцентр Volkswagen будет 16-м дилерским центром «Ключавто» на юге России. Здесь уже существует 8 официальных дилеров Volkswagen, а в марте 2011 г. начинает работу новый сертифицированный дилерский центр в Таганроге — «Гедон-Юг»; кроме того, в 2011 г. планируется открытие нового автоцентра «Гедон» в г. Ростове-на-Дону. ГК «Ключавто» станет третьим дилером Volkswagen в Краснодаре: официальными дилерами этой автомобильной марки уже являются «Гедон-Авто» и «Юг-Авто» [1].

Также, следует отметить влияние на российский рынок услуг и Программы утилизации автомобилей, действует в России с 8 марта 2010 г. и предоставляет владельцам старых автомобилей (от 10 лет и более) право обменять машины на сертификат на 50 тыс. рублей для покупки новой машины российского производства. За год действия программы было выдано почти 500 тыс. утилизационных сертификатов. Экс-

перты предполагают, что в 2012 г. в России будет запущена новая программа утилизации автомобилей, которая будет учитывать успешный европейский опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автохолдинг — дилерский центр «Эксперт Юг» № 9–10 (149) от 06 марта 2011.
2. Аналитическое агентство Автостат: // Интернет ресурс: [http:// www.autostat.ru/Old/default.asp?Sect=311&Art=3582](http://www.autostat.ru/Old/default.asp?Sect=311&Art=3582). 12.12.2010.
3. Калинин М. Ходовые автозапчасти // Новости Автобизнеса, 2009. № 82.
4. Попов В.В. Новые знания, технологии, инновации для регионального автобизнеса и его инвесторов. М: ИД «Российское время», 2009.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ КРИТЕРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕГУЛИРУЮЩИХ УСЛОВИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

ЩИПАНОВ Э.Ю.

кандидат экономических наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

В статье представлен критический анализ известных подходов к определению регулирующих условий производства в сельском хозяйстве. Аргументирована необходимость формализации критерия отнесения земельных ресурсов к этой категории. Предложено решение указанной задачи на основе сопоставления результатов возделывания конкретного земельного участка с осуществленными при этом издержками.

Ключевые слова: рента; регулирующие условия производства; неоднозначность влияния рентообразующих факторов.

The article is devoted to the critical analysis of the known approaches to determination of regulating production conditions in agriculture. The necessity to formalize the criterion referring land resources to this category is substantiated in the article. Solution of the above-mentioned task is proposed on the basis of comparing the results of cultivating a certain land parcel with reference to the associated expenses.

Keywords: rent; regulating production conditions; ambiguity of influence of the rent-forming factors.

Коды классификатора JEL: Q12, Q14.

При разработке рентной проблематики, как правило, наибольшую сложность представляет определение параметров «худшего» участка, поскольку исходным пунктом для выявления избыточной по своей природе ренты является установление базы сравнения, то есть условий, при которых земельная рента не образуется. В этой связи при реализации счета дифференциальной ренты определению районов с объективно худшими условиями производства уделяется очень большое внимание, а некоторые исследователи вообще сводят практическую задачу определения ренты к установлению такого класса земли. Причем указанная проблема свойственна не только классической теории ренты. При этом, несмотря на фундаментальные различия, практически все концепции ренты предполагают наличие такого земельного массива, который используется в сельскохозяйственном производстве и характеризуется самыми неблагоприятными естественными условиями. Современные экономико-математические теории еще более повысили значение проблемы худших условий производства. В частности, концепция оптимального планирования возводит принцип установления цены по «замыкающим» землепользователям в ранг важнейшего экономического закона. Казалось бы, при такой популярности указанного вопроса должны быть разработаны и конкретные методы выделения худших хозяйств из их общей массы. Однако именно этот, конкретно-экономический аспект рентной проблематики, разработан менее всего. В этой связи неудивительно, что единообразие в представлении о методике непосредственного установления таких условий отсутствует.

Как следствие, зачастую задачу определения «худших» участков исследователи решают на субъективной основе, что приводит в дальнейшем, по меньшей мере, к неоднозначности результатов оценки земельной ренты. Например, В.И. Кудинов в качестве замыкающих предлагает использовать средние значения характеристик условий производства первых 10% предприятий из ранжированного ряда по значению показателей рентообразующих факторов — качеству земель и местоположению хозяйства. [7, с. 15] При этом наиболее радикальным представляется установление худших условий производства нормативным путем. Так, в соответствии с методологией, предложенной ЦЭМИ РАН, ренту предлагалось определять при

составлении оптимальных планов по разности затрат в замыкающих (предельных) и конкретных (оцениваемых) условиях. При этом уровень замыкающих затрат должно было устанавливать государство на некоторый отрезок времени при заданных ресурсно-экологических ограничениях. [11, с. 157]

С точки зрения статистической методологии использование в ходе количественной оценки земельной ренты в качестве сравнительной базы худших условий затрудняет решение поставленной задачи, поскольку различные характеристики как самого участка, так и осуществляющего на нем хозяйственную деятельность землепользователя могут предопределять неоднозначный результат аграрного производства. В этой связи иногда при решении подобной задачи ограничиваются установлением условий производства маргинальных лишь по одному из рентообразующих факторов, как правило — по плодородию. Так, еще А. Маршалл подметил, что «плодородию традиционно приписывают ведущую роль среди рентообразующих факторов, придавая местоположению второстепенное значение». Поэтому именно наименее плодородную землю часто называют «границей производства», замыкающими условиями» или «землей предельной производительности». В частности, А. Маршалл в качестве регулирующих условий рассматривал «землю настолько малопродуктивную, что она находится на пределе возделывания», а Г. Джордж — «самую жалкую землю, находящуюся в обороте». [9, с. 46; 4, с. 195] В свою очередь К. Маркс плодородие худших участков называл «официальным плодородием», т.е. плодородием, регулирующим общественную цену производства. [2, с. 133]

Широкое распространение представлений о невозможности при расчетах ренты нивелирования различий в интенсивности и эффективности сельскохозяйственного использования земельных ресурсов привело к разработке косвенных критериев для выделения худшего класса земли. Так, многие исследователи рассматривают в качестве методологических основ определения дифференциальной ренты положение о том, что лучшие природные условия обеспечивают более производительный труд, а в худших производительность труда должна быть ниже. В свою очередь, И.Б. Загайтов предлагает регулирующим считать тот участок, который, будучи необходимым для удовлетворения общественного спроса, в то же время характеризуется наибольшим уровнем индивидуальной цены единицы продукции. [5, с. 161] В конечном счете, в соответствии с указанным критерием за категорию худших земель нужно принять микрону, хозяйства которой производят единицу продукции земледелия наибольшей себестоимости. Однако из фактических данных, при группировке субъектов Российской Федерации по показателю возрастания себестоимости подобная взаимосвязь не наблюдается. В частности, в своем исследовании А.С. Тарасов пришел к выводу о том, что использование показателя высокой себестоимости как критерия в определении худших условий производства не может рассматриваться в качестве основного варианта. [10, с. 52]

Таким образом, имеющиеся в литературе методики расчета ренты не останавливаются на проблеме определения «худших» участков, произвольно относя к ним тот или иной земельный массив. Однако в целом большинство исследователей сходятся во мнении, что:

- «худший» участок находится в хозяйственном обороте;
- продукция, произведенная с использованием именно «худшего» участка, приводит в состояние равновесия спрос и предложение;
- при возделывании «худшего» участка земельная рента не образуется.

По мнению автора, эта категория, олицетворяющая собой эталон, результат сравнения с которым определяет экономическую целесообразность использования конкретного земельного участка, является абстракцией, существование которой носит гипотетический характер. Основные причины этого могут быть сведены к следующим.

Во-первых, дословное понимание указанной категории предполагает маргинальность некоторого участка как по плодородию, так и по местоположению, т.е.

$$Q_0 = \frac{\min_{i=0,n} Q_i}{\min_{i=0,n} Q_i} \text{ и } T_0 = \frac{\max_{i=0,n} T_i}{\max_{i=0,n} T_i}, \text{ где} \quad (1)$$

Q_i — стоимость продукции, произведенной с использованием i -го земельного участка;

T_i — величина транспортных издержек, необходимых для доставки на «рынок сбыта» продукта, произведенного на i -м земельном участке.

Однако влияние рентообразующих факторов не всегда оказывается сонаправленным, а при определенных условиях может оказаться даже взаимоисключающим. Поэтому зачастую обнаруживается одновременное отклонение характеристик конкретного земельного участка от параметров «худшего», определенного таким образом, как по плодородию, так и по местоположению. Причем ситуация, когда участок, на котором не образуется ренты вообще, является предельным во всех отношениях, принятых к рассмотрению, представляет собой лишь частный случай, поскольку «плодородие и местоположение, как два различных основания дифференциальной ренты, могут действовать в противоположном направлении». [8, с. 707] Таким образом, при осуществлении количественной оценки отдельных компонентов земельной ренты необходимо использовать в качестве базы сравнения либо параметры различных участков, «предельных» каждый в своем роде, либо параметры «худшего» участка, определенного на основе интегрального критерия, учитывающего влияние всех значимых для образования ренты характеристик. В первом

случае полученные результаты будут заведомо несопоставимы, что приведет к невозможности корректной оценки совокупной ренты. Во втором — очевидное усложнение процедуры поиска «предельных» условий в конечном счете приведет к «вырождению» задачи, поскольку результаты ее решения должны представлять собой данные, необходимые для ее постановки.

Более того, следствием разнонаправленности влияния различий между земельными участками по плодородию и местоположению при определенных обстоятельствах может стать их ротация по величине образующейся ренты. В частности, если «худший» участок не является таковым во всех отношениях, то подобный его статус зависит от значимости факторов дифференциации земель. При этом вопрос о приоритетности факторов в процессе формирования земельной ренты не имеет однозначного ответа. Соответственно существенное изменение в этом аспекте, вызванное непропорциональной динамикой цен на сельскохозяйственную продукцию или транспортных издержек, может привести к установлению в качестве регулирующих характеристик другого участка.

В этой связи для определения регулирующих условий аграрного производства необходимо обратиться к результатам соответствующего использования земельных ресурсов. В таком случае параметры «худшего» участка могут быть установлены на основе соответствия следующему условию:

$$Q_0 - T_0 = \frac{\min_{i=0,n}}{i} (Q_i - T_i) \quad (2)$$

Но при этом не учитываются расхождения в уровне интенсивности и эффективности возделывания конкретных участков. Более того условие подобного рода очевидным образом предполагает целесообразность аграрного использования всех имеющихся земельных ресурсов.

Во-вторых, очевидна относительность понятия предельных земель: учитывая нестабильный характер результатов аграрного производства в физическом выражении, маргинальность конкретного земельного участка не может рассматриваться как постоянная его характеристика. Еще в большей степени это относится к экономической оценке итогов хозяйственной деятельности, лежащей в основе определения земельной ренты. В частности плодородие конкретного участка может быть изменено в результате хозяйственной деятельности, причем эти изменения не всегда носят позитивный характер. А что касается второй компоненты неоднородности земли, то «прогресс общественного производства, с одной стороны, действует нивелирующим образом на местоположение, а с другой — усиливает различия в местоположении земельных участков» [8, с. 708]. В конечном счете, по мере развития сельскохозяйственного производства оценка земель различных категорий может изменяться неравномерно и место худших могут занять земли другой категории. Так, например, И.Н. Тогоев отмечал, что если в 1913 г. к худшим землям можно было отнести участки с урожайностью зерновых до 5 ц с 1 га, то в конце 60-х — до 10 ц, причем аналогичная ситуация наблюдается и по другим сельскохозяйственным культурам. [2, с. 71] Подобного рода вариация имеет место не только в динамическом, но и в пространственном аспекте. Так, Дж. Ст. Миль считал необходимым учитывать различия между землепользователями, не связанные с естественными условиями производства, поскольку в зависимости от формы использования земельного участка он может либо обеспечивать ренту, либо, наоборот, потребует издержек, исключая этот доход. Помимо этого экономические районы с худшими условиями производства по отдельным культурам не совпадают: те участки, которые предельны с точки зрения спроса на зерно, могут оказаться далеко не предельными, скажем, для выращивания технических культур.

В-третьих, динамика спроса и предложения на продукцию земледелия может привести к существенным колебаниям объективно необходимых для сельскохозяйственного производства посевных площадей. При этом «самые неблагоприятные условия» должны определяться в соответствии с необходимостью производства требуемого количества продукта. Вследствие подвижности спроса на сельскохозяйственную продукцию предельные земли могут перемещаться с участков с более высоким плодородием на участки с меньшим плодородием при расширении спроса и наоборот — при его сокращении. В последнем случае это приведет к отклонению цены в сторону издержек производства на землях, качественно возрастающих по плодородию или менее удаленных от рынков сбыта. Однако специфика сельскохозяйственного производства предполагает наличие продолжительного временного лага между принятием решения о возделывании конкретного земельного участка и формированием экономической конъюнктуры, позволяющей оценить правильность этого решения. В результате в сельскохозяйственный оборот могут оказаться вовлеченными избыточные земельные ресурсы, худшие из которых по качественным характеристикам в статической модели уже нельзя будет рассматривать как регулирующие. По мнению И.Н. Буздалова, в такой ситуации общая масса ренты уменьшится, причем на абсолютно худших землях будет возникать отрицательная величина ренты, что может привести в ближайшей перспективе к временному выводу таких земель из хозяйственного оборота. [1, с. 178] В этой связи, по мнению В.Н. Герасимович и А.А. Голуб, вопрос о том, какие категории земли следует считать наихудшими, правомерен только в рамках конкретного оптимального плана. [3, с. 64, 78]

В-четвертых, при определении «худших» условий производства речь, как правило, идет не о каком-то конкретном земельном участке из используемых в аграрном секторе, а о крупных их массивах, результаты

возделывания которых способны оказать регулирующее действие на уровень рыночных цен. Учитывая, что сельское хозяйство традиционно рассматривается в качестве иллюстрации конкурентного рынка, такая интерпретация предполагает глобальный характер рентных расчетов. В противном случае всегда будет существовать вероятность того, что земельные ресурсы, по своим качественным характеристикам относящиеся к предельным, окажутся за пределами исследуемой совокупности. Соответственно полученная при таких обстоятельствах оценка земельной ренты не будет исчерпывающей. В этой связи И.Б. Загайтов предположил, что предельное значение «худших» участков на небольшом интервале может быть установлено на основе статистико-математического анализа зависимостей между индексом цен и индексом объема производства. [5, с. 167] Однако такая методика представляется практически нереализуемой по причине отсутствия необходимого статистического материала.

Таким образом, определение худших земельных ресурсов, результаты возделывания которых могут быть использованы как единая база сравнения при оценке ренты, на основе выявления из фактически возделываемых возможно только при введении ряда существенных допущений субъективного характера либо на стадии практической реализации, либо при интерпретации полученных результатов. Вместе с тем «худший» участок в идеале должен быть четко идентифицируемым и универсальным. В противном случае его выбор будет зависеть от уровня пространственной агрегации и может спровоцировать возникновение ряда обусловленных этим моментом рент. Следовательно, категория предельных условий должна иметь четкое экономическое содержание. В этой связи полагаем, что решение проблемы регулирующих условий сельскохозяйственного производства находится в плоскости установления объективного критерия их идентификации. В таком случае параметры регулирующих условий, во-первых, будут носить моментный характер, т.е. соответствовать конкретной рыночной конъюнктуре, а во-вторых, будут независимыми от ограничений, накладываемых масштабом изысканий.

В свое время К. Марксом постулировано, что в качестве регулирующей выступает цена продукта, произведенного в самых неблагоприятных из необходимых условиях, которая позволяет землепользователю возместить все издержки, осуществленные при производстве на наихудшем земельном участке, и получить нормальную прибыль. [8, с. 716] Однако даже сторонники приведенной точки зрения вынуждены констатировать, что на практике в определенной экономической ситуации на агропродовольственном рынке при реальном соотношении спроса и предложения на продукцию рыночные цены могут отклоняться в сторону издержек на лучших землях, в том числе средних. Причем в подвижных условиях общей рыночной ситуации соответствие цены на сельскохозяйственные продукты их стоимости на худших землях можно расценивать как исключение. И хотя это противоречие не рассматривается ими как нарушение «закона дифференциальной ренты», следует признать, что на уровне отдельных землепользователей именно сложившаяся рыночная цена определяет «худшие» условия производства, а не наоборот. Соответственно «худшим» участком следует признать тот, цена произведенной на котором продукции окажется равной полным затратам на ее производство, включая нормальную прибыль.

При этом рыночная цена все время стремится к такому уровню, при котором сельхозпроизводители возмещают свои полные конкурентные издержки, включающие альтернативные издержки. Так, по мнению Дж.Б. Кларка, в статическом состоянии все вещи тяготеют, в конечном счете, к тому, чтобы быть проданными за столько, сколько они стоили предпринимателю. По общему правилу равновесие конкурентной отрасли в длительном периоде характеризуется отсутствием экономических прибылей. В частности, если цена в длительном периоде опускается ниже этого критического уровня, фирмы покидают отрасль до тех пор, пока цена не станет снова равной долгосрочным средним издержкам. При обратной ситуации в отрасли начинают вступать новые фирмы, что приводит к снижению рыночной цены до уровня долгосрочного равновесия, при котором лишь покрываются общие издержки. Представляется, что в сельском хозяйстве такого рода коррекция происходит не только за счет изменения числа производителей, но и посредством размеров используемых при этом земельных ресурсов. Таким образом, можно говорить о нулевой предпринимательской прибыли в статических условиях.

В этой связи М. Трейси предложил рассматривать в качестве предельных земли, не приносящие избыточного продукта, т.е. такие, которые при данном соотношении цен и затрат возмещают только затраты на возделывание. [12, с. 33] Соглашаясь в целом с автором этого определения, полагаем, что оно требует дополнения. В конечном счете регулируемыми являются земельные ресурсы, стоимость произведенной с использованием которых продукции при среднем уровне интенсивности и эффективности равна величине затрат, т.е.

$$\tilde{O}_0 - \tilde{T}_0 - \bar{u}, \text{ где} \quad (3)$$

$\bar{u}$ — среднее значение совокупных издержек производства на единицу площади, рассматриваемое в качестве характеристики «нормального» уровня интенсивности возделывания рассматриваемой совокупности земельных участков;

$\tilde{O}_0$ — стоимость продукции, произведенной с использованием «худшего» земельного участка при «нормальных» интенсивности и эффективности возделывания, т.е. $\tilde{O}_0 = f_1 0 (\bar{u})$;

$\tilde{T}_0$ — величина транспортных издержек, необходимых для доставки на «рынок сбыта» продукции, произведенной на «худшем» земельном участке при «нормальных» интенсивности и эффективности возделывания, т.е.

$$\tilde{T}_0 = T_0 \times \frac{\tilde{Q}_0}{Q_0}.$$

ЛИТЕРАТУРА

1. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. М.: Academia, 2005.
2. Вопросы методологии и методики исчисления дифференциальной ренты в связи с экономической оценкой земли. М.: ИЭ АН СССР, ЦЭМИ АН СССР, 1972.
3. Герасимович В.Н. Методология экономической оценки природных ресурсов. М.: Наука, 1988.
4. Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причин упадка промышленности и увеличения бедности, растущей вместе с увеличением богатства. СПб.: Издание кн. маг. М.М. Ледерле, 1907.
5. Загайтов И.Б. Законы земельной ренты в условиях интенсификации земледелия. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1985.
6. Карнаухова Е.С. Дифференциальная рента и экономическая оценка земли. М.: Экономика, 1977.
7. Кудинов В.И., Корнеев А.Ф., Капионов А.А. Методика расчета земельной ренты // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1995. № 7.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2. М.: Политиздат, 1986.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, Универс, 1993.
10. Мецеров В.А. Современные рентные отношения: теория, методология и практика хозяйствования. М.: Экономические науки, 2006.
11. Природные ресурсы — национальное богатство России / Сост. В.П. Зволинский, Н.В. Кузнецова, О.А. Титова. М., 2000.
12. Трейси М. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран. Введение в теорию, практику и политику. СПб.: Экономическая школа, 1995.

НОВЫЕ ГРАНИ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ ТЕОРИИ

БЕЛОБРОВЫЙ П.В.

аспирант,
Институт проблем точной механики и управления РАН,
e-mail: pliverpoolb@yandex.ru

Представлено применение алгоритмических методов причинно-следственной теории для выявления новых и усовершенствования существующих положений теории принятия управленческих решений таких, как комплексность рассмотрения проблемы, совершенствование стратегии принятия решений, минимизация рисков принятия неверного решения для функционирования фондовой биржи. Основой модели является причинно-следственный комплекс, построенный как композиция элементарных причинно-следственных звеньев, имеющих новую, отличную от традиционной структуру.

Ключевые слова: алгоритмические методы; причинно-следственный комплекс; принятие управленческих решений; модель; звенья; классификация; группировка аварийных ситуаций.

Application of algorithmic methods of the cause and effect theory for revealing new and improvements of existing positions of the theory of acceptance of administrative decisions such, as integrated approach of consideration of a problem, perfection of strategy of decision-making, minimization of risks of acceptance of the incorrect decision for stock exchange functioning is presented. Model basis is the cause and effect complex constructed as a composition of elementary cause and effect links, having new, distinct from traditional structure.

Keywords: algorithmic methods; a cause and effect complex; acceptance of administrative decisions; model; links; classification; grouping emergency situations.

Коды классификатора JEL: M11, M51, M54.

Управленческое решение на предприятии представляет собой творческий акт субъекта управления (индивидуального или группового лица), определяющий программу деятельности коллектива по эффективному разрешению назревшей проблемы на основе знания объективных законов функционирования управляемой системы и анализа информации о ее состоянии.

В большинстве имеющихся работ по управленческим решениям говорится, что момент выбора находится в пределах комбинированного процесса принятия решений. Согласно этой точке зрения, управленческое решение происходит из ряда функций, которые взаимосвязаны и все вместе образуют сам процесс принятия решений [5, 6, 12, 19].

Управленческие решения — это выбор, который должен сделать руководитель (группа руководителей), чтобы выполнить обязанности, обусловленные занимаемой им должностью. Глобальной целью разработки и принятия любого управленческого решения является обеспечение реализуемого и наиболее эффективного варианта движения к поставленным перед организацией целям.

Важнейшие требования к управленческим решениям:

- 1) реализуемость;
- 2) эффективность;
- 3) оптимальность.

Данные требования лежат в основе любых управленческих решений вне зависимости от объекта управления.

В процессе управления фондовой биржей непрерывно возникают ситуации, когда руководители различных уровней сталкиваются с необходимостью выбора какого-либо одного из нескольких возможных вариантов действий. Выработка и принятие решения — узловая процедура в деятельности руководителя,

которая определяет весь дальнейший ход процесса управления, в особенности конечный результат управленческой деятельности. Для возникновения необходимости принять управленческое решение, нужен сигнал о внешнем или внутреннем воздействии, вызвавшем или способном вызвать дефектное состояние системы. Одним из важнейших условий принятия правильного решения является детальный анализ ситуации [2, 3, 5, 19].

Анализ управленческой ситуации требует сбора и обработки информации. Этот этап выполняет функцию восприятия организацией внешней и внутренней среды. Данные о состоянии основных факторов внешней среды и положении дел на фондовой бирже поступают к менеджерам и специалистам, которые классифицируют, анализируют информацию и сравнивают реальные значения контролируемых параметров с запланированными или прогнозируемыми, что в свою очередь позволяет им выявить проблемы, которые следует решать [6, 8, 9, 12, 13].

Авторский подход к анализу категории фондовая биржа рассматривается как специфическая производственная система с четко выраженными разнородными технологическими процессами, для которой конечным продуктом является получение дивидендов, прибыли, необходимого пакета акций.

Основой модели является причинно-следственный комплекс, построенный как композиция элементарных причинно-следственных звеньев, имеющих новую, отличную от традиционной структуру: группу причины, состоящую из причины и условия реализации причинно-следственной связи, и группу следствия, образованную следствием и условием после реализации связи [1, 16, 17].

Теоретический стержень авторского подхода базируется на утверждении, что для причинно-следственного комплекса фондовой биржи необходимо выделить следующие компоненты:

- команда — инструкция, распоряжение для выполнения цели;
- исполнитель — специалист, действующее лицо, исполняющий команду;
- оборудование — техническое устройство, механизм, при помощи которого реализуется команда исполнителем;
- энергообеспечение — потраченные ресурсы для выполнения команды исполнителем;
- финансы — материально-финансовая компонента, деньги, потраченные на выполнение команды исполнителем при помощи оборудования и с затратой энергоресурсов.

Выбор этих компонент определяется рассмотрением как технологических так и экономических процессов и операций, а также вхождением таких ингредиентов в набор, достаточный для иллюстрации причинно-следственного комплекса фондовой биржи. Для каждого из пяти компонент разработан универсум (база данных), элементы которых внутри каждого типа компонента являются однородными. Использование многокомпонентного подхода является одним из ключевых моментов исследования.

Первый шаг на пути решения проблемы — ее определение или диагностирование. Верное определение проблемы является инициальным шагом в ее решении. Таким образом, процесс диагностирования дефекта является основой для управленческого решения по предотвращению появления дефектов и возникновения аварийных ситуаций.

Далее следует описание выявленных дефектов:

$I_n = \{I_1, \dots, I_{47}\}$ — множество дефектов

Таблица 1

Описание выявленных дефектов

I_n	Описание
I_1	несвоевременность аналитической информации
I_2	неполнота, аналитической информации
...	...
I_{47}	временное приостановление торгов по экономическим причинам

Обоснованность принятия управленческих решений по администрированию работы фондовой площадки основывается на результатах диагностирования, в ходе которого устанавливается дефектный элемент причинно-следственного комплекса. Дефектный элемент определяется набором характеризующих его дефектов.

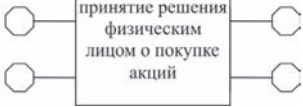
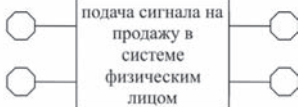
Согласно авторскому подходу каждый различный элемент причинно-следственного комплекса характеризуется уникальным набором дефектов, классифицируемых по пяти основным компонентам.

В таблице 2 представлены наборы дефектов, присущие каждому элементу причинно-следственного комплекса:

$I_1, I_2, I_3, \dots, I_n$ — выявленные дефекты причинно-следственного комплекса (см. таблица 1).

Таблица 2

Наборы дефектов, присущие каждому элементу причинно-следственного комплекса

1		$a_1: I_{1^*} I_{2^*} I_3$ $a_2: I_{28}$ $a_3: I_{31}$ $a_4: I_{38^*} I_{39}$ $a_5: I_{40^*} I_{41}$
2		$a_1: I_{4^*} I_{5^*} I_6$ $a_2: I_{29}$ $a_3: I_{32}$ $a_4: I_{38^*} I_{39}$ $a_5: I_{42}$
...	...	...
28		$a_1: I_{7^*} I_{8^*} I_9$ $a_2: I_{28}$ $a_3: I_{33}$ $a_4: I_{38^*} I_{39}$ $a_5: I_{43}$

В работе элементы объединены в общую схему функционирования. Соединения формируют цепочки, которые определяют стратегии поведения Исполнителей.

Новым аспектом представленного исследования является разработка классификации и последующая группировка аварийных ситуаций, возникающих в процессе функционирования фондовой биржи. Отличительные критерии предложенной классификации заключаются в анализе базы аварийных и предаварийных дефектов на основе функционального признака, с учетом своевременности и обоснованности принятия управленческих решений.

Применение алгоритмических методов причинно-следственной теории открыло новые и усовершенствовало существующие грани теории принятия управленческих решений таких, как комплексность рассмотрения проблемы, совершенствование стратегии принятия решений, минимизация рисков принятия неверного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейль Г. Математическое мышление. Наука, М., 1989.
2. Джонсон С. «Да» или «Нет». Система принятия верных решений. СПб., 1997.
3. Зайцев Д. Бурный и трудный рост // Журнал для акционеров. 1995. № 3. С. 23–26.
4. Злобина Н.В. Управленческие решения: учебное пособие для вузов. ГТТУ, 2007.
5. Кини Р.Л., Райфа Х. Принятие решений при многих критериях: предпочтения и замещения // Пер. с англ. М., 1981.
6. Классики менеджмента // Под ред. Ю.Н. Каптуревского, СПб.: ИД «Питер», 2001.
7. Кольцова Н. Информационное обеспечение // Журнал для акционеров. 1995. № 4. С. 33–36.
8. Кольцова Н. Фондовые индексы АК&М // Рынок ценных бумаг. 1995. № 10. С. 40–43.
9. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: Учеб. пособие для вузов // Т.В. Корнилова. М.: Аспект Пресс, 2003.
10. Ларичев О.И., Мошкович Е.М. Качественные методы принятия решений. М., 1996.
11. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений. М., 2000.
12. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1995.
13. Миркин Я.М. Ценные бумаги и фондовый рынок. М.: Перспектива, 1995.
14. Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 // Фонд экономической инициативы. М.: Таурус Альфа, 1997.
15. Пью Д.С., Хиксон Д.-Дж. Исследователи об организациях: Хрестоматия. М.: ЛИНК, 1999 // Интернет ресурс: <http://mguri-do-1.ucoz.ru>.
16. Резчиков А.Ф., Твердохлебов В.А. Причинно-следственные комплексы в алгебраической и геометрической формах // Проблемы и перспективы прецизионной механики и управления в машиностроении: материалы Междунар. конф. Саратов: [Изд. СГТУ], 2006. С. 3–17.
17. Резчиков А.Ф., Твердохлебов В.А. Причинно-следственные комплексы как модели процессов в сложных системах // Мехатроника, автоматизация, управление, 2007. № 7. С. 2–8.
18. Российский фондовый рынок: Законы, комментарии, рекомендации // Под ред. А.А. Козлова. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1994.
19. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. М., 2000.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

КОБЛЕВ Р.М.

аспирант,

Академия повышения квалификации руководящих работников
и специалистов курортного дела, спорта и туризма, г. Сочи,

e-mail: apk@sochi.com

В работе раскрывается взаимосвязь между управлением конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг и изменением конкурентоспособности всей санаторно-курортной организации.

Ключевые слова: конкурентные преимущества; управление конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг; повышение качества; конкурентоспособность санаторно-оздоровительной организации; санаторно-оздоровительные услуги.

The interrelation between sanatoriums and resort business service's management and the modification of its competitiveness.

Keywords: competitive advantages; competitive advantages of the services in sanatoriums and resort business; improvement of quality; competitiveness of sanatoriums and resort business; services in sanatoriums and resort business.

Коды классификатора JEL: I83.

За последние годы на рынке санаторно-оздоровительных услуг произошли большие изменения качественного и количественного содержания, связанные с внедрением и использованием новых инновационных технологий, развитием конкурентных отношений на внутреннем рынке, усилением конкуренции со стороны зарубежных курортов и др.

Значительные объемы инвестиционных вложений со стороны государства и частного бизнеса в ряде регионов страны, в частности в Краснодарском крае, повысили привлекательность здравниц, в системе управления которых важное место занимает оценка и развитие конкурентоспособности санаторно-оздоровительных услуг.

Осуществляя свою деятельность в условиях жесткой конкуренции, каждая из санаторно-курортных организаций стремится получить более выгодные позиции, чем у конкурентов, за счет более качественного удовлетворения совокупных потребностей пациентов. Для выполнения этой цели здравницам Краснодарского края необходимо четко сформулировать задачи и стратегии собственного развития, оценить свои возможности и внешние угрозы, сильные и слабые стороны, связи с внешней средой и выявить конкурентные преимущества перед другими организациями-конкурентами; ведь именно из совокупности собственных конкурентных преимуществ перед другими организациями, осуществляющими свою деятельность в сегменте санаторно-оздоровительных услуг, и складывается конкурентоспособность конкретной санаторно-курортной организации [2]. В роли одного из факторов, непосредственно воздействующих на конкурентоспособность санаторно-курортной организации, выступают оказываемые ею санаторно-оздоровительные услуги. Из этого следует, что, управляя конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг, можно напрямую воздействовать на изменение конкурентоспособности санаторно-курортной организации в целом [4].

Конкурентные преимущества санаторно-курортной организации представляют собой ее отличительные особенности — специфику услуг в глазах клиентов и положение на рынке, позволяющее преодолевать противодействие конкурентов и привлекать потенциальных клиентов.

Изучение конкурентных преимуществ имеет большое значение для управления санаторно-курортной организацией, так как ее развитие непосредственно связано с конкуренцией и противостоянием на рынке

другим учреждениям, осуществляющим аналогичные виды деятельности. Конкурентные преимущества должны обеспечивать уникальность торговой марки и удовлетворять потребности клиента в большей степени, чем это могут сделать конкуренты.

Знание возможностей санаторно-курортной организации и источников конкурентного воздействия на рынок позволяют выявлять направления, в которых она может пойти на открытую конфронтацию с конкурентами либо избежать ее. Из этого следует, что для успешного продвижения на рынке санаторно-оздоровительная услуга должна обладать специфическими особенностями, вытекающими из требований рынка, которые могут дать предлагающей ее организации преимущества перед конкурентами. Предложение санитарно-оздоровительной услуги должно быть значимым для потребителей и одновременно с этим базироваться на уникальности технологии ее оказания. Так, например, потенциал санаторно-курортного комплекса Краснодарского края реализуется за счет создания на его территории особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Развитие санаторно-курортного комплекса в крае возможно только при комплексном использовании всего имеющегося лечебно-рекреационного потенциала: гидроминеральной базы, пляжей, туристских ресурсов и др. Стратегической целью является формирование конкурентоспособного круглогодичного туристического предложения и доведение уровня санаторно-курортных организаций до международных стандартов и обеспечение высоких темпов устойчивого экономического роста санаторно-курортного комплекса края в целом.

Соперничество среди существующих конкурентов часто сводится к стремлению всеми средствами добиться выгодного положения в сегменте рынка санаторно-оздоровительных услуг. При этом санаторно-курортные организации Краснодарского края используют тактику ценовой конкуренции и продвижения санаторно-оздоровительной услуги на рынок при помощи развитой сети реализации путевок.

Задачи маркетологов санаторно-курортных организаций, работающих в области управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг, сводятся к следующим:

- 1) анализ, сбор и обоснование данных по изучению конкурентных преимуществ санаторно-оздоровительных услуг;
- 2) работа над исправлением слабых сторон услуг;
- 3) работа над созданием новых конкурентных преимуществ;
- 4) формирование цели функционирования и развития санаторно-оздоровительной услуги.

Так, благодаря непрерывающейся деятельности здравниц Краснодарского края по управлению конкурентными преимуществами оказываемых ими услуг, в условиях кризиса санаторно-курортным организациям удалось принять в 2008 г. более 16 млн туристов, что превысило показатель 2007 г. на 14%. В 2009 г. значение данного показателя составило 12 млн туристов. В летний оздоровительный сезон 2009 г. гостей принимали более 1500 предприятий санаторно-курортного и гостиничного комплекса. Это 220 санаториев и пансионатов с лечением, почти 180 детских оздоровительных лагерей, 123 пансионата, около 570 гостиниц и гостевых домов, 440 баз отдыха [6].

Нельзя забывать, что конкурентные преимущества не являются вечными: они завоевываются и удерживаются только при постоянном совершенствовании всех сфер деятельности, что является трудоемким и, как правило, дорогостоящим процессом, требующим систематических вливаний капитала.

Источники конкурентных преимуществ многообразны, тем не менее, они чаще всего основаны:

- 1) на лучшем выполнении схожих видов деятельности, чем у конкурентов. Это касается оптимизации часов работы, повышения качества и скорости обслуживания, извлечения преимуществ и т.д.;
- 2) на осуществлении деятельности путями, отличными от тех, которыми пользуются конкуренты. Стратегическое позиционирование основано на преимуществе, недостижимом для конкурентов. Это может быть уникальность услуги, имидж торговой марки, технологическое лидерство, уникальная комбинация видов деятельности и т.д.

Средствами защиты конкурентных преимуществ могут быть:

- 1) монополизация сегмента рынка оказываемых санаторно-оздоровительных услуг;
- 2) патенты и ноу-хау;
- 3) доступ к источникам сырья или коммуникациям (грязевым и минеральным источникам) и т. д.

Направления по достижению конкурентных преимуществ в санаторно-курортной сфере являются теми же, что и на рынке товаров и услуг:

- 1) минимизация издержек в процессе оказания санаторно-оздоровительных услуг;
- 2) дифференциация санаторно-оздоровительных услуг по лечению и профилактике конкретных болезней;
- 3) фокусирование деятельности на оказании узкого спектра санаторно-оздоровительных услуг;
- 4) выход на рынок с новой санаторно-оздоровительной услугой.

Следует отметить, что конкурентные преимущества санаторно-курортной организации в отрасли также определяются и широтой целевого рынка. В связи с этим, прежде, чем воспользоваться какой бы то ни было стратегией развития, санаторно-курортная организация должна:

- 1) определить перечень санаторно-оздоровительных услуг, которые она будет оказывать своим клиентам, а также самих потенциальных клиентов;
- 2) определить источники распространения информации о себе и каналы реализации ее санаторно-курортных путевок;
- 3) определить непосредственных конкурентов, их сильные и слабые стороны.

Управление конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительной услуги осуществляется по общим функциям управления:

- 1) выработка стратегии;
- 2) планирование процессов;
- 3) организация процессов;
- 4) учет и контроль.

Далее необходимо более подробно остановиться на каждой из них.

На стадии выработки стратегии развития санаторно-курортной организации службой маркетинга тщательно изучаются потребности клиентов и потенциально востребованные санаторно-оздоровительные услуги, разрабатываются нормативы, обеспечивающие удержание имеющегося конкурентного преимущества санаторно-оздоровительной услуги, либо происходит образование новых [7].

Маркетологи, занимающиеся реализацией стратегии качества санаторно-оздоровительных услуг, являющегося средством стратегического позиционирования фирмы, должны понимать, что за счет грамотного управления им, они могут превысить значение данного параметра конкурентов и тем самым перевести его в разряд значимого конкурентного преимущества санаторно-оздоровительной услуги своей организации. В динамичной рыночной среде, где каждый конкурент стремится достичь наивысшего уровня и обслуживать меняющиеся потребности клиентов, маркетологи, ответственные за управление качеством, должны брать на вооружение инновационные стратегии управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг, основанные на принципах значимости для потребителей, соответствия проектным требованиям и постоянного совершенствования санаторно-оздоровительных услуг, что и будет являться залогом обеспечения конкурентоспособности здравниц курортов края [8].

Несомненным остается тот факт, что наибольшее число клиентов воспользуется услугами той санаторно-курортной организации, в которой соотношение цены и качества услуг окажется наиболее оптимальным. Для того, чтобы оценить влияние качества на объем оказываемых санаторно-курортным учреждением услуг, надо рассмотреть отношение собственных клиентов организации к качеству оказываемых ею санаторно-оздоровительных услуг. Очевидно, что, если клиент доволен качеством оказания ему услуг, — вероятность продолжения пользования им предлагаемыми здравницей услугами выше, чем в случае, если он останется недоволен.

Кроме этого, возможно, что отдыхающий, удовлетворенный качеством оказанных ему санаторно-оздоровительных услуг, станет рассказывать об этом людям из своего окружения. А это, в свою очередь, является одним из наиболее эффективных способов распространения информации. Так, в 2010 г., по состоянию на 15 ноября, на курортах Краснодарского края отдохнуло около 16 млн туристов. В тройке лидеров санаторно-курортные и туристические организации Сочи, Анапы и Геленджика. В Сочи отдохнуло около 4,5 млн туристов (в 2009 г. — 4,4 млн), в Анапе — почти 3,5 млн чел. (в 2009 г. — 3,3 млн). Немного отстает Геленджик — чуть больше 3 млн туристов (в 2009 г. — 2,8 млн). Что касается других курортов края, то в этом году Туапсинский район посетило около 1,5 млн чел. (в 2009 г. — 1,4 млн), Темрюкский район — почти 1,3 млн туристов (в 2009 г. — 1,2 млн), Ейский район — больше 400 тыс. чел. (в 2009 г. столько же). В Горячем Ключе к этому времени отдохнуло около 80 тыс. туристов (в 2009 г. — 53,5 тыс. чел.) [3].

Проведение тщательного исследования удовлетворенности потребителей позволяет не только получить интересующую информацию о сильных и слабых сторонах собственной компании и конкурентов, но также предсказать будущую квоту рынка санаторно-курортных услуг и оценить доходность инвестиций в повышение качества оказываемых санаторно-оздоровительных услуг. А поскольку центральной фигурой рынка услуг является турист, то все элементы конкурентоспособности должны позитивно восприниматься именно им [1].

На стадии планирования процессов управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг происходит разработка конкретных программ и стратегических планов удовлетворения потребностей пациентов с использованием конкурентных преимуществ санаторно-оздоровительных услуг, обоснованных на стадии стратегического маркетинга.

Санаторно-курортные организации должны разрабатывать процессы управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг, сформировать перечень оказываемых услуг, определить курс лечения пациентов, планировать приобретение соответствующего оборудования, определить штаты и источники финансирования, способные осуществить поставленные задачи и т.д. Планирование должно предусматривать решение вопросов в санаторно-курортной организации в целом для возможности получения гарантированных санаторно-оздоровительных услуг конкретным пациентом.

Повышение конкурентоспособности санаторно-оздоровительных услуг требует постоянной реорганизации и развития в связи с появлением новых подходов, критериев к оказанию конкретных санаторно-оздоровительных услуг, новых достижений в науке, новых методов диагностики и лечения и постоянно меняющимися пожеланиями пациентов. При предоставлении санаторно-оздоровительных услуг санаторно-курортная организация должна гарантировать соответствие заявленным планам лечения и стандартам, требованиям или процедурам и соответствующим критериям аккредитации медицинской организации. Помещения должны содержаться в порядке, чистоте и ремонтироваться в соответствии с требованиями. Решение этих вопросов в санаторно-курортных организациях Краснодарского края помогут облегчить стандартизация оказываемых санаторно-оздоровительных услуг, разработка нормативов обслуживания и выработка алгоритмов их применения [9].

В конкретном выражении организация процесса управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг проявляется в распределении работ по этапам, установлении последовательности и временной протяженности их выполнения, обеспечении тех или иных звеньев системы управления информацией о проведении этих работ. С целью рациональной организации потоков документирования информации их необходимо регламентировать, указывая при этом конкретного получателя, отправителя и номенклатуру документов. В принципе, схема документированных связей должна соответствовать структуре органа управления и его внешним связям. Организация процесса управления должна строиться на основе его предварительного проектирования, базирующемся на глубоком и всестороннем анализе всех условий и особенностей управления конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг.

Особое место в управлении конкурентными преимуществами санаторно-оздоровительных услуг занимает контроль качества их оказания. Именно на стадии контроля, выступающего в качестве одного из эффективных средств управления и регулирования, проводится работы по соблюдению нормативов в процессе создания условий для оказания санаторно-оздоровительных услуг и их последующего оказания. От степени совершенства контроля качества санаторно-оздоровительных услуг, его технического оснащения и организации во многом зависит конкурентоспособность деятельности санаторно-курортного учреждения [5].

Именно в процессе контроля осуществляется сопоставление фактически достигнутых результатов деятельности санаторно-курортной организации с запланированными. Контролировать можно цели, ход выполнения плана, прогнозы и развитие самого процесса оказания услуг и управление их конкурентными преимуществами.

Контроль процессов, необходимых для оказания санаторно-оздоровительной услуги, должен пройти следующие стадии:

- 1) определение того, насколько объемлющим будет контроль: проверка всех процессов, нескольких или одного;
- 2) определение цели контроля;
- 3) определение значений объектов проверки;
- 4) сравнение полученных результатов с требуемыми и определение несоответствий;
- 5) выработка решения по результатам проверки;
- 6) документирование решения;
- 7) метапроверка;
- 8) сообщение решения — отчет в устной или письменной форме;
- 9) оценка решения — анализ отклонений от нормы, выявление причин, установление ответственных, исследование возможностей исправления несоответствий, меры по устранению недостатков.

Подводя итоги, следует признать, что уровень сервиса в санаторно-курортных организациях Краснодарского края все еще далек от мировых стандартов, необходимо продолжать проводить работы по качественному улучшению инфраструктуры здравниц края в соответствие с новыми требованиями, нормами и техническими условиями. Завоевание и сохранение конкурентных преимуществ является, как известно, ключевой функцией управления предприятием. Особенно важно добиться конкурентных преимуществ на насыщенных рынках, где спрос удовлетворяется многими поставщиками. Все это приведет к повышению качества обслуживания рекреантов в здравницах Краснодарского края и в самой отрасли в целом. Для усовершенствования деятельности учреждений санаторно-курортной сферы необходимо точно определять и формулировать стратегии и цели, выявлять и максимально эффективно использовать имеющиеся возможности по управлению их конкурентными преимуществами. И даже несмотря на то, что к концу года большинство санаторно-курортных организаций края получают прибыль, рост их загрузки в межсезонье позволил бы значительно увеличить эффективность их деятельности. Так, переход здравниц Краснодарского края от сезонного к круглогодичному периоду функционирования стал бы для них одним из основных конкурентных преимуществ перед остальными организациями отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараненко С. П., Шеметов, В.В. Стратегическая устойчивость предприятия. М.: Центрполиграф, 2004. С. 56.
2. Гапоненко А.Л. Стратегическое управление. М: Омега-Л, 2004. С. 93–107.
3. Ладожский С. Первый «блин» Евгения Кудели // Новая газета Кубани, 2010. № 91. С. 2–3.
4. Океанова З.К. Маркетинг: учебное пособие. М.: Проспект, 2007.
5. Ребрин Ю.И. Управление качеством: учебное пособие. Таганрог: ТРТУ, 2004.
6. Интернет журнал деловой информации // <http://www.delinform.ru/article.php?numn=1849>.
7. Инновации в менеджменте // http://www.innovationsinmanagement.ru/?Formirovanie__portfelei_novshestv_i_innovacii:Upravlenie_konkurentnymi_preimushestvami.
8. KlubOK.net — управление качеством // <http://www.klubok.net/article607.html>.
9. <http://www.new-quality.ru/publ/hypertonyatreatment.pdf>.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

ШАРАЕВА Е.О.

аспирантка,

Дагестанский государственный университет,

367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а

В статье рассматриваются цели, основные принципы, а также условия успешного осуществления государственной региональной экономической политики в преддверии модернизации национальной экономики России.

Ключевые слова: национальная экономика; экономика регионов; цели региональной политики; основные принципы реализации региональной политики.

The article examines goals, main principles, as far as conditions of successive realization of state regional economic policy as a prelude for modernization of the Russian national economy.

Keywords: national economy; economy of the Russian regions; goals of state regional policy; main principles of realization of state regional policy.

Коды классификатора JEL: R58.

В преддверии модернизации российской экономики значение региональной политики становится все более важным. Это связано, с одной стороны, с продолжающейся социальной дифференциацией и поляризацией общества, с другой — с возрастанием роли региональных факторов развития страны.

В основе региональной политики лежат учет специфики места регионов в общероссийской структуре, перенос основных направлений экономических реформ на региональный уровень, всемерная поддержка местного самоуправления и предпринимательства, решение региональных социально-экономических проблем, рациональное использование природных ресурсов.

Для регулирования отношений между федеральным центром и регионами, а также процессов регионального развития в России проводится государственная региональная политика. Она регламентируется «Основными положениями региональной политики в Российской Федерации», утвержденными указом Президента РФ № 803 от 3 июня 1996 г. Под региональной политикой в Российской Федерации понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации.

Государственная региональная политика Российской Федерации осуществляется в целях укрепления государственности, совершенствования федерализма, создания условий для более эффективного и гармоничного развития российских регионов и обеспечения роста благосостояния населения. Основными целями региональной политики в Российской Федерации являются:

- ◆ обеспечение правовых, бюджетно-финансовых, социально-экономических и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого экономического, финансового и правового пространства и обеспечение целостности Российского государства;
- ◆ обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов путем относительного выравнивания условий социально-экономического развития регионов;
- ◆ приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое и геополитическое значение для российской государственности, обеспечение государственной поддержки проблемных регионов и территорий с особыми природно-климатическими, географическими, экономико-финансовыми и национально-культурными условиями;
- ◆ обеспечение гарантий для становления и развития местного самоуправления;
- ◆ предотвращение загрязнения окружающей среды, а также ликвидация последствий ее загрязнения.

Следует подчеркнуть, что важнейшей задачей региональной политики является обеспечение согласования общегосударственных интересов с региональными, а также общественных (в рамках регионов), коллективных и личных интересов людей.

В российских условиях, основываясь на положениях Конституции Российской Федерации и федеральных законах, региональная политика должна базироваться на следующих принципах:

- федерализме, обеспечивающем рациональное сочетание интересов федерации, ее субъектов и территорий местного самоуправления, согласование приоритетов хозяйственной, финансовой, социальной, культурной, этнополитической и научно-технической политики, отношений собственности, использования земельных и других природных ресурсов;
- социально-экономической самостоятельности субъектов федерации;
- развитии форм местного самоуправления;
- демократизации и децентрализации системы управления;
- триединстве уровней управления (федерального, регионального и местного) при сохранении центра, координирующего региональные интересы и интегрирующего их в интересы Российской Федерации;
- верховенстве федеральных законов во всех сферах, отнесенных к исключительной компетенции федерального центра, а также к совместному ведению центра и субъектов Федерации, в регулировании международных экономических и культурных связей;
- становлении национально-культурной автономии, обеспечении прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов. [1]

При наличии общих целей можно выделить и приоритетные цели государственной региональной политики, к которым относятся:

- ❖ укрепление социально-экономических основ Российского государства и сохранение его целостности, военной и экономической безопасности и экологической устойчивости;
- ❖ обеспечение социальных и политических гарантий различным группам населения, согласованности их интересов с социально-экономической политикой государства;
- ❖ формирование в регионах социально ориентированной рыночной экономики, механизмов социальной защиты населения;
- ❖ повышение уровня жизни населения регионов России;
- ❖ создание условий для полноценного национально-культурного развития всех народов Российской Федерации.

Для достижения поставленных целей государственной региональной политики необходимы:

- ◆ разработка мер политического, экономического и правового характера, обеспечивающих самостоятельность регионов, селективную государственную поддержку отдельных регионов и стимулирование их экономической активности;
- ◆ совершенствование действующих и создание новых эффективных механизмов взаимодействия субъектов федерации с федеральными органами власти в финансовой, социальной, культурной и национальной сферах;
- ◆ реальное обеспечение каждому гражданину России гарантированных конституционных прав и свобод, защиту национальных прав личности во всех регионах и в зонах межнациональных конфликтов;
- ◆ реализация федеральных, межрегиональных и региональных программ национального возрождения и развития народов России, национальных меньшинств и этнических групп, живущих в экстремальных природно-климатических условиях;
- ◆ выработка основополагающих принципов социокультурного объединения граждан России и осуществление программ по сплочению всех народов и этнических групп, преодоление национальной замкнутости проявлений национализма, шовинизма и сепаратизма;
- ◆ формирование рациональной пространственной структуры экономики, совершенствование территориального разделения труда, развитие эффективных и конкурентоспособных направлений специализации хозяйства и экономических связей республик и регионов, укрепление единого экономического пространства России;
- ◆ становление региональных и общероссийских рынков товаров, труда и капитала, институциональной и рыночной инфраструктуры;
- ◆ государственная поддержка регионов с наиболее сложными социально-экономическими, этнополитическими, демографическими и экологическими условиями, а также регионов с объективно недостаточным потенциалом;
- ◆ проведение политики социально-экономического развития отдельных регионов России в соответствии с новыми геополитическими реалиями и их ролью в реализации стратегических интересов Российской Федерации;

- ◆ решение специфических проблем крупных и малых городов, депрессивных районов, населенных пунктов при промышленных и добывающих производствах.

Мы видим, что многие перечисленные элементы региональной политики наиболее актуальны для субъектов федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, особенно — для национальных республик в составе округа.

При формировании государственной региональной политики особое внимание следует уделять внешнеэкономической деятельности, которая должна предусматривать:

- четкое разграничение полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами власти субъектов Российской Федерации;
- координацию международных и внешнеэкономических связей регионов с учетом приоритетности общегосударственных интересов;
- государственную поддержку отдельным регионам с целью постепенного выравнивания условий внешнеэкономической деятельности;
- развитие экспортного потенциала, в первую очередь за счет высокотехнологичных товаров, проведение политики импортозамещения;
- поддержку интересов отечественных экспортеров на внешних рынках в целях укрепления их позиций на товарных мировых рынках;
- меры протекционизма в отношении отечественных производителей, не являющих монополистами на внутреннем рынке;
- улучшение инвестиционного климата и создание условий для эффективного привлечения иностранных капиталовложений.

Наконец, особо важно выделить цели региональной политики в социальной сфере. Это обеспечение достойного уровня благосостояния в каждом регионе, создание примерно равных жизненных шансов для всех граждан независимо от места их рождения и жительства, реализация права свободного выбора места проживания и трудовой деятельности [2].

Говоря о сегодняшней ситуации в большей части регионов Юга России, следует согласиться с характеристикой известного российского экономиста В.Н. Овчинникова. Так, по его мнению, Юг России с его богатым природно-климатическим потенциалом в целом остается дотационной территорией с высоким уровнем безработицы и низким жизненным уровнем населения. Он считает, что применявшаяся ранее стратегия экономического развития Юга России не способствовала преодолению симптомов маргинализации регионального социума [3]. В этой связи он предлагает существенно корректировать концепцию и ход реализации Федеральной программы развития Юга России.

Если говорить об улучшении инвестиционного климата, в частности, для эффективного привлечения иностранных капиталовложений, то для интенсификации их притока в экономику российских регионов необходимо изменение структуры самих инвестиционных потоков на основе ресурсно-инновационной модели развития с активным участием государства (развитие высоких технологий добывающих отраслей; модернизация производства; диверсификация уже имеющихся технологий), а также максимальное использование сферы традиционных для данного региона производств и видов деятельности.

Пока же участие иностранных инвестиций в развитии, например, экономик регионов Северо-Кавказского федерального округа почти незаметно. Так, в экономики Республики Ингушетия и Чеченской Республики за более чем десятилетний период иностранные инвестиции вообще не поступали. В экономики остальных национальных республик в составе Северо-Кавказского федерального округа иностранные инвестиции за эти годы поступали незначительно и крайне мало. Некоторое исключение в лучшую сторону представляет лишь Республика Дагестан. Так, по итогам 2010 г. среди всех национальных республик, входящих в состав СКФО, лишь Дагестан привлек иностранные инвестиции в объеме 1,15 млн долл. США. На территорию же Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия — Алания и Чеченской Республики иностранные капиталы не поступали вообще [4].

В числе основных причин такого положения дел в этой сфере, безусловно, является расхожее мнение о Северном Кавказе как об одной большой высокорисковой зоне, созданное зачастую не без участия некоторых ангажированных средств массовой информации. Кроме того, созданию отрицательного представления в среде потенциальных инвесторов способствует и крайне слабое участие федерального уровня в имиджевой поддержке развитию расположенных здесь регионов, продвижению позитивного представления о них. На нынешнем этапе, в преддверии разработки и реализации мероприятий по модернизации экономики, такая поддержка была бы, по нашему мнению, крайне важна.

В целом же эффект региональной политики будет определяться достижением своего рода баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью, общероссийскими и региональными интересами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Климанов В.В.* Региональное развитие и экономическая самостоятельность субъектов Российской Федерации. М., 2004. С. 44–95.
2. *Кузнецова О.В.* Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 133–135.
3. *Овчинников В.Н.* Уроки и проблемы реализации стратегии развития юга России // www.edu-zone.net.
4. «Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2010 году» // Российская газета. 2011. 16 марта. С. 18.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

ИОНОВ Н.Ю.

аспирант,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

Риски агрессивного развития банковского сектора реализовались в кризис, когда банки столкнулись со стремительным ростом просроченных кредитов. Ухудшение качества кредитных портфелей заставило российские банки пересмотреть рисковую политику.

Ключевые слова: банки; модернизация; система управления рисками; финансовый кризис; кредитная система.

Risks of aggressive development of banking sector were realized in crisis when banks have faced some rapid growth of the delayed credits. Deterioration of credit portfolio has forced Russian banks to reconsider the risk-tolerant policy.

Keywords: banks; modernization; system of risk-management; financial crisis; credit system.

Коды классификатора JEL: G24.

Российский банковский бизнес в посткризисный период развития экономики не будет представлять большой интерес для инвесторов, так как они вынуждены сконцентрироваться на рефинансировании собственных долгов и поддержании своего бизнеса. В 2006 г. краткосрочный долг банковского сектора преобладал над долгосрочным долгом. Вне зависимости от того, насколько российские банки были привлекательными как заемщики на внешнем рынке, их долгосрочные перспективы развития оценивались невысоко.

К началу кризиса российской кредитной системы, летом 2008 г., соотношение продолжало падать в пользу долгосрочных займов. Кризиса соотношение краткосрочного и долгосрочного долга кредиторы банков, готовых давать им в долг, практически не заметили, считая, что в долгосрочной перспективе ситуация в российских банках должна измениться к лучшему.

В настоящее время, несмотря на наращивание банками внешнего долга в абсолютных величинах, иностранные банки предпочитают одолаживать российским банкам средства на короткие сроки. Соотношение краткосрочного и долгосрочного внешнего долга для них сейчас соответствует показателям пика кризиса, января 2009 г.

Кризис кредитной системы в России актуализировал проблему выбора оптимальной модели ее дальнейшего развития. С учетом нынешнего состояния экономики России необходимо ориентироваться на тип структуры финансовой системы с преобладающей ролью крупных и средних банков.

Стратегия и тактика банков в области кредитования реализуются через положения их кредитной политики. Четкость и обоснованность положений кредитной политики банка способствуют формированию кредитного портфеля, обеспечивающего достижение основных целей: получение достаточного уровня прибыли, организацию действенного контроля и регулирования рисков, соблюдение банковского законодательства.

Методы реализации положений кредитной политики закреплены в документах, регламентирующих работу по выдаче кредитов и контроль за обязательствами заемщика перед банком по выданным финансовым средствам. Кредитная политика должна содержать четкий перечень механизмов и методов минимизации кредитного риска. Одним из основных методов, используемых в международной и отечественной банковской практике, является анализ кредитоспособности.

Посткризисная модернизация кредитной системы означает построение новой системы управления кредитными рисками. Обобщение опыта формирования кредитных систем и систематизация различных взглядов позволяет выделить следующие концепции развития кредитной системы: концепции сдерживания развития кредитной системы; концепции повышения роли и эффективности кредита в развитии

экономики; в том числе концепции развития: концепция повышения роли кредита и банков в обеспечении непрерывности процесса воспроизводства и ускорения экономического роста; концепция денежно-кредитного регулирования и современная концепция повышения роли кредитных инструментов на фондовом рынке; концепция развития потребительского и ипотечного кредитования.

Эти концепции нашли свое отражение в теориях кредита, научных школах и законодательных актах. Первая концепция воспроизводственной роли кредитной системы была реализована в классической банко-ориентированной модели и закреплена законодательно в большинстве стран. Генетически она связана с развитием капитализма и созданием «континентальной» европейской модели кредитной системы.

Вторая концепция спекулятивного развития нашла свое отражение в англо-американской колониальной модели кредитной системы. Функционально она связана с развитием фондового рынка и безуспешными попытками ограждения банковской деятельности от спекуляций на рынке ценных бумаг. Эта концепция привела к возникновению секьюритизированной кредитной системы, ориентированной на рынок ценных бумаг.

Третья концепция преобразования кредитной системы характеризует путь, связанный с созданием и отмиранием командно-распределительной ветви кредитной системы. В последнее время филантропическая концепция представлена особой моделью исламских банков. На практике попытка создания особой социально ориентированной модели не удалась, так как она оказалась государственно ориентированной структурой, схожей с банко-ориентированной моделью.

Необходимость формирования новой концепции эффективной кредитной системы со всей очевидностью обнаружилась в условиях преодоления глобального финансово-экономического кризиса. Речь идет о модернизации всей кредитной системы, а не только банковского сектора. В рамках банковского сектора уже выработана концепция модернизации монетарной системы и денежно-кредитной политики.

Российская банковская система должна стать системообразующим элементом, рычагом для проведения государственной политики в области преодоления последствий экономического кризиса. Центральным банком РФ проводится политика установления более высоких нормативов по объему собственного капитала коммерческих банков, величине их активов, доле иностранного участия в капитале банков [5].

В настоящее время для подавляющего числа российских банков являются затруднительными привлечение средств на рынке межбанковского кредитования, а также операции IPO как способы повышения капитализации. В условиях кризиса интеграционные процессы являются оптимальным способом избежать банкротства, средством финансового оздоровления банков, находящихся в тяжелом финансовом положении. Проводимая реорганизация банковской системы путем экономических и директивных мер вынуждает мелкие и средние банки либо к ликвидации, либо к консолидации.

Другим фактором является избыточное количество в России мелких банков, не всегда качественное ведущих свой бизнес. Для малых и средних банков существует возможность перехода в категорию средних посредством наращивания собственного капитала. Однако вероятность такого маневра невелика, поскольку акционеры малоформатных банков не располагают достаточными ресурсами для выкупа дополнительных эмиссий акций. Более реальным путем сохранения капитала и бизнеса для малых банков должна стать стратегия присоединения и слияния «равнозначных» (внутри своей группы) с последующим переходом объединенной структуры в группу средних банков.

На западных рынках крупнейшие банки-лидеры продаются по цене, сопоставимой с размером собственного средств либо с небольшим превышением размера своего капитала. Учитывая различные темпы роста разных по величине банков, процесс наращивания капитализации малых банков происходит гораздо быстрее в силу «эффекта низкой базы». От крупных банков ожидать роста капитализации в короткий промежуток времени нельзя.

Поскольку наличие филиальной сети в настоящее время является неременным условием для эффективного рефинансирования, стремление именно крупных, в основном, столичных и иностранных банков к ее расширению является еще одной важной причиной роста числа слияний и поглощений в российском банковском секторе.

Приобретение российских региональных банков сегодня обходится дешевле, чем развитие собственной филиальной сети. Окупаемость филиала составляет в среднем 2-3 года, поэтому с позиции оптимизации расходов по развитию бизнеса выгодна покупка действующего банка с соответствующей филиальной сетью, клиентской базой и лицензией ЦБ РФ.

Для многих банков при возможном слиянии решающим фактором является вероятный взнос в доход в расчете на одну акцию капитала вновь созданной структуры. Кроме того, процессы слияния и поглощения могут преследовать цели недобросовестной конкуренции. Это приводит к поглощению банка конкурента и не позволяет развиваться путем наращивания собственной капитализации. Подтверждением служат финансовые показатели деятельности крупнейших мировых и российских компаний, участвующих в сделках слияний и поглощений в роли поглощающей стороны, финансовые показатели которых в результате этого значительно растут.

Для увеличения капитализации российских банков используются различные финансовые инструменты, одним из которых является специальный выпуск государственных ценных бумаг, сочетающих в

себе фиксированные условия выплаты по ним текущих доходов и подлежащих обмену на привилегированные акции банков. Другим источником повышения капитализации российских банков может служить использование субординированного кредитования. Данная форма заимствования является привлекательной, поскольку требования кредиторов по ним удовлетворяются вместе с требованиями акционеров в последнюю очередь, и часто условия займа предполагают его конвертацию в акции.

В современных условиях наиболее вероятно консолидация мелких и средних банков в форме различных банковских объединений, в том числе синдикатов (с целью предоставления синдицированных кредитов), слияний, присоединений, а также поглощение со стороны более крупных структур, в том числе при участии иностранного капитала.

Выработка единых стандартов — это не только возможность повышения внутрикорпоративного уровня требований к качеству, фактор повышения доверия со стороны потребителей услуг, но и возможность использования этих критериев Центральным банком, а также иностранными партнерами. Рекомендации по оценке системы внутреннего контроля разработаны Базельским Комитетом по Банковскому Надзору [6, 7, 8].

Регламентированность бизнес-процессов на сегодняшний день выступает основой контроля и одним из ключевых факторов успеха любого коммерческого банка. Докризисные методы оценки надежности финансовых институтов строились на оценке рисков: устанавливались подходы к оценке надежности через финансовую отчетность (транспарентность — основа базельских принципов 1.0). Или через отношения рисков, принятых банком, к его капиталу (рискоориентированные оценки базельских принципов 2.0).

Стоимостной подход к оценке банковских рисков был основой финансового регулирования, однако, глобальный кризис заставил усомниться в корректности такого подхода. В условиях кризиса российские банки подвергались критике за масштабную скупку валюты, несмотря на то, что осуществляли мероприятия по снижению рисков: повышали рентабельность, снижали риски своих активов, повышая кредитоспособность и качество баланса.

Для того, чтобы снизить риски глобальной финансовой системы Центральные банки 27 стран договорились ужесточить регулирование деятельности коммерческих банков. Покрытие активов собственным капиталом будет увеличено с 2 до 4,5%; предполагается введение дополнительного буфера в 2,5%, что повысит требования к уровню капитала первого уровня до 7% [3].

Соглашение «Базель-III» является инструментом ужесточения мировых стандартов, который нацелен на обеспечение долгосрочной финансовой стабильности и предотвращение кризисов. Вместе с тем, введение жестких стандартов регулирования может привести, во-первых, к повышению стоимости банковских продуктов, во-вторых, к повышению активности финансовых компаний, не регулируемых банковскими правилами, включая хедж-фонды и компании прямых частных инвестиций. В эти структуры активно инвестируют пенсионные фонды и страховые компании, поэтому стабильность мировой финансовой системы может снизиться.

Для обеспечения устойчивости банки вынуждены в сжатые сроки создавать новые услуги или модифицировать уже имеющиеся. Банки должны разрабатывать механизмы, которые бы позволяли отслеживать обратную связь с потребителями в контексте изменения параметров услуг.

Система управления банком должна ориентироваться как на управление каждым бизнес-процессом, так и всеми бизнес-процессами в целом. В системном контроле следует исключить дублирование контрольных функций, как и бесконтрольность этапов процесса и исполнения функций управления при создании продукта или услуги.

В каждой стране вырабатываются новые принципы регулирования и стимулирования банковского рынка на основе институционального подхода: банковские и финансовые институты рассматриваются теперь не сами по себе, а как основа развития экономики. Таким образом, эффективность банковской системы должна оцениваться интегрально — с точки зрения ее функций в национальной или мировой экономике. Это радикально другой подход к финансово-кредитной системе, нацеленный на стратегию развития.

Новые международные правила контроля «Базель-III» начнут действовать с 2013 г., но станут обязательными лишь в 2019 г. По мнению аналитиков, в ряде стран, например в США, могут быть приняты более высокие требования к капиталу банков; если капитал коммерческого банка будет ниже этого уровня, то это условие ограничит выплаты дивидендов и бонусов [3].

В условиях финансовой глобализации возрастает роль государства как института обеспечения процедуры контроля над деятельностью банков. Государство станет активным игроком, но не как кредитор или распределитель ресурсов, а как гарант и посредник.

Формы реализации механизма контроля могут быть следующими:

- создание специального фонда аккумулирования «плохих» активов;
- применение механизма государственных гарантий;
- использование инструментов рефинансирования и рекапитализации.

Новая функциональная модель государства как основного агента глобальной финансовой системы позволяет сформировать систему «клубов кредиторов» для урегулирования задолженности и создания дополнительных гарантий, решения вопросов реструктуризации долгов. Для реализации этой модели по-

требуются новые принципы оценки надежности, устойчивости и рисков такой системы, а также новые формы участия государства в работе финансовых институтов, например, предоставление долгосрочных субординированных кредитов, включаемых в расчет капитала второго уровня.

Новая роль государства в системе финансового регулирования может быть реализована посредством развития рекапитализации и рефинансирования банковской системы, а через нее — и реального сектора. Разработка модели государственного участия в системе финансово-кредитных отношений направлена на обеспечение большей устойчивости самой системы.

На основе оценки новых мер регулирования рисков финансово-кредитного сектора глобальной экономики, можно сделать вывод о том, что государство становится важным гарантийным институтом в кредитной системе, нацеленным на снижения системных рисков. Придание таких функций государству должно компенсировать «провал рынка» в банковской сфере.

Слишком большие банки создают риски не только для национального финансового сектора, но и для всей глобальной экономики. Инструментом решения этой проблемы, способным ослабить возникшие риски стимулирования недобросовестного поведения агентов финансового рынка, могут выступить требования к банкам иметь облигации, конвертируемые в капитал. Это долг, конвертируемый в акции при сокращении капитала ниже определенного уровня. Эмиссия таких долговых инструментов, обойдется дороже, чем выпуск обычных облигаций, но они могут уменьшить моральные риски.

Для снижения рисков крупный коммерческий банк следует разделить на несколько независимых компаний, размеры которых уже не будут препятствием для банкротства. Финансовый кризис показал, что на глобальном рынке самыми высокими рисками являются риски информационной асимметрии, поэтому экспертам сложно делать точные прогнозы.

В связи с этим, регуляторам глобального рынка предстоит значительно ужесточить требования к капиталу и ликвидности, и повысить бдительность риск-менеджеров в отдельно взятых банках. Для проведения системного анализа рисков необходима комплексная система поиска и оценки информации, привлечение зарубежных партнеров, экспертов, андеррайтеров и менеджеров страховых компаний. Без информационной базы данных по рискам эту работу не сможет сделать ни банковский специалист, ни рейтинговое агентство.

Риски агрессивного развития банковского сектора реализовались в кризис, когда банки столкнулись со стремительным ростом просроченных кредитов. Ухудшение качества кредитных портфелей заставило банки пересмотреть рисковую политику.

Проблемы в банковском секторе потребовали принятия закона «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы», в результате чего избежать банкротства смогли 18 банков. На поддержку финансовой системы Правительство России потратило в общей сложности 7,8 трлн руб. В мировом масштабе объем господдержки оценивается в 12 трлн долларов [1].

Кризис определил необходимость для банков быть избирательными в выборе залогов при выдаче кредитов. До кризиса банки брали в качестве залога объекты незавершенного строительства или технологическое оборудование, теперь же такие залоговые практически не принимаются.

После кризиса банки предпочитают в качестве обеспечения по кредитам ликвидные ценные бумаги и ликвидную недвижимость, наиболее привлекательным является залог, представляющий действующий бизнес. Вместе с тем, для снижения кредитного риска, банкам необходимо тщательно оценивать платежеспособность клиентов в перспективе, проводить финансовый анализ, комплексную оценку рисков, оценку финансовых потоков клиента, его финансовой состоятельности и оценку операционной деятельности.

Кризис изменил и структуру банковских доходов. Процентная маржа сейчас составляет 4-5%, а кредиты под низкие ставки не вызывают повышенного спроса у заемщиков. Снизить стоимость заимствований российским банкам тоже вряд ли удастся. Чтобы возместить падение процентных доходов, банки увеличивают комиссионные. Операторы рынка финансово-кредитных услуг стремятся повысить непроцентные доходы, получаемые от комиссий, сборов, повышения стоимости расчетно-кассового обслуживания.

До кризиса сверхдоходы были обеспечены раздуванием балансов, агрессивным кредитованием и игрой на рынке акций. В целом доходность банковского бизнеса на посткризисном рынке снизилась. Вследствие кризиса коммерческие банки изменили также структуру фондирования. Доля средств, привлекаемых на зарубежных рынках, снизилась в банковских пассивах с 20% на 1 июля 2008 г. (198 млрд долл.) до 13% на 1 апреля 2010 г. (129 млрд долл.), при этом доля клиентских средств в банковских пассивах вернулась к докризисным уровням — 60,7% на 1 августа 2010 г. [1].

Позитивным фактором можно считать то, что в целом по системе улучшилась ситуация со сбалансированностью активов и пассивов. Отношение высоколиквидных активов к обязательствам сейчас выше, чем до кризиса, — 66% против 48% на 1 января 2008 г., но ниже, чем на пике кризиса.

В настоящее время ситуация в банковском секторе постепенно восстанавливается вследствие снижения системных рисков. Несмотря на посткризисный рост стоимости активов финансовых институтов, на российском рынке произошла лишь перенастройка банковской сферы. Банк России не планирует снижения ставки рефинансирования, которая после 14 снижений подряд с 2009 г. пришла к уровню 7,75% годовых, что является рекордно низким значением для отечественного рынка [2].

Проводимая Центробанком стимулирующая денежно-кредитная политика привела к снижению кредитных ставок, что должно благоприятно сказаться на темпах экономического роста. Банк России считает возможным сохранить действующие параметры денежно-кредитной политики. Однако в случае изменений ситуации на рынке регулятор готов вновь вернуться к этому инструменту поддержки банковского сектора [4].

Чем больше у банка капитал, чем выше уровень его достаточности и чем лучше диверсификация бизнеса банка по регионам и отраслям, тем легче он переносит рыночные потрясения. В связи с тем, что банковская система России еще развивается, но при этом на посткризисном рынке усилилась конкуренция между банками за надежных клиентов, слияния и поглощения банков являются одними из эффективных способов нарастить долю бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локишина Ю. По законам большого кризиса // «Коммерсантъ». 2010. № 170 (4470) от 15 сентября. С. 2 // Интернет ресурс: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1504394&NodesID=4>.
2. Совет директоров Банка России в сентябре 2010 г. оставил основные процентные ставки без изменений. Ставка однодневного РЕПО составляет 5,0%, по депозиту «овернайт» — 2,50%.
3. Третий «Базель» не лучше второго // «Эксперт». 20 сентября, 2010. № 37 (721) // Интернет ресурс: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/37/news_3_bazel_ne_luchshe_2go.
4. Улюкаев А. ЦБ больше не планирует снижать ставку рефинансирования // Ведомости, от 29 июня, 2010.
5. Федеральный закон от 28 февраля 2009 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности».
6. Framework for Internal Control Systems in Banking Organisations: COSO. September 1992 // Интернет ресурс: http://www.coso.org/publications/executive_summary_integrated_framework.t (дата обращения: 24.04.2010).
7. Internal audit in banks and the supervisor's relationship with auditors: A survey. The relationship between banking supervisors and banks' external auditors. Internal audit in banks and the supervisor's relationship with auditors // Интернет ресурс: <http://www.bis.org>. (дата обращения: 24.04.2010).
8. http://www.vedomosti.ru/finance/news/1048380/bank_rossii_ne_planiruet_v_etom_godu_dalnejshego_sni_zheniya_stavki_refinansirovaniya_aulyukaev#ixzz0zox7pvya.
9. МСА N 400 ISA 400 «Risk Assessments and Internal Control». [Электронный ресурс] / Международные профессиональные стандарты внутреннего аудита (в редакции, вступившей в силу с 2004 г.). Перевод на русский язык выполнен Институтом внутренних аудиторов // Интернет ресурс: <http://www.iaa-ru.ru>.

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

ЛЕВЧЕНКО С.В.

аспирант,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
e-mail: staselectro@yandex.ru

В статье рассмотрена схема функционально-ресурсного обеспечения управления трансформационными процессами региональной хозяйственной системы применительно к экономике Ставропольского края. Проанализированы региональные кластеры с акцентом на создание сетевой организации промышленных, строительных и транспортных предприятий и организаций, научно-исследовательских институтов и вузов, возможных управляющих структур в целях выпуска конкретной наукоемкой продукции.

Ключевые слова: виды обеспечений трансформационных процессов; управление; региональная природно-хозяйственная система.

In the article describes the scheme of functional and resource management software transformational processes of regional economic system in relation to the economy of the Stavropol Territory. Analyzed regional clusters, with emphasis on the creation of a network organization of industrial, construction and transport companies and organizations, research institutes and universities, the possible control structures in order to issue a specific high-tech products.

Keywords: types of providing transformation processes; management; regional naturally-economic system.

Коды классификатора JEL: R11, R51.

Перед управлением трансформационными процессами в региональной природно-хозяйственной системе (РПХС) стоят сложные и ответственные задачи. Это объясняется не только растущей ролью управления как неотъемлемой части инновационного развития, но и управления как средства выживания, стабильности и безопасности в современных, быстро меняющихся условиях [3]. Для выхода России и ее регионов на траекторию устойчивого роста с присущими ему новыми, прогрессивными тенденциями требуется наряду с формированием производственно-технологических предпринимательских структур, которые способны успешно конкурировать на мировых рынках [1], эффективная структура функционально-ресурсного обеспечения управления (ФРОУ) трансформационными процессами региональной хозяйственной системы.

Развитие трансформационных процессов в РПХС требует новых подходов к самому процессу создания функционально-ресурсного обеспечения таких процессов. Главной задачей становится создание таких механизмов управления, которые смогут обеспечить концентрацию организационных полномочий и ресурсов на поддержке трансформационных процессов в направлениях, имеющих как низкие, так и максимальные значения глобальных приоритетов подсистем и факторов РПХС, обеспечивающих инновационное развитие промышленности региона, в частности Ставропольского края.

Как известно, выбор направления развития определяет конкурентоспособность региона. Создание механизмов реализации региональной политики предполагает выделение ее объектов и субъектов, а также способов их взаимодействия для достижения поставленных целей [2].

Направление обеспечения на каждом уровне поддерживается мероприятиями со своим составом и целями, определяемыми спецификой соответствующего уровня. Так, например, на общегосударственном уровне направление «Персонал управления» представлено мероприятиями: повышение качества управленческого персонала в предпринимательском секторе и малом предпринимательстве путем повышения базовой профессиональной подготовки предпринимателей; совершенствование предпринимательской

среды в целом через организацию силами вузов и научных организаций общегосударственного подчинения профессионального консалтинга и сопровождения промышленных предпринимательских структур на протяжении всего их жизненного цикла; глобальный мониторинг макросреды для прогнозирования потребностей экономики и ее отраслей по определенным специальностям [5].

На региональном уровне мероприятия направления содержат: повышение профессионального уровня управленческого персонала в предпринимательском секторе и малом предпринимательстве региона; совершенствование предпринимательской среды за счет реализации функции сопровождения предприятий и независимых малых промышленных предпринимательских структур на протяжении всего их жизненного цикла через организацию профессионального консалтинга силами научно-образовательных организаций и центров регионального подчинения; мониторинг среды для прогнозирования потребностей региона в целом и в разрезе отраслей по определенным специальностям.

На межрегиональном уровне направление обусловлено наличием межрегиональных структур. Максимальная взаимосвязь областей ФРОУ обеспечивается при схожести производственного, технологического и организационного потенциала формируемых межрегиональных предприятий. В этом случае в рамках одного структурного подразделения департамента объединяются производственная, инновационная и предпринимательская составляющие системы управления.

Независимо от уровня ФРОУ направление «Технология управления» связано с выбором объективно необходимого состава функций и задач управления. Этот состав определяется разнообразием состояний объекта управления, а также возможностью автоматизации и объединения отдельных видов операций управления при принятии решения за счет стандартизации и разработки математического обеспечения, создания общесистемного запаса устойчивости на основе интеллектуальных и информационных, временных, финансовых и др. ресурсов, придания отдельным специфическим элементам объекта управления свойств саморегулирования.

Направление «Финансовое обеспечение» представлено комплексом мероприятий, призванных помочь предприятиям — потенциальным участникам предприятий в решении проблемы финансирования инновационной деятельности. К прямым мерам отнесено прямое финансирование проектов предприятий из средств бюджетных и внебюджетных фондов общегосударственного и регионального уровня. Их ограниченность вынуждает сконцентрировать их на приоритетных и наиболее важных направлениях трансформации. Косвенные меры предусматривают совершенствование налоговой, банковской, страховой и таможенной политики с целью создания благоприятных условий для привлечения инвесторов и включают дифференцированное снижение налогов для участников предприятий в зависимости от их затрат на инновационные инвестиции, предоставление налоговых льгот авторам инновационных проектов, обеспечение возможности формирования участниками предприятий собственных фондов инновационного развития за счет себестоимости производимой продукции, дифференцирование ставки налога на прибыль банков, участвующих в долгосрочном кредитовании проектов предприятий, внедрение механизмов государственного страхования инвестиций и кредитов, связанных с проектами.

Мероприятия направления «Информационное обеспечение» включают: издание и распространение сборников нормативных актов, справочных и методических рекомендаций по вопросам инновационной деятельности; создание общегосударственного информационного банка данных инновационных разработок по видам деятельности и готовых проектов предприятий; создание сети региональных информационных центров с единой автоматизированной информационно-поисковой системой в области инновационных разработок и условий для их внедрения.

В соответствии с Программой социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу «Методическим обеспечением» решения задачи регионального развития могут служить региональные целевые программы, которые позволяют обеспечить достижение намеченных целей в конкретные сроки на основе оптимизации расходования государственных ресурсов.

Направление «Нормативно-правовое обеспечение» выступает составной частью государственной политики содействия трансформации промышленного производства.

Направление «Организационное обеспечение» нацелено на формирование физической организационной инфраструктуры поддержки трансформационных процессов и управления ими и включает: создание скоординированной системы структур ФРОУ; совершенствование организационных структур финансового обеспечения трансформации промышленного производства; формирование национальной сети инновационных структур на основе предприятий; организационно-функциональное обеспечение, включающее разработку и усовершенствование процедур ФРОУ; контроль выполнения принципов и требований государственной политики содействия трансформации промышленного производства.

Каждый элемент структуры управления частично может выполнять функцию самоорганизации. Этому способствует связь современных тенденций развития экономики с реорганизацией коммуникативных сетей, налаживанием горизонтальных и ослаблением вертикальных связей предприятий.

Качественное формирование ФРОУ обеспечивается тем, что на каждом системном уровне функции ФРОУ выполняются специализированными структурными подразделениями. При этом работа с иннова-

циями, которые могут стать основой формирования стратегических предприятий, будет проводиться постоянно действующим отделом превентивного управления трансформационными процессами. Разработка и внедрение изменений в функционирующие предприятия поручается подразделению текущего управления промышленным производством.

Наибольший эффект взаимосвязи между отделениями, обслуживающими разные сегменты внешней среды, достигается благодаря горизонтальной интеграции управления. При технологической взаимосвязи межрегиональные курирующие их по разным вопросам подразделения департамента будут иметь общий стратегический центр превентивного управления трансформационными процессами, ответственный за формирование предприятий. Если виды деятельности предприятий связаны стратегически, такой центр будет наделен ответственностью и за стратегическое управление. Тогда на уровне предприятий согласовывается только одна взаимосвязанная функциональная область — операционная деятельность, а функции стратегического центра фактически выполняют региональные структуры общего управления.

Региональный уровень управляет единственным общим стратегическим ресурсом — финансами, предоставляя ссуды, кредиты или выступая гарантом их возврата.

Количественное формирование ФРОУ определяется неоднородностью функций и степенью интеграции структурных подразделений. Организационными структурами предпринимательского и непроизводственного сектора в виде координационного центра со структурообразующими элементами региональной системы ФРОУ должны стать региональные центры науки, высоких технологий и инноваций. Конкретный перечень элементов структуры ФРОУ определяется спецификой и потенциалом региона. Так, для Ставропольского края их формирование основано на высоком научном потенциале региона, благоприятном геополитическом расположении края как логистического центра, высоких темпах развития области и быстром развитии рыночной инфраструктуры.

Положительным является также тот факт, что с 2001 г. прекратилось сокращение количества организаций, занимающихся научными исследованиями. В то же время, степень завершенности теоретических разработок в вузах опережает академический сектор в 17,9 раз, отраслевой в 5,8 раза [5]. Отставание по технике и технологии в 8,3 и в 3 раза, соответственно, объясняется именно выпадением вузов из процессов трансформации экономики и промышленного производства. Иначе говоря, имеющийся потенциал вузов сегодня в решении проблемы активизации управления трансформационными процессами промышленного производства используется недостаточно.

В «Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2020 года» [4] в качестве генерального направления модернизации промышленной политики предложен переход к кластерной политике. Региональные кластеры должны быть инновационно-направленными.

Основным приоритетом реализации кластерной политики является формирование инновационных территориально-отраслевых кластеров на основе:

- ◆ Электроэнергетики и освоения использования нетрадиционных источников энергии (солнечной, геотермальной, ветровой).
- ◆ Добычи и розлива лечебной и столовой воды (розлив минеральной и родниковой воды, производство стекльной и полиэтиленовой тары).
- ◆ Добычи и переработки минерального сырья:
 - добычи и обогащения кварцевых песков, производства стекльной продукции, поликремния, строительных смесей и других;
 - добычи нерудных материалов, производства местных строительных материалов (производство кирпича, черепицы, тонкой керамики, цементно-песчаного кирпича, пеностекла).
- ◆ Химических производств (ароматизаторы и дезодоранты).
- ◆ Нанотехнологий и наноиндустрии и др.

Указанные направления формирования кластеров отличает высокая потенциальная экономическая эффективность и по многим позициям готовность базовых предприятий начать выпуск новой наукоемкой продукции с использованием разработок краевой науки.

Таким образом, рассмотренная структура функционально-ресурсного обеспечения управления трансформационными процессами применима в экономических структурах, носит реальный характер, максимально использует региональную инфраструктуру. Именно такой подход должен стать основой разработки государственных и региональных программ содействия развитию трансформационных, инновационных и предпринимательских процессов в экономических системах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакумова Н.Н., Белинская И.И. Инновационно-ориентированная структурная перестройка экономики региона // «Вестник ОрелГИЭТ», 2008. № 1.
2. Гайнетдинов А.Н. Типология территориально-организованных экономических систем // Пространство экономики (Terra economicus). Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. № 1. Т. 7.

3. *Плякин А.В.* Пространственная экономическая трансформация региональной природно-хозяйственной системы / Автореферат дис. ... на соискание уч. степ. доктора эк. наук. 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика). Волгоград, 2006.
4. Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2020 года // Интернет ресурс: <http://www.stavinvest.ru>.
5. *Филипова С. В.* Инфраструктура функционально-ресурсного обеспечения управления трансформационными процессами в промышленном производстве / Труды Одес. нац. политехн. ун-та. Вып. 2 (24). Одесса, 2005. С. 240–247.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ В АГРОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПАПШУОВ А.А.

аспирант,
Карачаево-Черкесская государственная технологическая академия,
e-mail: a_papshuov@mail.ru

С развитием и усложнением социально-экономической системы общества все более актуальными становятся вопросы, связанные с формированием и развитием эффективной региональной агроэкологической подсистемы. Антропогенное воздействие на природную среду сильнее всего проявляется в использовании земли. Формирующиеся в стране рыночные отношения оказывают весьма противоречивое влияние на трансформацию отношений собственности на все ресурсы в агроэкологической подсистеме региона. Поэтому сохраняются общие для всех регионов проблемы, связанные с поисками научно-обоснованных проектов создания эффективной агроэкологической подсистемы региона на основе рационального землепользования в условиях становления многообразия форм собственности на землю как на ключевой экономической ресурс.

Ключевые слова: земля как ресурс производства; региональные особенности эффективной реализации собственности на землю; отношения собственности на землю как институциональный фактор развития региональных экономических подсистем; агроэкологическая подсистема региона.

With the development and complexity of socio-economic system of society becoming increasingly relevant issues related to the formation and development of effective regional agro-ecological subsystem. Anthropogenic impact on the environment is most pronounced in land use. Emerging market relations in the country have a very contradictory impact on the transformation of property relations over all resources in the agro-ecological subsystem of the region. Therefore remain common to all regions of the problems associated with the search for science-based projects for the creation of effective agri-environment sub region based on sustainable land use in the making a variety of forms of land ownership as a key economic resource.

Keywords: land as a resource for production; regional features of the effective implementation of land ownership; relationship to land ownership as an institutional factor in the development of regional economic subsystems; agro-ecological subregion.

Коды классификатора JEL: Q15, Q24.

Использование факторов производства в разных отраслях экономики отличается многовариантностью их сочетания. Приоритетность, масштабы и механизм использования каждого фактора производства определяются многими обстоятельствами, и, прежде всего, спецификой отрасли и теми задачами, которые перед ней стоят. Одним из важнейших природных богатств в Российской Федерации являются земельные ресурсы. Роль земли в обеспечении жизнедеятельности населения подчеркнута в Конституции Российской Федерации. В ней определено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Поэтому исключительно важное значение имеет рациональное использование уже вовлеченных в хозяйственный оборот земельных ресурсов, т.е. земель, используемых для производства продуктов питания. Все факторы производства в условиях рыночных отношений для всех сфер экономики равнозначны, за исключением сельского хозяйства, где земля выступает в качестве и средства, и предмета труда, а также — главного звена агроэкологической подсистемы региона. На протяжении многих лет

землепользование в России было безвозмездным, что способствовало нерациональному использованию земель как на макро-, так и на мезоуровне.

Переход к рыночным отношениям связан с формированием экономического механизма, призванного рационализировать процессы землепользования. Рыночные отношения требуют принципиально новых подходов к развитию и регулированию регионального земельного комплекса. Особая черта регионального земельного комплекса заключается в том, что в его фокусе находится уникальный объект, на который направлены интересы всех участников, поскольку земля представляет собой универсальный фактор общественного жизнеобеспечения, в процессы землепользования вовлечены в прямой и опосредованной форме все члены общества.

На современном этапе рыночных реформ важнейшей социально-экономической задачей при выборе стратегии и тактики дальнейшего развития отношений земельной собственности является поиск путей, способных обеспечить повышение эффективности использования земельных ресурсов. Успешное решение этой задачи зависит от надежности научного обоснования целого ряда проблем, в числе которых наибольшую актуальность имеет совершенствование землепользования, формирование системообразующих элементов регионального земельного комплекса и его инфраструктуры.

Исходя из этого, может быть предложена трактовка сущности регионального земельного комплекса как иерархической, пространственно организованной рыночной системы, базирующейся на взаимодействии спроса и предложения прав собственности на землю как на экономический ресурс, формирующихся в структуре региональной агроэкологической подсистемы, включающей различные типы земельных отношений и процессов землепользования. Развитие и совершенствование процессов землепользования приобретает все большую важность ввиду того, что они являются генераторами устойчивого сбалансированного развития территории.

Земельный комплекс, характеризующийся процессами земельных отношений, регуляторами которых являются право собственности (владение, пользование, распоряжение), возможность передачи этого права (аренда, продажа, залог и т.д.), конкуренция, денежная оценка и свободно складывающиеся цены на землю, а также законодательно установленная совокупность условий, привилегий и ограничений в использовании данных регуляторов, занимает важное место в агроэкологической подсистеме региона.

Региональная агроэкологическая подсистема может быть представлена как полиструктурная система, состоящая из экономической, финансовой, демографической, территориальной, природно-ресурсной, организационно-управленческой, информационной социальной, национальной, архитектурно-планировочной и других структур, включенных в пространство региона. С точки зрения рационально организованной региональной агроэкологической подсистемы сочетание факторов производства также неодинаково для разных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности.

Уровень эффективности реализации собственности на землю с учетом принципов рационального развития региональной агроэкологической системы в новых институциональных структурах в некоторых регионах пока еще остается недостаточно высоким, о чем свидетельствует практика различных форм хозяйствования. В экономической литературе так же пока не нашли должного освещения многие вопросы оптимизации использования земельных ресурсов в разных формах хозяйствования, в т.ч. с учетом специфики регионов высокорискованного земледелия, что обуславливает необходимость особого подхода к обеспечению природоохранных мер, бережному отношению к каждому участку земли.

Карачаево-Черкесская Республика традиционно считается аграрным регионом. Аграрный характер экономики Карачаево-Черкесской Республики обусловлен, прежде всего, наличием природных условий для осуществления сельскохозяйственного производства. Территория Карачаево-Черкесии имеет ряд существенных особенностей, которые оказывают значительное влияние на состояние сельскохозяйственного производства. Протяженность республики с севера на юг, размещение на северных предгорьях Главного Кавказского хребта, резкие контрасты рельефа от равнинных участков на севере до высоких гор на юге, наличие долин, подступающих к Главному Кавказскому хребту — все это обуславливает многообразие природно-климатических условий: климата, почвы, рельефа местности, растительности, что непосредственно оказывает влияние на характер, методы, способы ведения сельскохозяйственного производства и характер природоохранных проблем и мероприятий.

На сравнительно небольшой территории с весьма своеобразным рельефом наблюдаются значительные перепады высот, резкие колебания средней месячной температуры воздуха между северной равниной и перевалами Главного Кавказского хребта, разность в количестве осадков за год. Кроме того, вследствие большого разнообразия природных условий, в республике отмечается значительная пестрота почвенного покрова от черноземов на севере до горно-луговых и бурых почв на юге. Почвенные зоны в республике представлены узкими полосами с проявлением вертикальной зональности.

Сельское хозяйство Карачаево-Черкесской Республики по уровню развития на 95% дотируется из федерального бюджета. В немалой степени это обусловлено тем, что Карачаево-Черкесская республика значительно отличается от других регионов Северного Кавказа по структуре земельной площади. Так, для сельскохозяйственных целей пригодно меньше половины территории — 786,9 тыс. га. В структуре сельскохозяйственных угодий преобладают сенокосы (21%) и пастбища (51%) — 497,8 тыс. га или 72%. Пашня

занимает только 155 тыс. га или 26,6% сельскохозяйственных угодий. При этом 96,7% пашни расположено на высотах от 500 до 2000 м над уровнем моря, то есть выше тех высот, где природные условия создают ограничения для развития сельскохозяйственного производства и делают его рискованным. Рельеф местности обуславливает возможность проявления различных негативных процессов на сельскохозяйственных угодьях в виде водной и ветровой эрозии.

Главным фактором проявления негативных процессов на землях, ухудшения их экологического состояния является низкий уровень хозяйственного использования земель. Это связано, прежде всего, с отсутствием полноценного финансирования мероприятий по защите почв и их рациональному использованию, агрохимическому обеспечению, химической мелиорации, внесения удобрений на уровне научно-обоснованной потребности и т.д. Недостаточно финансируются объемы работ по защите земель от водной и ветровой эрозии, ни в одной из почвенных зон республики не создана законченная система защитных лесонасаждений. Не в полной мере инвестиционно обеспечены объемы работ по посадке защитных овраго-балочных полос, что приводит к развитию эрозии и активизации оползневых процессов.

Наибольшее количество земель (74,8%) используют сельскохозяйственные предприятия, крестьянско-фермерские хозяйства и хозяйства населения. Рыночные преобразования привели к радикальным изменениям в отношении собственности на факторы производства. Социально-экономическая эффективность новых сельскохозяйственных институциональных структур во многом зависит от того, насколько оказались адаптированными к условиям рыночной экономики отношения собственности на землю, и решили ли они извечный вопрос эффективности использования земельных ресурсов в региональной системе природопользования.

В настоящее время в результате незавершенных преобразований в аграрной сфере региона сложилась противоречивая, достаточно сложная переходная структура земельной собственности: собственниками земель являются коллективы бывших колхозов-совхозов, пользователями (часто бесплатными) выступают сельскохозяйственные предприятия. Дальнейшее развитие земельных отношений в русле реформы предполагает закрепление юридических прав собственников и пользователей, свободный оборот земельных паев, приводящий к аккумуляции земельной собственности в руках эффективных собственников, однако эти процессы еще не завершены.

На Кавказе каждый населенный пункт имеет свою историю земельного вопроса, и это нельзя не учитывать. В некоторых случаях земля распределена между жителями села поровну, в случаях, если нет никаких претензий на нее у третьих лиц. В других случаях есть земля под отгонными пастбищами. Есть две причины, из-за которых процесс оформления земельных наделов затянулся. Во-первых, недостаточное знание селянами действующего законодательства и сроков, установленных им, и, во-вторых, высока цена за оформление паев, в частности, за их межевание. Приватизация земли, принадлежащей бывшим совхозам и колхозам республики, в ряде районов прошла с нарушениями закона, что подтверждено результатами проверок надзорных органов. Пайщики, имеющие право на коллективную долевую собственность, в силу тех или иных причин не получили своих земельных наделов. Земля не была размежевана, ушла либо в аренду, либо в актив государственных унитарных предприятий, либо попросту используется без наличия документов на право собственности или аренды.

В ряде регионов Северного Кавказа существует мораторий на продажу земель сельхозназначения в собственность — так сложилось институционально. В целом правовых, институциональных и политических условий для земельной реформы пока еще не создано. Арендные отношения, особенно очень распространенная краткосрочная аренда, не располагают к каким-либо серьезным инвестициям. В различных районах Карачаево-Черкесии эти преобразования идут по-разному. В районах, где хозяйства расположены ближе к рынкам сбыта — вблизи городов и крупных населенных пунктов — сельскохозяйственное производство выгодно и прибыльно. В этих районах меньше остается неиспользуемой земли, быстрее заключаются арендные договоры, выше уровень арендной платы, формируется рынок арендных договоров. В этих регионах велика роль земельных комитетов, поскольку от их работы зависит нормальное функционирование и развитие арендных отношений.

Иная ситуация наблюдается в регионах, где эффективность сельского хозяйства ниже или удалены стимулирующие спрос на сельскохозяйственную продукцию рынки сбыта. Есть фонд неиспользуемой земли, предложение земли превышает спрос на нее, медленнее идет процесс оформления арендных соглашений, ниже уровень арендной платы. В таких районах функции коллективных сельскохозяйственных предприятий все в большей мере становятся не столько экономическими, сколько социальными, поскольку государство не в состоянии взять на себя заботу о сельских жителях, среди которых много людей престарелого возраста, отработавших всю жизнь в сельском хозяйстве. В этих районах следует иметь особый подход к развитию сельскохозяйственных предприятий.

Для решения этих проблем фермерским хозяйствам и малым сельскохозяйственным предприятиям приходится кооперироваться, что позволяет увеличивать материальные, технические и финансовые средства, оказывать взаимное содействие и консультационные услуги друг другу, повышать объемы производства в тех или иных направлениях АПК, обмениваться опытом на безвозмездной основе и представлять общие интересы в органах государственной и муниципальной власти.

Как представляется, в настоящее время могут быть разработаны и систематизированы следующие принципы эффективности управления процессами землепользования в региональной агроэкологической подсистеме:

1. Развитие и регулирование регионального земельного комплекса и процессов землепользования должно производиться с учетом сложившихся тенденций и современных реалий и иметь четкие ориентиры, цели, принципы.
2. Целями регулирования земельных отношений должны быть обеспечение рационального использования и охраны земель в регионе, создание условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле и успешного осуществления экономических реформ, обеспечение экологической безопасности, защиты прав на землю физических и юридических лиц.
3. Землепользование должно осуществляться на возмездной основе с учетом количественных и качественных характеристик земельных участков, а территория региональной агроэкологической подсистемы полностью должна быть зонирована с учетом достижения максимального положительного эффекта.
4. Необходимо проводить политику оптимальности, сбалансированности землепользования, при которой будут максимально учтены интересы большинства экономических агентов в направлении достижения положительного социального эффекта, т.е. превышения выгоды общества в целом над потерями индивидуумов.
5. Следует добиваться минимизации возможных конфликтов между участниками земельных отношений. В этих целях решение возникающих противоречий, столкновения интересов землепользователей должно иметь четкий, действенный механизм, закрепленный законодательно.
6. Процедуры распределения прав собственности на земельные участки должны быть прозрачны, в том числе — максимально снижена возможность повышения транзакционных издержек для землепользователей, что предполагает эффективный мониторинг исполнения земельного законодательства и соблюдение целевого использования земельных участков.

Реализация перечисленных принципов позволит, как представляется, не только достигнуть цели земельной реформы, но и создать предпосылки для сохранения земельно-ресурсного потенциала государства, в том числе на мезоуровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.С. Влияние экологической парадигмы на развитие земельных отношений в России // Экономические науки, 2008. № 4 (41).
2. Центр политической конъюнктуры // Интернет ресурс: <http://www.ancentr.ru>.
3. Регионы России. Деловой климат. Инвестиционный капитал // Интернет ресурс: <http://www.russianeconomy.ru/Interviews/DetailsView.aspx?ID=436>.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА БАНКОВСКИХ УСЛУГ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

ВАСИЛЕНКО Д.М.

аспирант,
Северо-Кавказская академия государственной службы
филиал в г. Пятигорск,
e-mail: certum@mail.ru

Роль Северо-Кавказского банка Сбербанка России в снижении политических и экономических рисков в развитии Ставропольского края и Северо-Кавказского федерального округа с учетом анализа федеральных, краевых и ведомственных программ развития в контексте оценки перспектив развития банковского сектора региона очень велика.

Ключевые слова: рынок банковских услуг; сбербанк России; Ставропольский край; Северо-Кавказский федеральный округ; программы развития; институциональные проблемы; перспективы развития.

The role of the North Caucasian branch of Savings Bank in decrease in political and economic risks in development of Stavropol region and the North Caucasian federal district taking into account the analysis of federal, regional and departmental programs of development in a context of prospects' estimation for bank sector development in the region is very great.

Keywords: the market of bank services; Savings Bank of Russian Federation; Stavropol region; North Caucasian federal district; development programs; institutional problems; development prospects.

Коды классификатора JEL: G21.

Российский рынок банковских услуг и отечественные финансовые институты в условиях мировой экономической нестабильности оказались в состоянии проверки на прочность. Как отметили представители «Агентства по страхованию вкладов» на заседании комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, «СКФО оказался единственным в стране, где в период кризиса и после его завершения не обанкротился ни один банк. Это очень хороший показатель деятельности банковской системы региона» [16]. В целом угроза банкротства финансовых организаций обошла Ставропольский край стороной. Данное обстоятельство во многом объясняется присутствием на региональном уровне крупных игроков, среди которых — мегаоператор рынка банковских услуг — Северо-Кавказский банк Сбербанка России.

Тезис о том, что история Ставропольского края, как и всего Северо-Кавказского региона, со второй половины XIX столетия неразрывно связана с деятельностью Сбербанка, совершенно справедлив. Первая сберегательная касса на Северном Кавказе была открыта в 1886 г. в г. Ставрополе [12]. Филиальная сеть стремительно развивалась и уже к 1911 г. насчитывала десятки структурных подразделений. На сегодняшний день Северо-Кавказский банк Сбербанка России имеет уже 1700 различных структурных подразделений [15].

Банковский сектор экономики Ставропольского края начал новый этап развития в начале 90-х гг. XX века. Именно в этот период Сберегательный банк из специализированного стал универсальным. В силу повышенного уровня политических и экономических рисков в регионе особенно значима роль Северо-Кавказского банка СБ РФ. Высокий уровень социальной ответственности Сбербанка в Ставропольском крае позволил усилить его рейтинговые позиции, сделал более конструктивным взаимодействие с государственными структурами, облегчил получение кредитов, расширил клиентскую базу, позволил укрепить партнерские связи.

За последние годы банк достиг высоких результатов. Одним из факторов, способствовавших этому процессу, стало взаимопонимание государства и бизнеса. К концу 2007 г. пассивы Сбербанка на три четверти состояли из средств частных лиц, а 75% кредитного портфеля составляли ссуды корпоративным

клиентам. В сложившейся ситуации перед банком была поставлена задача активнее кредитовать население за счет размещенных в банке депозитов. Результаты не заставили себя долго ждать. В 2010 г. жители Северо-Кавказского региона доверили банку 23 млрд руб., при этом кредитов физическим лицам было выдано на сумму около 21,6 млрд руб. [1]. Всего доля банка на рынке частных вкладов составляет более 75%, а также около 40% всех депозитов юридических лиц [13].

Северо-Кавказский банк Сбербанка России активно участвует в финансировании федеральных, региональных, экономических и социальных программ, предоставляет комплекс услуг для юридических лиц и населения, осуществляет свою деятельность с применением современных финансовых и электронных технологий, постоянно добивается повышения эффективности и культуры обслуживания клиентов. Он принимает активное участие в реализации национального проекта «Жилище» на 2002–2010 гг. на всей территории Ставропольского края. В рамках «Государственной программы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг.» Северо-Кавказский банк СБ РФ кредитует 36 проектов (по состоянию на 01.08.09 г.), а также работает на территории всех обслуживаемых субъектов РФ по реализации федеральной целевой программы «Развитие АПК» в части кредитования физических лиц на развитие личных подсобных хозяйств.

В связи с особой социально-экономической миссией Сбербанка СБ РФ его политика должна сводить к минимуму портфельные диспропорции, а отношение к работе с клиентами нацелено на глубокое понимание и эффективное удовлетворение их потребностей [11]. Однако работа с населением требует гораздо больших усилий. «Одно дело — выдать кредит на миллиард, другое — выдать ту же самую сумму мелким заемщикам. Тут нужно увеличивать численность персонала, нужны офисы, реклама», — подчеркнул глава ЦБ РФ, председатель наблюдательного совета Сбербанка С. Игнатьев. По его словам, объем кредитов, предоставленных Сбербанком населению, каждый год удваивается, и Центробанк это вполне устраивает [8].

В настоящее время на Северном Кавказе реализуется стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. В части развития банковского сектора программа предусматривает: увеличение количества кредитных организаций и точек банковского обслуживания до среднероссийских показателей в расчете на душу населения, повышение конкурентоспособности кредитных организаций; повышение популярности банковских услуг, а также уровня доверия местного населения к банковской системе, в том числе через усиление требований к банковскому надзору и проведение образовательной работы с населением; развитие рынка потребительского кредитования и кредитования организаций, его либерализация. На сегодняшний день этому во многом препятствуют не высокие ставки, а высокие требования при выдаче кредитов, отсутствие кредитных историй и четких бизнес-планов у организаций; сокращение наличного денежного оборота в Северо-Кавказском федеральном округе через перевод бюджетных организаций на выплату заработной платы с использованием банковских карт [5].

На наш взгляд, количество банковских учреждений в регионе будет уменьшаться при сохранении имеющих место тенденций. Качество сервиса будет, предположительно, увеличиваться за счет наличия конкуренции как таковой. В свою очередь, повышение спроса на банковские услуги возникнет у незанятых граждан только при условии участия в создании материальных благ либо в случае повышения дотационных расходов федерального бюджета. С учетом повышения прозрачности банковского сектора посредством внедрения международных стандартов отчетности участие в теневом секторе, в котором большей частью оказалась экономика региона, представляется затруднительным.

Что касается второго направления развития — образовательной работы с населением и повышения доверия населения к банкам, то здесь уместна диаметрально противоположная постановка проблемы. Образованием граждан региона должны заниматься специализирующиеся на этом учреждения, а доверие должно генерировать само население, которое в силу институциональной незрелости местных бизнес-элит пока еще не претендует на роль активных участников процесса модернизации экономики.

Кредитование юридических лиц, по нашему мнению, будет расширяться в случае сохранения современных тенденций по причине недостатка оборотных средств у предприятий. Что касается физических лиц, то здесь налицо замедленный рост показателей. Качественное изменение последних маловероятно; напротив, количественный рост представляется более реальным. Продолжение работы со стороны банков с уже имеющейся клиентской базой по-прежнему будет предпочтительнее неоправданного доверия к потенциальным участникам легализации доходов, пока ФЗ № 115 имеет юридическую силу [6].

Как представляется, задача сокращения наличного оборота денежных средств имеет реальные предпосылки для решения. Здесь пересекаются интересы государства, банков, юридических и физических лиц. Для граждан, например, будет облегчен доступ к социальным услугам посредством целевого финансирования через систему электронных карт. Станет возможным оптимизировать работу федеральных учреждений посредством упразднения их функций по распределению бюджетных трансфертов и инвестиций. «Но у такой стратегии будет очень много врагов. Особенно, когда эти деньги заняты у будущего, перед которым отвечать придется не нам» [3].

В Ставропольском крае создается фонд для финансирования инновационных проектов. Если венчурный фонд выделит 40% необходимых для реализации проекта средств, то территориальный банк Северо-

Кавказского банка СБ РФ сможет уже всерьез рассматривать вопрос о предоставлении оставшихся 60% даже на начальном этапе [7]. С развитием этих фондов начнет реально работать механизм развития инновационного бизнеса.

Главными областями научных изысканий, которые получают поддержку фонда, станут сферы нанотехнологий, биотехнологий, АПК и фармацевтики. В Ставропольском крае пока еще отсутствуют реальные механизмы венчурного финансирования. Правительство Ставропольского края уже достигло договоренности с госкорпорацией «Российская корпорация нанотехнологий» (РОСНАНО) и Российским банком развития (РосБР) по созданию регионального венчурного фонда. Финансирование инновационных проектов будет осуществляться посредством долевого участия. Планируется выделение 35% средств РОСНАНО, 35% — РосБР, 15% — из бюджета Ставропольского края, 15% — из бюджета РФ. Поскольку фонд создается в форме закрытого паевого инвестиционного фонда (ЗПИФ), возможно увеличение его уставного капитала и, соответственно, привлечение других инвесторов: «Создание фонда позволит обеспечить софинансирование около полусотни инновационных проектов, что создаст условия для разработки и дальнейшего внедрения в серийное производство принципиально новой, наукоемкой продукции», — отметили в Минэкономразвития Ставропольского края [7].

Передовые разработки в области нанотехнологий на Ставрополье имеются в Северо-Кавказском государственном техническом университете и на предприятии «Монокристалл» в строительстве дорог, в производстве электронных устройств, выпуске солнечных батарей. На Ставрополье в 2007 г. создана особая экономическая зона (ОЭЗ) [4], что является значимым событием в Северо-Кавказском макрорегионе, поскольку предыдущий опыт создания ОЭЗ в Ингушетии оставил желать лучшего.

При снижении геополитического риска в соседних республиках региональный рынок банковских услуг Ставропольского края получит новый импульс. Предстоит также серьезная работа по повышению степени зрелости институциональной среды, потому что одного количественного роста бюджетов при избытке неквалифицированных трудовых ресурсов для модернизации экономики республик Северного Кавказа недостаточно.

По данным агентства «Интерфакс» [10], в Кабардино-Балкарии реализуется проект строительства тепличного комплекса по выращиванию овощей с применением гидропонии. Около 1,3 млрд руб. уже выделено и освоено. Кредитует данный проект Северо-Кавказский банк СБ РФ [7]. При этом предприятие АПК получает федеральные и республиканские субсидии. Действительно, идея инновационная, поддержка реальная, результат высокий — созданы новые рабочие места и производится сельхозпродукция. Однако имеется и обратный эффект, который заключается в неконкурентоспособности домашних и фермерских хозяйств соседних районов. В итоге хозяйства становятся нерентабельными, а граждане в условиях трудоизбыточного региона лишаются единственных средств к существованию. Данное обстоятельство негативно отражается на социально-экономическом развитии субъекта РФ. Следовательно, вопросам развития региональной экономики надо уделять более пристальное внимание еще на уровне разработки и принятия решений в органах власти.

Очередным проектом Северо-Кавказского банка стал новый кредитный продукт для малого бизнеса «Доверие», призванный стимулировать объекты предпринимательской деятельности при поддержке бизнес-инкубаторов и технопарков. У него есть существенное преимущество — он не требует залога. В регионе пока известен единственный бизнес-инкубатор в Ставрополе. Что касается технопарков, первый из них в процессе создания. Его появление имеет прямое отношение к венчурному фонду. Сбербанком поставлено условие, по которому заемные средства предприниматели смогут получить только при наличии годовых оборотов по счету, в 60 раз превышающих максимальную сумму кредита [14]. Время покажет, будет ли пользоваться спросом данный продукт на рынке банковских услуг.

В Ставропольском крае реализуется региональная целевая программа «Дополнительные меры по содействию самозанятости безработных граждан, направленные на снижение напряженности на рынке труда Ставропольского края в 2011 году». Осуществляется данная программа в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14.12.2009 г. № 1011 «О предоставлении в 2010 и 2011 годах субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации». Помимо Управления государственной службы занятости населения, поддержку предпринимателям в регионе оказывают ГУП «Гарантийный фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае», НКО «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае», Торгово-промышленная Палата Ставропольского края, Минэкономразвития Ставропольского края, которые в случае отлаженной работы механизма финансирования субъектов предпринимательства смогут обеспечить снижение процентной ставки по ссудам вдвое ниже ставки рефинансирования [9].

В связи с тем, что Северо-Кавказский банк Сбербанка России осуществляет свою деятельность в Северо-Кавказском федеральном округе, нужно подчеркнуть важный фактор, оказывающий существенное влияние на деятельность мегаоператора рынка банковских услуг. Это — занятость населения. По методике Международной организации труда, уровень безработицы в округе равен 20% [2]. Рождае-

мость в СКФО — самая высокая в России; данное обстоятельство усложняет ситуацию на рынке труда в федеральном округе, где доля сельского населения «...зашкаливает за 50% (для сравнения в целом по России — 26,9%), следует больше внимания уделять самозанятости, убеждать людей открывать свое дело, предлагать для освоения свободные экономические ниши, подумать о миграции трудовых ресурсов в другие регионы, где рабочих рук не хватает, а особо — о молодежной занятости» — заключили специалисты аппарата Полномочного представителя Президента в СКФО.

Решить проблему безработицы в округе сложно, что предъявляет дополнительные требования к банковским операторам. Приоритетное направление бизнеса в регионе — сфера АПК — также еще не получает в должной мере кредитную поддержку на развитие. Северо-Кавказскому банку СБ РФ для выполнения бизнес-плана приходится увеличивать долю операций с более высокими ставками по ссудам и за обслуживание кредитов, повышать расценки по расчетно-кассовому обслуживанию, инкассации и, сокращая персонал, прибегать к другим источникам извлечения прибыли, включая продажу серийных лотерей и других не столь широко применяемых в настоящее время на российском рынке банковских продуктов.

Следовательно, на региональном рынке банковских услуг Ставропольского края увеличивается значимость услуг Северо-Кавказского банка СБ РФ, в контексте доминанты социально-ориентированной составляющей региональной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Кавказ-экспресс» от 28.01.2011 г. // Интернет ресурс: <http://kavkaz-expres.ru/business/1436-roznichnyj-biznes-severo-kavkazskogo-banka.html>.
2. Конкурентное преимущество // «Ставропольская правда», 17.04.2010 г. № 77 (24977).
3. Купить реформы // «Ведомости Северный Кавказ», 15.09.2010 г. // Интернет ресурс: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/245683/kupit_reformy.
4. По материалам Минэкономразвития Ставропольского края // Интернет ресурс: <http://stavinvest.ru>.
5. Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 года, 06.09.10. № 1485-р.
6. ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» № 115 от 07.08.2001 г.
7. «Эксперт-Юг» № 43 (132). 08.11.2010 г. // Интернет ресурс: <http://www.expert.ru/south/2010/43/gavrilov/>.
8. Круговорот денег. Компромат. Ru // Интернет ресурс: http://www.compromat.ru/page_17972.htm.
9. Представление целевых займов // Интернет ресурс: <http://www.incubator72.ru/business-support/loans/>.
10. Интерфакс — Юг и Северный — Кавказ // Интернет ресурс: <http://www.interfax-russia.ru/South/exclusives.asp?id=202419>.
11. Бизнес и обучение в России. Клиентоориентированность, в чем суть? // Интернет ресурс: http://www.rosbo.ru/articles.php?cat_id=2&id=2.
12. Сбербанк России: История Северо — Кавказского банка // Интернет ресурс: http://www.sbrf.ru/alania/ru/about/tb_history/?from114=2.
13. Сбербанк России: Северо-Кавказский банк сегодня // Интернет ресурс: http://sbrf.ru/alania/ru/about/tb_today/.
14. Сбербанк России: Кредит «Доверие» // Интернет ресурс: http://www.sbrf.ru/moscow/ru/s_m_business/credits/new/doverie/.
15. Сбербанк России: паспорт региона // Интернет ресурс: <http://www.sbrf.ru/stavropol/ru/territory/skb/passport/>.
16. Ставрополье. Банковская система СКФО оказалась самой надежной в стране // Интернет ресурс: <http://stavropolye.tv/sfdnews/view/26313>.

УСТОЙЧИВОЕ И КОМПЛЕКСНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ГОСУДАРСТВО, РЕГИОН, МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ВИЛЬЧИНСКАЯ О.В.

кандидат экономических наук, доцент,
«Кубанский государственный технологический университет»,
Новороссийский политехнический институт (филиал),
e-mail: poleshova@yahoo.com;

ХРАБРОВ Е.А.

аспирант,
«Кубанский государственный технологический университет»,
Новороссийский политехнический институт (филиал),
e-mail: gkeaper-ya@mail.ru;

ГУСЕВ Е.А.

аспирант,
«Кубанский государственный технологический университет»,
Новороссийский политехнический институт (филиал),
e-mail: gusev.jeka@gmail.com

В статье рассмотрены теория и практика формирования механизма устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований. Обоснована взаимосвязь государственного, регионального и муниципального управления. Определено и уточнено содержание основных научных категорий.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; устойчивость; комплексность; концепция; стратегия; программа.

This article contains information about theory and practice of forming mechanism of sustainable and integrated socio-economic development of the municipalities. The relationship is based on State, regional and municipal management. Defined and clarified the fundamental scientific categories.

Keywords: socio-economic development; sustainability; comprehensiveness; vision; strategy; program.

Коды классификатора JEL: O11, O15, R11.

В последние десятилетия теория устойчивого развития стала одним из самых приоритетных, быстро развивающихся и популярных направлений науки, получившим поддержку на международном, государственном (национальном), региональном и муниципальном уровнях.

Понятие «устойчивое развитие» вошло в лексикон мирового сообщества в 1987 г. после публикации доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Брундланд) «Наше будущее», в котором дано следующее определение: «устойчивое развитие — удовлетворение потребности сегодняшнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять их собственные потребности» [5]. Сформулированная в докладе концепция устойчивого развития представлена как модель социально-экономического развития, которая «позволит странам отойти от нынешних, зачастую разрушительных процессов роста и развития, и двинуться в направлении устойчивого развития», главными условиями которого являются: приоритетность качественных показателей (качества жизни) перед количественным (численностью, потреблением); сохранение биологического и культурного разнообразия; согласование природопользования с эволюционной периодичностью природных процессов.

Существуют десятки определений дефиниции «устойчивое развитие», которые отличаются очевидным разнообразием. Наиболее отчетливо обозначились два подхода — «экологически устойчивое развитие» и «устойчивое социально-экономическое развитие». В первом случае в качестве главного условия развития на устойчивой основе (и соответственно объекта управления) выступают обеспечение экологической безопасности и охрана природных ресурсов. Во втором случае функцию предпосылок устойчивого развития должны выполнять обеспечение социального прогресса, повышение экономической эффективности, достижение высокой эколого-ресурсной эффективности [11, с. 10].

В отечественной практике определение «устойчивого развития» отражено в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию» (Указ Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 г.). В соответствии с ней: «Устойчивое развитие — это стабильное социально-экономическое развитие, не нарушающее своей природной основы» [6]. В основу концепции устойчивого развития положено триединство экономических, социальных и экологических целей. Также в Концепции отмечается: «Переход к устойчивому развитию Российской Федерации в целом возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов».

21 июля 2006 г. принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ». Цель разработки Концепции — определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе (2008–2020 гг.), укрепления позиций России в мировом сообществе. Устойчивое развитие в Концепции рассматривается как возможность реализации стратегии выживания и непрерывающегося развития страны и цивилизации в целом в условиях сохранения окружающей природной среды.

В условиях современного государственного устройства России система управления устойчивым комплексным социально-экономическим развитием России представляет собой комплекс муниципальных, региональных и субфедеральных (межрегиональных) систем управления развитием соответствующих территорий (муниципальных образований, регионов и федеральных округов).

Отметим, что устойчивое социально-экономическое развитие государства должно быть основано на взаимосвязи и взаимообусловленности развития страны в целом, отдельных регионов и муниципальных образований. Особенно важна взаимосвязь задач регионального и муниципального развития. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты социально-экономической деятельности региона расположены на территории конкретных муниципальных образований. Именно здесь протекают основные процессы социально-экономического развития. Происходящие в Российской Федерации изменения в общественно-политической и социально-экономической сферах тесным образом связаны со становлением и развитием муниципальных образований [1]. Экономические преобразования, осуществляемые в России, объективно требуют внесения изменений в методологию и практику муниципального управления, поиск новых инструментов и методов управления в целях реализации устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований.

На заседании Совета по местному самоуправлению при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ (весна 2009 г.) выделены наиболее проблемные вопросы перехода муниципальных образований на режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития [2]:

- ◆ неопределенность государственной региональной политики;
- ◆ неопределенность содержания ряда понятий (в том числе понятий: «комплексное социально-экономическое развитие муниципальных образований», «устойчивое развитие муниципальных образований», «план (программа) комплексного социально-экономического развития муниципального образования»);
- ◆ недостаточный объем компетенции органов МСУ для обеспечения перехода муниципальных образований на режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития;
- ◆ неотработанность правовой процедуры разработки и принятия программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований (в том числе, имеющие место противоречия в законодательстве);
- ◆ вопросы взаимодействия органов местного самоуправления с населением и его общественными объединениями в процессе разработки и реализации планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований;
- ◆ вопросы контроля со стороны населения за реализацией принятых планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований;
- ◆ организационное и правовое обеспечение взаимодействия органов МСУ с субъектами экономической деятельности, заинтересованными в социально-экономическом развитии муниципальных образований;
- ◆ развитие экономической основы устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований;
- ◆ механизмы финансирования работ по разработке планов и программ устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований;

- ◆ механизмы стимулирования органов МСУ на разворачивание деятельности по переходу муниципальных образований на режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития;
- ◆ организация управления устойчивым и комплексным социально-экономическим развитием муниципальных образований (в том числе, информационное и методическое обеспечение, оптимизация системы и структуры органов МСУ, организация межмуниципального сотрудничества);
- ◆ правовая неопределенность порядка взаимодействия органов МСУ и органов государственной власти по переходу муниципальных образований и регионов на режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития;
- ◆ анализ возможных направлений кризисного развития муниципальных образований и выработка рекомендаций по принятию антикризисных мер.

Предполагается, что приведенный перечень вопросов послужит базой для формирования государственной политики перехода муниципальных образований России на режим устойчивого развития.

Система централизованного планирования экономики, существовавшая в России несколько десятилетий, была разрушена. Прекратилось директивное планирование показателей социально-экономического развития городов. В изменившихся социально-экономических условиях, местные сообщества, органы местного самоуправления (МСУ) фактически столкнулись с отсутствием нормативно-правовой базы и научно проработанных концепций развития. Такое положение существовало до появления в середине 90-х гг. базовых законодательных актов, в первую очередь Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которым функция разработки и реализации программ комплексного социально-экономического развития, стала одной из основных функций органов МСУ. Однако в законе не содержится трактовки понятия «комплексное социально-экономическое развитие муниципальных образований». В этой связи необходимо формирование понятийного аппарата.

Обозначим основные научные категории. В своей современной трактовке категория «развитие» предстает в форме взаимосвязанного единства как минимум трех характеристик: изменений, роста и улучшения.

Любое развитие закономерно влечет за собой разноплановые структурные изменения внутри системы. Если эти изменения ведут к техническому прогрессу, повышению качества продукции и т.д., то они становятся источником определенного роста. В то же время рост сам по себе, понимаемый, прежде всего, как увеличение объемов производства, еще не является подлинным развитием. Если в муниципальном хозяйстве вместо крупной «грязной» отрасли промышленности появится мелкая, но более «чистая» отрасль, то именно последняя становится источником развития территории, хотя количественные показатели, например общая занятость, в этом случае уменьшаются. То есть, в данном случае, развитием может стать не всякий рост, а только тот, который имеет наиболее высокий социальный результат, т.е. приводит к улучшению качества жизни населения. Таким образом, под развитием понимается комплекс или частичное изменение среды, сопровождающееся определенным ростом и улучшением социально-экономических показателей системы [10].

Содержание самого понятия «рост» в настоящее время расширилось, наметились признаки двойственного его толкования: с одной стороны, рост в узком понимании термина, то есть сугубо количественное приращение национального продукта за счет действия разнообразных экономических факторов, а с другой — широкое понимание процессов изменений, обусловленных и экономическими, и внеэкономическими факторами [9].

В отношении категории «экономические основы местного самоуправления» термин «устойчивое развитие» имеет смысл понимать более широко — не просто как достижение гармонии местных сообществ с окружающей средой при осуществлении воспроизводственного процесса, а как формирование прочной финансово-экономической базы местного самоуправления с учетом интересов и потребностей будущих поколений. При этом устойчивость следует трактовать как сопротивляемость конкретного направления экономической деятельности муниципалитета внешним и внутренним негативным политическим и экономическим факторам [3]. Управление устойчивым развитием муниципального образования — это согласованное воздействие различных субъектов на процессы, протекающие в муниципальном образовании для достижения экономических, социальных и экологических целей. В современных условиях устойчивое и комплексное социально-экономическое развитие города является важной стратегической составляющей муниципального управления [8].

Содержание понятия «комплексное социально-экономическое развитие территории» в своей основе представляет собой совокупность процессов взаимодействия человека, социальных систем и среды обитания. Таким образом, понятие «комплексное социально-экономическое развитие» и «устойчивое развитие» имеют общую первопричину своего появления — необходимость описания процессов взаимодействия человека и его среды обитания. Однако история происхождения этих понятий различна. Различаются и задачи, для решения которых они были введены в оборот [7].

Остановимся на трактовке аспекта комплексности в понятии «комплексное развитие». Отправным пунктом в этом может служить оценка степени гармонизации уровней показателей, характеризующих

отдельные компоненты социально-экономического развития муниципальных образований, исходя из концепции потребностей. Последние многочисленны и многообразны. Было бы неверным считать, что достижимо их полное удовлетворение. Препятствием этому является ограниченность экономических, ресурсных, экологических и других предпосылок. Тем не менее, в муниципальных образованиях может быть достигнуто состояние соразмеренного уровня отдельных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие, которое позволяет считать его достаточно гармонизированным. Проявляется это в активном функционировании экономики и социальной сферы, отсутствии агонизирующих отраслей муниципального хозяйства и т.д. Таким образом, понятие «комплексность» в отношении социально-экономического развития следует понимать как состояние социально-экономического развития муниципальных образований, характеризующееся соразмеренным и пропорциональным уровнем отдельных компонентов развития, и одновременно положительными тенденциями их изменения.

Содержательное значение понятия «социально-экономическое развитие» представляет не только теоретический, но и практический интерес, поскольку оно прямо связано с функциями органов МСУ. Можно выделить несколько концепций, отражающих различные подходы к трактовке этой категории.

- ◆ под комплексным социально-экономическим развитием понимается развитие инфраструктуры муниципального образования и хозяйственной деятельности органов МСУ посредством управления муниципальной собственностью и ведением собственной хозяйственной деятельности;
- ◆ комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования выступает как «генеральный план застройки» или «генеральный план капитального строительства», что сводится к системе мероприятий, направленных на выполнение конкретных решений;
- ◆ муниципальное образование понимается как целостное социально-экономическое явление, которое имеет свои внутренние законы развития, и понятие «комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования» относится ко всем сферам жизнедеятельности муниципального образования.

Таким образом, основываясь на последней из упомянутых концепций обозначим следующее определение: «Под устойчивым и комплексным социально-экономическим развитием муниципального образования понимается управляемый процесс изменений в различных сферах жизни муниципального образования, направленный на достижение определенного уровня развития социальной и экономической сфер на территории муниципального образования, с наименьшим ущербом для природных ресурсов и наибольшим уровнем удовлетворения коллективных потребностей населения и интересов государства, его сохранение и развитие как целостной эколого-социально-экономической системы в интересах будущих поколений».

В приведенном определении подчеркнута управляемость процесса развития. Все сферы жизнедеятельности муниципального образования испытывают активное воздействие факторов внешней по отношению к муниципальному образованию среды (государство, внешнеполитические факторы, природные воздействия и т.д.) и внутренней среды (население, хозяйствующие субъекты и др.). Многие из этих факторов, например, природные факторы, не поддаются управлению и регулированию и могут лишь учитываться в целях адаптации к ним. Кроме того, интересы некоторых групп населения могут не совпадать с интересами развития местного сообщества в целом и т.д. Нейтрализация негативного влияния таких факторов требует использования комплекса социальных, правовых, экономических мер.

В настоящее время практически все регионы России формируют региональные (территориальные) стратегии развития в соответствии с общенациональной стратегией развития.

В Краснодарском крае 16 апреля 2008 г. был принят Закон «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года». Главная его цель — реализация политических, геостратегических и социально-экономических приоритетов Российской Федерации на Юге России и обеспечение кардинального повышения качества жизни населения края на основе создания потенциала опережающего развития.

Для реализации стратегической цели развития Краснодарского края определены следующие стратегические направления: повышение качества и продолжительности жизни, формирование условий и стимулов для развития человеческого капитала на основе повышения эффективности и конкурентоспособности здравоохранения, образования, жилищного строительства и коммунальной инфраструктуры; обеспечение высоких темпов устойчивого экономического роста края; создание потенциала опережающего развития края для выполнения функции опорного региона в реализации целей Правительства РФ на основе взаимовыгодного межрегионального и международного сотрудничества. В стратегии говорится о важности реализации Краснодарским краем интересов России в зоне Азово-Черноморского и Средиземноморского экономического сотрудничества.

В 2001 г. принят Закон Краснодарского края № 384 (от 29 июня 2001 г.) «О прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Краснодарского края». Данный Закон определяет правовые и организационные основы формирования стратегий развития на территории Краснодарского края и его муниципальных образований. Основными инструментами, предусмотренными этим законом, являются [2]:

- ◆ прогнозы социально-экономического развития (система научно обоснованных представлений о направлениях социально-экономического развития края на перспективу, основанных на законах рыночного хозяйствования и анализе сложившихся тенденций, факторов и условий функционирования экономики края);
- ◆ концепции социально-экономического развития (система представлений о стратегических целях и приоритетах социально-экономической политики на долгосрочный период, о важнейших направлениях и средствах реализации указанных целей);
- ◆ целевые программы (комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, согласованных по ресурсам, исполнителям, срокам осуществления и обеспечивающих эффективное решение приоритетных стратегических задач социально-экономического, научно-технического, инвестиционного, экологического развития края, а также развития внешнеэкономической деятельности);
- ◆ годовые индикативные планы социально-экономического развития (система показателей социально-экономического, научно-технического, инвестиционного, экологического развития, а также развития внешнеэкономической деятельности на предстоящий год, обеспечивающих реализацию целей и приоритетов социально-экономического развития, а также механизмы реализации указанных целей и приоритетов).

Прогнозы и годовые индикативные планы социально-экономического развития разрабатываются исходя из комплексного анализа научно-технического и ресурсного потенциала, развития отраслей экономики, сложившейся социально-экономической ситуации и экономического положения края, целей и задач государственной политики в экономической и социальной сферах. Разработка ведется на основе сценарных условий функционирования экономики Российской Федерации по установленным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти формам и показателям с учетом его методических указаний и рекомендаций.

Прогнозы и годовые индикативные планы социально-экономического развития разрабатываются в целом по Краснодарскому краю и по его муниципальным образованиям. Годовые индикативные планы социально-экономического развития муниципальных образований являются основой для разработки местных бюджетов.

В целях разработки объективных годовых индикативных планов социально-экономического развития муниципальных образований и недопустимости ухудшения условий жизни населения Краснодарского края органам местного самоуправления муниципальных образований рекомендуется осуществлять:

- ежеквартально с нарастающим итогом анализ социально-экономической ситуации на территории муниципального образования;
- согласование с организациями независимо от форм собственности, расположенными на подведомственной территории, муниципальных заказов на производство продукции (работ, услуг), необходимых для удовлетворения коммунально-бытовых и социально-культурных потребностей населения;
- рассмотрение и согласование предложений по размещению новых или расширению и реконструкции действующих промышленных объектов;
- взаимодействие с организациями независимо от форм собственности и получение от них предложений и материалов для разработки прогнозов социально-экономического развития;
- поиск (формирование) дополнительных источников доходов местных бюджетов.

Годовые индикативные планы социально-экономического развития муниципальных образований Краснодарского края на предстоящий год утверждаются представительными органами местного самоуправления муниципальных образований.

Прогнозы и годовые индикативные планы социально-экономического развития разрабатываются в нескольких вариантах с учетом вероятностного воздействия внутренних и внешних политических, экономических и других факторов. Они включают количественные показатели и качественные характеристики развития макроэкономической ситуации, экономической структуры, научно-технического развития, внешнеэкономической деятельности, динамики производства и потребления товаров и услуг, уровня и качества жизни, экологической обстановки, социальной структуры, а также систем образования, здравоохранения и социального обеспечения населения.

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития разрабатывается один раз в пять лет на десятилетний период. Среднесрочный прогноз социально-экономического развития разрабатывается на период от трех до пяти лет и ежегодно корректируется при разработке годового индикативного плана. Основные параметры долгосрочного и среднесрочного прогнозов социально-экономического развития Краснодарского края подлежат опубликованию.

На основе долгосрочного прогноза социально-экономического развития края Администрация Краснодарского края организует разработку концепции социально-экономического развития края на десятилетний период. А эта концепция в свою очередь служит основой разработки целевых программ. Каждая целевая программа должна содержать паспорт программы, включающий краткие сведения о программе и ее основные параметры: наименование, основание для разработки, сведения о заказчике программы,

разработчике программы, координаторе программы, государственных заказчиках и (или) исполнителях программы, цели и задачи, срок реализации программы, объемы и источники финансирования, контроль за выполнением программы. Целевая программа может включать в себя несколько подпрограмм, направленных на решение конкретных задач в рамках программы. Деление краевой целевой программы на подпрограммы осуществляется в зависимости от масштабности и сложности решаемых проблем, а также необходимости рациональной организации их решения.

Таким образом, основным инструментом реализации и управления устойчивым и комплексным социально-экономическим развитием являются прогнозирование, планирование и программирование. Обозначим категорию «управление устойчивым и комплексным социально-экономическим развитием муниципального образования» как управление программами, направленными на развитие различных сфер жизнедеятельности муниципального образования, согласованными между собой по ресурсам, срокам и в соответствии с определенными приоритетами развития, осуществляемое органами местного самоуправления при вовлечении всех прочих заинтересованных участников территориального развития.

Тогда под системой управления устойчивым и комплексным социально-экономическим развитием муниципального образования понимается система, обеспечивающая разработку, реализацию и корректировку программ комплексного социально-экономического развития.

В настоящее время формирование современной системы управления комплексным социально-экономическим развитием территорий связано с решением ряда проблем: необходимо дальнейшее развитие и совершенствование организационного (особенно необходим механизм согласования планов и программ различных уровней (федеральных, региональных, муниципальных), правового, информационного, финансового, методического и методологического обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильчинская О.В. Роль муниципальных образований в социально-экономическом развитии государства и регионов // *Муниципальная власть*. 2006. № 2.
2. Вильчинская О.В., Камбарова Е.А. Муниципальные образования Азово-Черноморского побережья Краснодарского края: современное состояние, проблемы и перспективы устойчивого развития // *Муниципальная власть*. 2010. № 6. С. 79–89.
3. Воронин А.Г., Лапин В.А., Широков А.Н. Основы управления муниципальным хозяйством. М., 1998.
4. Каратаева Е., Родина Н., Яковлев О. Управление развитием: насущные проблемы и возможные варианты решений // *Муниципальная власть*. 2003. № 4.
5. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Новосибирск, 1992.
6. Концепция перехода РФ к устойчивому развитию // *Российская газета*. 9 апр., 1996.
7. Лапин В.А. Актуальные вопросы устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований // *Муниципальная власть*. 2009. № 1. С. 23–24.
8. Рохчин В.Е., Жилкин С. Ф. Стратегический выбор города: научный подход. СПб: ИСЭП РАН, 1998.
9. Тихомирова И.Е. Комплексный подход к оценке устойчивости экономического роста и конкурентоспособности регионов Российской Федерации // *Вопросы статистики*. 2006. № 2.
10. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства. М., 2000.
11. Чистяков В.И., Филбок А.А. Устойчивое развитие городов Азово-Черноморского побережья России в новых геоэкономических условиях: Монография. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ОБРАЗОВАНИЕ» И «ЗДОРОВЬЕ»)

САИЕВ З.А.

аспирант,

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

3
Часть 1
№ 9
Том 9
❖
2011
❖
TERRA ECONOMICUS

В статье Проблемы развития социальной сферы Чеченской Республики (на примере анализа реализации приоритетных национальных проектов «Образование» и «Здоровье») речь идет о приоритетах региональной социально-экономической политики в области финансирования учреждений образования и медицины и трудностях в реализации приоритетных национальных проектов «Образование» и «Здоровье».

Ключевые слова: приоритетные национальные проекты; финансирование социальной сферы; денежные выплаты и поощрения; конкурсные закупки.

In article of the Problem of development of social sphere of the Chechen Republic (on an example of the analysis of realization of priority national projects «Formation» and «Health») it is a question of priorities of regionalnojsotsialno-economic policy in the field of financing of establishments of formation and medicine and difficulties in realization of priority national projects «Formation» and «Health».

Keywords: priority national projects; financing of social sphere; monetary payments and encouragements; competitive purchases.

Коды классификатора JEL: A13, R58, Z13.

Региональные особенности процессов социального развития требуют соответствующих мер государственного регулирования, направленных на создание равных условий для социального развития населения всех регионов РФ и предотвращение возникновения очагов социальной напряженности. Особенностью развития социальной сферы является то, что здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, культура и другие отрасли имеют территориальный характер, т. е. социальные вопросы решаются в основном на уровне органов власти регионов РФ и органов местного самоуправления.

Важнейшими задачами региональной политики в области повышения уровня жизни населения являются создание прочной основы для повышения уровня жизни населения, государственная поддержка малообеспеченных слоев населения в регионах, которые самостоятельно не в силах выполнить эти задачи.

Одним из важнейших условий осуществления задач обеспечения ускоренного экономического роста, создания нормальных условий жизни, роста благосостояния и качества жизни всех слоев населения органы государственной власти Чеченской Республики считают развитие социальной сферы на территории республики, в том числе за счет финансирования приоритетных национальных проектов. Объем финансирования ПНП «Образование» в Чеченской Республике на 2010 г., составлял 519,826 млн руб., в том числе:

- из федерального бюджета 254,662 млн руб.,
- из республиканского бюджета 265,164 млн руб.

В 2010 г. освоено 448,827 млн руб., в том числе:

- ◆ из средств федерального бюджета 207,432 млн руб.,
- ◆ из средств республиканского бюджета 241,395 млн руб.

Таблица 1

Анализ выполнения по финансированию ПНП «Образование», реализуемого в ЧР в 2010 г.

Наименование мероприятий проекта	Плановое значение на 2010 г. для субъекта РФ	Значение на отчетную дату	Федеральный бюджет			Республиканский бюджет		
			План на 2010 г.	Факт. за отчетный период	% от плана	План на 2010 г.	Факт. за отчетный период	% от плана
			млн руб.	млн руб.		млн руб.	млн руб.	
I Направление «Поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования»								
1.2.Поддержка талантливой молодежи	17 чел.	17 чел.	0,510	0,510	100	0,510	0,510	100
1.3.Поощрение лучших учителей	20 чел.	20 чел.	4	4	100	4	4	100
II Направление «Повышение уровня воспитательной работы в школах»								
Выплата дополнительно-го ежемесячного денежного вознаграждения классным руководителям	9902 чел.	10136 чел.	190,562	143,428	75%	169,194	165,442	98%
III Направление «Внедрение современных образовательных технологий»								
3.1.Развитие технической основы современных информационных образовательных технологий, включая подключение к сети Интернет (с оплатой трафика)	419 ОУ	428 ОУ	0	0	0	39,090	36,248	93%
IV Направление «Развитие дистанционного образования детей-инвалидов»								
Организация дистан-ционного образования детей-инвалидов	245	245	59,590	59,494	99,8	52,370	35,195	67%
Всего:			254,662	207,432	81%	265,164	241,395	91%

Приоритетный национальный проект «Образование» (ПНПО) реализуется в Чеченской Республике с 2006 г. (табл. 1). В соответствии с Сетевым графиком по реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2010 г., реализованы следующие мероприятия:

По направлению «Поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования» на мероприятие «Поддержка талантливой молодежи» было предусмотрено — 1,02 млн руб. В 2010 г. 34 человека получили премии для поддержки талантливой молодежи в размере 30 тыс. руб. каждый. Всего за пять лет 88 представителей талантливой молодежи получили премию Президента Российской Федерации, а 68 — премию Президента Чеченской Республики.

В конкурсе на получение денежного поощрения лучшими учителями за высокие достижения в педагогической деятельности, получившие общественное признание, приняли участие 130 учителей республики. По направлению «Повышение уровня воспитательной работы в школах»:

- ◆ на выплату дополнительного ежемесячного денежного вознаграждения классным руководителям бюджету ЧР предоставлена субсидия в размере 190,562 млн руб.;
- ◆ в бюджете ЧР на выплату педагогическим работникам государственных и муниципальных образовательных учреждений за выполнение функций классного руководителя были предусмотрены денежные средства в объеме 169,194 млн руб., из которых на отчетную дату выплачено 165,442 млн руб.
- ◆ 10136 педагогов получают ежемесячное дополнительное вознаграждение за выполнение функций классного руководителя.

По направлению «Внедрение современных образовательных технологий»: В 2006–2010 гг. 428 школ республики подключены к сети Интернет. На отчетную дату все 428 общеобразовательных школ имеют доступ к сети Интернет с трафиком неограниченного объема, в том числе 378 школ за счет средств республиканского бюджета, а 50 школ за счет средств муниципальных бюджетов.

Во исполнение Соглашения № с-297 от 15.09.2009 г. «Об организации работ по внедрению пакета свободного программного обеспечения (ПСПО) в общеобразовательных учреждениях Чеченской Респу-

блики, разработанного в рамках приоритетного национального проекта «Образование» между Федеральным агентством по образованию и Чеченской Республикой», а также в целях организации работ по внедрению пакета свободного программного обеспечения в общеобразовательных учреждениях Чеченской Республики, приказом министерства образования и науки Чеченской Республики от 03.02.2010 г. № 69-п на базе ЧИПКРО создан Центр методической поддержки внедрения в общеобразовательных учреждениях ПСПО, а в каждом общеобразовательном учреждении созданы опытные зоны по внедрению пакета свободного программного обеспечения.

Предпринимаемые министерством образования и науки ЧР шаги по оснащению образовательных учреждений средствами информационно-коммуникационных технологий позволили значительно повысить обеспеченность школ персональными компьютерами.

В тоже время необходимо отметить, что компьютерная техника, поставленная в образовательные учреждения Чеченской Республики в предыдущие годы, сегодня по своим техническим параметрам в большей степени не соответствует современным требованиям.

Реализация данного направления ПНПО выявила и ряд проблем с которыми столкнулись учреждения образования Чеченской Республики:

- устаревшая база компьютерной техники;
- нехватка компьютерной техники — всего в общеобразовательных учреждениях Чеченской Республики насчитывается 5939 компьютеров, что составляет в среднем 1 компьютер на 36 учащихся. Согласно заявкам муниципальных органов, осуществляющих управление в сфере образования, для удовлетворения потребности общеобразовательных учреждений в компьютерной технике необходимо дополнительно более 5200 компьютеров. Для решения данной проблемы необходимо выделить денежные средства в объеме 95 000 000 (девяносто пять миллионов) рублей;
- низкий уровень компетентности педагогических работников, ответственных за внедрение информационных технологий в образовательный процесс;
- отсутствие в общеобразовательных учреждениях квалифицированных специалистов владеющих информационными технологиями;
- несовершенство программ предлагающих школам слишком позднее знакомство с информационными технологиями;
- отсутствие в республике развитой телекоммуникационной инфраструктуры (66% образовательных учреждений, подключены к сети Интернет по спутниковым каналам связи), вследствие чего значительно снижается качество предоставляемых услуг и увеличиваются в три раза расходы на оплату трафика.

Плановый объем финансовых средств определенных на реализацию мероприятий нацпроекта «Здоровье» в Чеченской Республике на 2009 г. составил 603,590 млн рублей. Фактически освоено за отчетный период средств по всем мероприятиям на сумму 559,512 млн руб. (табл. 2).

За отчетный период на базе ГОУ ВПО «Ростовский Государственный Медицинский Университет» профессиональную переподготовку прошли 65 участковых врачей. По направлению «Денежные выплаты врачам участковым терапевтам-педиатрам, врачам общей семейной практики и медицинским сестрам, работающим с указанными врачами». На сегодняшний день в республике всего 163 участковых врачей педиатров и 286 терапевтов (всего 449 чел.), медицинских сестер, работающих с указанными врачами — 896 человек, медсестер терапевтов — 432 чел, педиатров — 464 чел. Объем финансовых средств, использованных учреждениями здравоохранения Чеченской Республики на осуществление денежных выплат медицинским работникам участковой сети, составил — 103,285 млн руб.:

По направлению «Денежные выплаты медицинским работникам ФАПов и СМП» сформирован регистр персонала фельдшерско-акушерских пунктов, врачей, фельдшеров и медицинских сестер скорой медицинской помощи Чеченской республики в количестве 816 чел. На отчетный период медицинским работникам ФАПов и СМП выплачено всего 33,525 млн руб. По программе «родовой сертификат» в учреждениях здравоохранения Чеченской республики оказывается помощь женщинам в период беременности и родов, представлено к оплате по всем талонам 91 921 штук родовых сертификатов на общую сумму 306,220 млн руб.:

В рамках ПНП проводится иммунизация населения. Поступили вакцины:

- ◆ против гриппа — 269 694 тыс. доз на 21,637 млн руб.;
- ◆ против полиомиелита — 86 220 тыс. доз на сумму 26,082 млн руб.;
- ◆ против кори — 39 772 тыс. доз на сумму 1,732 млн руб.;
- ◆ против гепатита В — 142 150 тыс. доз на сумму 9,663 млн руб.

Иммунизировано:

- против полиомиелита — I — вакцинация — 35 981; II — вакцинация — 35 491, III — вакцинация — 34 398;
- против гепатита В — I — вакцинация — 47 380; II — вакцинация — 21 940; III — вакцинация — 17 200;
- против кори — 40 000 чел., против гриппа — 269 700 чел.

Таблица 2

Объем финансирования ПНП «Здоровье» за 2010 год.

	Наименование мероприятий проекта	Федеральный бюджет		% от плана	Республиканский бюджет		% от плана
		План на 2009 г.	Факт на отчетный период		План на 2009 г.	Факт на отчетный период	
I							
1	Осуществление денежных выплат, всего	110 000	103 285	94	0 000	0 000	0
1.1	участковым врачам-терапевтам, участковым врачам-педиатрам, врачам общей (семейной) практики	53 200	51 480	97	0 000	0 000	0
1.2	медицинским сестрам, работающим с названными врачами	56 800	51 805	91	0 000	0 000	0
2	Осуществление денежных выплат медицинскому персоналу (врачам, фельдшерам и медицинским сестрам скорой медицинской помощи), всего	40 456	33 525	83	0 000	0 000	0
5	Обследование населения с целью выявления ВИЧ-инфицированных и инфицированных вирусом гепатита С	14 120	12,545	89	0 000	0 000	0
6	Проведение дополнительной иммунизации населения в рамках Национального календаря профилактических прививок, всего	73 835	59 114	80	0 000	0 000	0
7	Обследование новорожденных детей на галактоземию, муковисцидоз и аденогенитальный синдром	10 892	10 653	98	0 000	0 000	0
8	Оплата медицинской помощи, оказываемой женщинам в период — беременности и родов, всего	322 725	306 220	95	0 000	0 000	0
9	Проведение дополнительной диспансеризации работающих граждан	27 642	29 737	108	0 000	0 000	0
10	Проведение углубленных медицинских осмотров работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными производственными факторами	2 415	2 470	102	0 000	0 000	0
11	Мероприятия направленные на формирование здорового образа жизни, в том числе и сокращение употребление алкоголя и табака, граждан РФ	1 497	1 497	100	0 642	0 642	100
	Проведение диспансеризации пребывающих в стационарных учреждениях детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации	0 466	0 466	100	0	0	0
	Всего	603 590	559 512	93	0 642	0 642	100

Проводится обследование и лечение ВИЧ-инфицированных больных: обследовано всего с начала года 120 257 чел., лечение получают 144 чел. Для лечения и диагностики ВИЧ-инфицированных больных в республику поступило антиретровирусных препаратов — 3 461 упаковок на сумму 9,528 млн руб., тест-систем — 2 987 наборов на сумму 3,018 млн руб.

Дополнительная диспансеризация работающих граждан в республике проводится, на отчетную дату в ТФОМС на оплату по результатам осмотров представлены счета на 28 538 чел., на сумму 29,737 млн руб., что составляет 110,3% от общего числа подлежащих в 2009 г. Так же проводится диспансеризация детей сирот, на сегодняшний день прошедшие составили 706 чел., произведено расходов 0,466 млн руб.

Проблемы реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в Чеченской Республике и пути их решения. Приоритетный национальный проект «Здоровье» направленный на укрепление первичного звена здравоохранения значительно улучшил ситуацию в отрасли в плане оснащения амбулаторно-поликлинических учреждений современным медицинским оборудованием, санитарным автотранспортом,

повысился кадровый потенциал участковой сети — за счет надбавок, предусмотренных в рамках национального проекта, первичное звено пополнилось врачами-терапевтами, педиатрами и средним медицинским персоналом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация о ходе реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» на территории Чеченской Республики за 2010 год.
2. Концепция программы социально-экономического развития Чеченской Республики на 2007–2010 гг.
3. О социально-экономическом положении и ходе восстановительных работа в Чеченской республике. Сборник Госкомстата России. Грозный, 2010.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

АЛИЕВА Е.М.

старший преподаватель,
Чеченский государственный педагогический институт,
e-mail: sapfira_lena@mail.ru

В статье автор рассматривает возможность и эффективность применения кластерного подхода развития производственной сферы в Чеченской Республике, создающего предпосылки конкурентоспособной экономической системы. Предложена организационная структура региональных органов управления, координирующая общее руководство и формирующая позитивную динамику, нацеленную на высокую эффективность региональных органов власти посредством реализации кластерного подхода развития производственной сферы.

Ключевые слова: кластерный подход; кластер; организационная структура; структурная перестройка; инновации; региональная экономика.

The author considers the possibility and efficiency of the cluster approach of the production sphere in the Chechen Republic, which creates prerequisites for a competitive economic system. Proposed organizational structure of regional governments, coordinating the overall direction and forming a positive development, aimed at the high efficiency of regional authorities by implementing the cluster approach of the production sphere.

Keywords: clusters approach; cluster; organizational structure; restructuring; innovation; regional economy.

Коды классификатора JEL: R11, R12.

Экономика рассматривает кластерный подход как эффективный инструмент структурной перестройки экономики, направленный на перераспределение долей между отраслями, с целью комплексного развития экономической системы региона. Кластерный подход основывается на закономерностях экономической интеграции, необходимости значительных финансовых средств, использовании потенциала региона (трудовые, природные, производственные ресурсы инфраструктура). Процесс кластеризации позволяет развивать взаимосвязанные отрасли, которые способствуют росту конкурентоспособности друг друга и формированию конкурентоспособной модели экономики.

В соответствии с теорией М. Портера конкурентоспособность и устойчивое развитие региона или страны следует рассматривать с точки зрения конкурентоспособности не отдельных ее элементов, а именно кластеров — объединений предприятий различных отраслей, способных эффективно использовать внутренние и привлекаемые ресурсы [3].

Кластер — это географически взаимосвязанные компании и связанные с ними институты, действующие в определенной сфере, способствующие развитию его конкурентоспособности с присущими признаками общности деятельности и комплементарности [2]. Кластеры стимулируют значительное повышение производительности и внедрение инноваций.

Структура экономики Чеченской Республики за последние годы существенно изменилась и продолжает трансформироваться. Основными причинами этого явились переход экономики на рыночные рельсы, разрушение предприятий народного хозяйства, политическая нестабильность, что привело к разрыву хозяйственных связей, снижению объемов производства продукции, уровня и качества жизни населения, увеличению численности безработных и в конечном итоге — к глубочайшему кризису экономики, состоянию депрессивности, изолировав регион от экономической жизни страны.

Существующие структурные диспропорции экономики Чеченской Республики потребовали государственной поддержки отраслей жизнеобеспечения на федеральном и региональном уровнях для создания

политически стабильного общества и восстановления экономики и социальной сферы республики. Правительством Российской Федерации и органами государственной власти Чеченской Республики приняты нормативные правовые акты по стабилизации ситуации в республике: федеральные целевые программы «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 г. и последующие годы)», «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 гг.» и др. [5].

Восстановление экономики и социальной сферы в рамках программ было направлено на обеспечение первоочередных мер систем жизнедеятельности населения и создание основ современной промышленности. В ходе реализации программ многие задачи пересматривались и корректировались, некоторые остались не решенными. Основная часть уцелевших и восстановленных предприятий экономики уже приступила к производственной деятельности, выпуская товары народного потребления, хотя они полностью еще не восстановлены.

По итогам реализации данных программ можно сделать следующий вывод: при программировании развития экономики Чеченской Республики не учтена специфика восстановительного роста экономики, заключающаяся в необходимости формирования каркаса будущей саморегулируемой экономической системы. Кроме того, поток инвестиций, направляемых на восстановление и развитие экономики и социальной сферы, завершится, а ориентиры будущего, позволяющие определить место республики в межрегиональном разделении труда, до сих пор не сформированы. Не реализована основная задача программирования — комплексное развитие экономики республики, стимулирующее ее структурную перестройку.

Чеченская Республика располагает уникальными возможностями для создания современной производственной сферы, на основе развития кластеров с использованием современного оборудования, кадрового потенциала и передовых технологий в целях повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности республики.

Применение кластерного подхода в условиях экономики восстановительного роста наиболее актуально вследствие необходимости восстановления предприятий реального сектора экономики и создания точек роста для дальнейшего устойчивого развития хозяйственной системы. Создание кластера предполагает некоторое территориальное ограничение, позволяющее оперативно решить задачи, которые присущи конкретной территории.

Вместе с тем существует ряд условий характерных для экономики восстановительного роста как способствующих, так и негативно влияющих на формирование кластеров. К позитивным условиям можно отнести: существование природных ресурсов; наличие трудовых ресурсов; готовность к интеграции, основанную на исторически сложившихся хозяйственных связях.

К негативным факторам относятся неблагоприятный инвестиционный климат и низкое качество уровня развития ассоциативных структур (торговых палат, промышленных ассоциаций) [1]; краткосрочность планирования кластерного развития согласно действующим нормативным правовым актам, в то время как в условиях восстановительного роста требуется длительный период на формирование кластера; отсутствие доступа к дешевым ресурсам; недостаточная развитость малого бизнеса [4].

Максимально используя конкурентные преимущества и специализацию, в рамках кластерной политики в производственной сфере будет создана эффективная информационная среда, инновационная инфраструктура, особенно для развития бизнеса, включая доступ к новейшим технологиям и базе данных возможных партнеров по бизнесу, в том числе и за рубежом.

Успех развития кластера в условиях экономики восстановительного роста в значительной степени определяется состоянием предпринимательской и институциональной среды. Эти препятствия не просто сокращают количество новых видов бизнеса, но и в силу косвенных эффектов, связанных с недопроизводством валового продукта из-за неэффективного использования ресурсов, экономика теряет на порядок больше средств, в результате чего снижается качество развития [6].

Бизнес, государство и институциональные структуры принимают активное участие в развитии кластеров, что позволяет оптимизировать пропорции в макроэкономической структуре и создать условия для эффективной конкуренции. Кластерный подход выявляет взаимозависимость и коллективную ответственность указанных субъектов экономики в этом процессе.

Успешность реализации задач кластерного подхода выражается в структурной перестройке региональной экономики, реализованной посредством изменения организационной структуры органов власти, координирующей позитивную динамику и нацеленной на повышение эффективности функционирования региональных органов управления при использовании ресурсного потенциала региона, реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития, региональной инновационной политики, изменяющей экономические пропорции структурных элементов: увеличение доли обрабатывающих производств и инфраструктуры в структуре ВРП, снижении численности безработных, создании новых производств в структуре кластеров, перепрофилирование специализации региона.

Эффективность кластерного подхода развития производственной сферы экономики зависит непосредственно от организационной структуры, координирующей общее руководство группы и формирующей позитивную динамику, нацеленной на высокую эффективность региональных органов власти. В этой связи на практике для выбранной стратегии создаются соответствующие структуры — рабочие группы,

координационные советы, независимые эксперты и т.д. Для координации действий и формирования предложений по разработке стратегии развития экономики Чеченской Республики представлена организационная структура на рис. 1.

В условиях экономики восстановительного роста региональный орган управления участвует в выборе приоритетных направлений, имеющих потенциал и способствующих повышению конкурентоспособности производственной сферы экономики, выявлению факторов, воздействующих на развитие конкурентных преимуществ территории, в целях формирования и развития кластеров производственной сферы экономики. Орган управления выступает в качестве организатора взаимодействия, согласовывая интересы государства, науки и бизнеса. В этой связи используются совещания любого уровня, на которых для ознакомления руководителей и специалистов с новыми видами техники, технологиями и технологическими приемами значительная часть времени предоставляется представителям науки, образования, инновационных фирм [8, 43–48], а также осуществляется проработка инновационных предложений.

Важной отличительной чертой кластера является его ориентация на инновационное развитие. Именно органы регионального управления создают инфраструктуру для деятельности кластера, способствующую обмену новыми знаниями и технологиями, а также способствуют развитию факторов конкурентоспособности.

Ценность концепции региональной кластеризации заключается в ее способности представлять систему региональной экономики в качестве единого взаимосвязанного комплекса, предоставляющего возможность принятия управленческих решений [7, 160–167].

Основным преимуществом экономики Чеченской Республики является необходимость восстановления разрушенной хозяйственной системы. Следовательно, региональные органы управления на начальном этапе могут выбирать экономические инструменты и подходы для создания конкурентоспособной экономики, которые на данном этапе менее затратные, чем на этапе сформированной экономики.

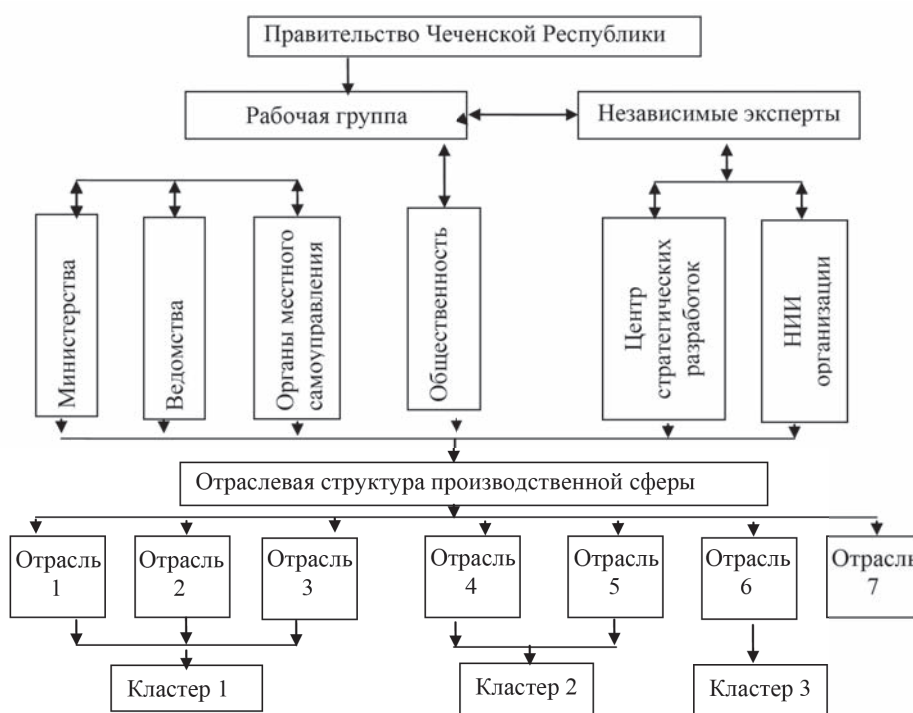

Рис. 1. Схема организационной структуры органов власти региона

Таким образом, региональные органы власти могут добиться успеха на рынке посредством применения кластерного подхода, создавая предпосылки конкурентоспособной производственной сферы экономики Чеченской Республики посредством формирования эффективной организационной структуры органов управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блудова С. Н. Региональные кластеры как способ управления внешнеэкономическим комплексом региона // Вестник СевКавГТУ, Серия «Экономика». 2004. № 2 (13) // © Северо-Кавказский государственный технический университет // Интернет ресурс: <http://www.ncstu.ru>.

2. Дынкин А., Кондратьев В., Газимагоматов Р. Региональная промышленная политика: зарубежный опыт. В сборнике «Современная национальная промышленная политика России: региональный аспект» // Под ред. В. Рудашевского, М.: РСПП, М., 2004.
3. Лизунов В.В. Кластеры как эффективный механизм реализации инновационной политики // Интернет-ресурс: <http://www.o.vgteu.ru/downloads/uploads/cont/2/l:zynov.doc>.
4. Марков Л.С. Проблемы реализации кластерной политики в России // Научный эксперт. 2007. № 4 // Интернет-ресурс: <http://www.cluster-center.ru/about1.html>.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2001 г. № 889 Федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)»; постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2010 г. № 583 Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2011 годы».
6. Симагина О. Вопросы качества экономического развития // Экономист. 2007. № 2. С. 29–36.
7. Скоч А.В. Эффективность кластеризации региональной экономики // Экономические стратегии. 2007. № 5/6. С. 160–167.
8. Суворцев В. Назревшие формы интеграции аграрного производства // Экономист. 2008. № 8. С. 43–48.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И СРАВНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ПЕТРОВА Е.М.

кандидат экономических наук, доцент,
Ставропольский государственный аграрный университет,
e-mail: e.m.stav@mail.ru

В статье рассмотрены существующие подходы к комплексной оценке социально-экономического развития муниципальных образований и проанализированы современные проблемы ее проведения.

Ключевые слова: оценка социально-экономического развития; методики оценки; система показателей (индикаторов).

In article existing approaches to a complex estimation of social and economic development of municipal unions are considered and modern problems of its carrying out are analysed.

Keywords: an estimation of social and economic development; an estimation technique; system of indicators (indicators).

Коды классификатора JEL: R11, R13.

Устойчивое развитие регионов в целом зависит от социально-экономического развития входящих в его состав муниципальных образований. Существующая дифференциация в развитии муниципальных образований затрудняет проведение единой региональной политики и формирование региональных и национального рынков. В сложившихся условиях возникает необходимость разработки новых подходов к исследованию социально-экономических процессов, учитывающих все многообразие местных условий и оказывающих влияние на принятие управленческих решений.

В настоящее время существует множество различных подходов, ориентированных на разработку и применение различных методик оценки социально-экономического развития территорий. Можно выделить три основных подхода к формированию и использованию системы показателей (индикаторов) для оценки социально-экономического развития территории:

- 1) стратегический подход — система показателей (индикаторов), связанная с системой стратегических целей;
- 2) управленческий подход — система показателей (индикаторов) для оценки деятельности органов власти и принятия организационных решений (кадровых, бюджетных, инфраструктурных);
- 3) сравнительный подход — система показателей (индикаторов) для сопоставления уровня развития различных территорий и выработки политики и принятия решений по отдельным направлениям (отраслям).

Стратегический подход к проблеме оценки со стороны органов власти на региональном и муниципальном уровнях основан на необходимости разработки стратегии развития территории в современных условиях. Относительная экономическая стабилизация в стране и накопленный опыт позволяют многим муниципалитетам переориентироваться с решения текущих проблем и проведения институциональных преобразований на стратегическое планирование своего развития. «Антикризисный» характер муниципальных программ постепенно сменяется направленностью на реализацию конкретных проектов, имеющих стратегическое значение для развития территории. Практически в каждом субъекте Российской Федерации разработаны региональные стратегии развития, аналогичная работа ведется в органах местного самоуправления.

Основой мониторинга выполнения Стратегии являются индикаторы результативности мероприятий, сформулированные в рамках стратегических задач. Если по всем частным индикаторам достигнуты необходимые количественные значения, но общая социально-экономическая обстановка в муниципальном образовании не улучшилась, то, очевидно, результаты реализации Стратегии нельзя считать положитель-

ными. Поэтому наряду с индикаторами результативности, позволяющими оценить факт и степень выполнения того или иного комплекса мероприятий в рамках той или иной задачи, целесообразно пользоваться системой индикаторов социально-экономического развития муниципального образования. В отличие от индикаторов результативности мероприятий, индикаторы социально-экономического развития не привязаны к каким-либо конкретным действиям, а характеризуют ситуацию в муниципальном образовании в целом как результат совокупного воздействия комплекса факторов, в том числе и возникающих в ходе реализации Стратегии. Использование системы индикаторов социально-экономического развития муниципального управления позволяет преодолеть ограниченность частных индикаторов результативности, избежать «количественного перекоса», погони за цифрами.

Управленческий подход к оценке социально-экономического развития территории основан на формировании системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ (Указ Президента РФ от 28.06.2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ») и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (Указ Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»). Следует отметить, что большое число показателей относятся к группе индикаторов, характеризующих социально-экономическое развитие территории и коррелируют с показателями эффективности работы органов исполнительной власти субъектов РФ. Значение сводных социально-экономических показателей региона предопределяется значениями агрегированных индикаторов находящихся на его территории муниципальных образований. На основе обобщения поступающих от муниципалитетов отчетов о результатах годовой работы субъект РФ готовит сводный доклад по мониторингу эффективности деятельности органов местного самоуправления, расположенных в его границах.

По своей сути доклады муниципальных образований формируются по типу ДРОНДов: помимо достигнутых показателей за отчетный год (результатов деятельности), городские округа и муниципальные районы должны предоставлять сведения о планируемых значениях данных индикаторов на 3-летний период. Особенность заключается в том, что в подобных докладах не требуется детализация путей достижения плановых значений показателей, а оценка эффективности работы муниципальных образований ведется по единому перечню показателей. Такой подход обеспечивает универсальность оценивания качества работы администраций муниципалитетов по набору ключевых социально-экономических индикаторов, но при этом не учитывается специфика конкретного муниципального образования, зависящая от выбранного вектора развития территории.

Необходимо отметить, что органы исполнительной власти субъектов РФ, выступающие распорядителями бюджетных средств на выдачу грантов городским округам и муниципальным районам в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления, сами практически не могут влиять на состав перечня показателей эффективности работы местных органов власти в плане уточнения, конкретизации и актуализации индикаторов для подведомственных территорий (помимо формирования дополнительных показателей в сфере организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов, благоустройства и озеленения территории, освещения улиц). В текущем варианте методика позволяет оценивать эффективность работы муниципальных образований по основным базовым характеристикам, не претендуя на роль основы комплексной системы мониторинга качества муниципального управления.

Распределение финансовых средств между муниципальными образованиями определяет сравнительный подход к оценке со стороны органов исполнительной власти субъекта РФ. Они заинтересованы в проведении качественной сравнительной оценки социально-экономического развития муниципальных образований, находящихся на территории субъекта РФ, с целью повышения эффективности использования бюджетных средств, передаваемых муниципальным образованиям в рамках решения задач бюджетного регулирования. Потребность в методике комплексной оценки социально-экономического состояния муниципальных образований высока и в целом для муниципального управления, в котором одной из существенных проблем является определение ориентиров: какие направления жизнедеятельности муниципального образования нуждаются в приоритетном развитии; как построить необходимую систему управления; какие применять управленческие технологии; как адекватно реагировать на меняющиеся внешние и внутренние условия [3].

В настоящее время в научной литературе и в нормативных документах субъектов РФ предложены различные методические подходы к оценке социально-экономического развития территорий. Методики оценки отличаются между собой уровнем сложности, методологическими подходами и используемыми технологиями. Они включают статистические процедуры (регрессионный и кластерный анализ), алгоритмы многокритериального ранжирования, экспертные оценки. Существующие методики зависят от сферы применения, решаемых задач и специфики сравниваемых объектов [2].

Большой вклад в изучение региональных социально-экономических процессов вносят российские научно-исследовательские институты и фонды: Институт экономической и социальной политики (г. Москва), Центр стратегических разработок (г. Москва), Леонтьевский центр (г. Москва), Фонд «Институт

экономики города» (г. Москва) и др. Также для изучения ряда социально-экономических процессов в регионах используются зарубежные методики расчета некоторых индексных показателей: расчет индекса развития человеческого потенциала, имиджевые, инвестиционные и кредитные рейтинги, и др.

Однако, при всем многообразии подходов и методик оценки уровня социально-экономического развития, используемых на практике и предлагаемых разными авторами, проблема комплексной оценки на уровне муниципальных образований до сих пор не решена. В результате сравнительного анализа существующих методик оценки социально-экономического развития муниципальных образований установлено, что разные критерии и шкалы оценки не позволяют осуществлять сопоставление состояния муниципальных образований в масштабах всей страны. Масштабные по охвату муниципальных образований исследования используют минимум показателей, увеличение же набора анализируемых показателей, напротив, сужает масштаб исследований. В силу исключительного разнообразия муниципальных образований применять передовой опыт муниципального управления возможно для муниципальных образований со схожими показателями социально-экономического состояния. Но если методика оценки будет базироваться только на специфических показателях, то возможности ее применения будут весьма ограничены. В прикладном аспекте методика комплексной оценки социально-экономического развития муниципальных образований должна разрабатываться совместно с созданием типологии муниципальных образований.

В силу сложности и многоплановости задач в развитии муниципальных образований, на наш взгляд, невозможно создать универсальную методику оценки комплексного социально-экономического развития. Поэтому можно говорить лишь о методических подходах к проведению оценки, определяющих общие принципы и логику оценочной деятельности.

Оценка всегда предполагает сравнение. Поэтому чтобы оценить социально-экономическое положение муниципальных образований в регионах необходима выработка обобщенного (интегрального) показателя. Интегральный показатель уровня развития муниципального образования характеризует состояние его экономики и социальной сферы, степень использования источников и резервы экономического роста для достижения соответствующих социальных результатов.

Учитывая, что интенсивность экономических и социальных процессов в муниципальных образованиях характеризуют динамические показатели, а уровень социально-экономического развития описывается среднестатистическими показателями и различного рода сопоставлениями данных, интегральную оценку следует проводить отдельно по динамическим и отдельно по уровневым показателям. Это позволит при подведении итогов развития муниципальных образований максимально объективно учесть качественные изменения, произошедшие на территории в течение года, обеспечить при этом сопоставимость данных, исключив влияние эффекта низкой базы предыдущего периода (наиболее характерного для блока динамических показателей).

Необходимым условием достижения максимальной объективности оценки уровня и динамики социально-экономического развития муниципальных образований является единая методология формирования данных, включенных в систему показателей, и жесткий контроль на местах за организацией первичного учета показателей. Построение системы оценки социально-экономического развития территорий должна осуществляться на основе следующих принципов: разумной достаточности (перечень атрибутов (показателей) не должен быть чрезмерно длинным); полноты (перечень показателей должен достаточно полно характеризовать систему); независимости (показатели не должны быть функционально взаимосвязаны или значимо скоррелированы); информативности (необходимо отбирать атрибуты, носящие наибольшую смысловую нагрузку); объективности (следует минимизировать количество показателей, оценки значений которых ненадежны или субъективны); иерархии (показатели должны быть сгруппированы по уровням и направлениям (дерево показателей); устойчивости (результаты не должны сильно зависеть от малых возмущений — вариаций числа и значений показателей, а также алгоритмов стандартизации и агрегирования); адаптивности (в системе должна быть предусмотрена возможность корректировки по итогам тестирования и работы); наглядности (результаты должны быть представлены в наглядной форме).

Показатели, используемые в оценке, следует структурировать на два блока. Показатели первого блока «Финансово-экономические показатели» характеризуют состояние экономики, финансовую устойчивость муниципального образования и тенденции его развития. Второй блок «Социальные показатели» характеризует социальную ситуацию в муниципальном образовании: демографические показатели, индикаторы рынка труда, уровня бедности и динамики доходов населения, состояния сферы здравоохранения и образования, уровня преступности, вопросов соцобеспечения граждан и др.

Для оценки социально-экономического положения муниципального образования используется множество показателей, различающихся ролью, значением, методами оценок, измерением, масштабом и т.д. В настоящее время существует большое количество разнообразных источников информации, включающих нормативно-правовую, методическую, аналитическую и статистическую составляющие анализа, на основе данных которых можно проводить исследования внутрирегиональных социально-экономических процессов [1].

Как показывает практика, обычно основным источником информации для оценки социально-экономической ситуации в муниципальном образовании, содержащихся в методиках субъектов РФ и боль-

шинства исследователей, являются данные текущих статистических наблюдений. Однако объем данных, которые собираются и обрабатываются централизованным образом, крайне мал и не удовлетворяет возрастающие потребности в них. Официальная статистика может ответить только на ограниченный круг вопросов, а по мере распространения данных на нижестоящий уровень управления района, городского, сельского поселения набор такой информации сокращается в геометрической прогрессии. Например, публикуемая статистика городов по общему числу показателей почти в пять раз меньше характеристики субъекта Федерации и содержит в 10 раз меньше показателей для административных районов.

Существенные шаги в совершенствовании использования официальных статистических данных для оценки развития регионов и муниципальных образований были сделаны в 2007–2009 гг., когда были утверждены системы показателей для оценки эффективности управления регионами и муниципальными образованиями. Вместе с тем показатели эффективности органов местного самоуправления мало сопоставимы с показателями эффективности органов государственной власти субъектов РФ.

Основной перечень показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ содержит 81 показатель и с учетом вложенных – 155, из которых 25% отражают финансовое обеспечение управления, 18% характеризуют уровень жизни и социальную сферу, по 10% — состояние и развитие здравоохранения и образования (утвержден Указом Президента Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 825). Перечень показателей для оценки деятельности муниципальных органов власти содержит 30 показателей, с учетом вложенных — 60 (утвержден Указом Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607). По существующим формам статистического наблюдения органами государственной статистики возможен расчет 11 показателей. Из 60 показателей 19 — почти одна треть — характеризуют генеральный план, землеустройство и землепользование, способы управления домами и др., т.е. процессы, имеющие важное значение для решения задач муниципального уровня, но не отражаемые в федеральных статистических публикациях.

В настоящее время существует ряд ограничений нормативно-правового и методологического характера, связанных с получением статистических данных по отдельным показателям в разрезе муниципальных образований на основе государственных федеральных статистических наблюдений. Большинство показателей, необходимых для оценки социально-экономического развития муниципальных образований, имеется только по крупным и средним предприятиям. Для расчета макроэкономических показателей на уровне муниципального образования ряд показателей может быть получен только на основе сплошного статистического обследования предприятий, находящихся в границах муниципального образования. Результаты заменяющих сплошные статистические наблюдения выборочных обследований не могут быть репрезентативны на уровне муниципальных образований. Чем меньше территория, тем труднее определить параметры досчета, в частности, скрытой и неформальной деятельности. Применение взамен отсутствующих данных соотношений, полученных на уровне региона в целом, приведет к существенным искажениям реального вклада муниципалитета в экономику, так как производство и типы производителей в муниципальных образованиях неоднородны. Кроме того, существуют проблемы по формированию в разрезе муниципальных образований данных по доходам населения, добавленной стоимости различных отраслей экономики.

Информационное обеспечение органов власти, большая часть которого опирается на данные государственной статистики, должно максимально способствовать процессу принятия решений не только на федеральном уровне, но и в субъектах Федерации, на субрегиональном уровне и в муниципальном образовании. Для этого система показателей должна находиться в зависимости от информационных потребностей соответствующих уровней власти.

Для анализа современного состояния социально-экономического развития регионов и муниципальных образований необходимо, наряду с использованием данных официальной российской статистики, использовать опыт зарубежных исследований. Следует отметить, что в развитых странах давно отказались от идеи получить сопоставимую статистику на региональном → районном → муниципальном уровне в силу того, что информационное обеспечение неразрывно связано с вопросами предметов ведения муниципальных образований и полномочий органов местного самоуправления по закрепленным компетенциям. Система показателей, сформированная с учетом мировой практики, может стать основой для формирования целевых критериев качества управления в регионах, корректировки существующей системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления и поиска оптимальных параметров развития социально-экономических процессов на региональном и муниципальном уровнях.

Таким образом, комплексная оценка социально-экономического развития муниципальных образований и создание информационно-аналитической базы позволяет повысить обоснованность принимаемых управленческих решений в контексте взвешенной региональной политики выравнивания территориальных диспропорций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разработка методики комплексной оценки социально-экономического состояния муниципальных образований // Интернет ресурс: [www. articles/2005/043.pdf](http://www.articles/2005/043.pdf).
2. *Сидоров А.А., Силич М.П.* Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 38–44.
3. *Таран О.Л., Киселева О.А.* Формирование системы индикаторов социально-экономического развития региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 3(20).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

ИСМАИЛОВ А.С.

аспирант,
Северо-Кавказская академия государственной службы,
филиал в г. Пятигорск,
e-mail: aslan070@mail.ru

Социальный фактор в развитии экономики регионов России представляет собой важнейший потенциал, способный вызвать прогрессивные изменения и стать основным компонентом экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровнях. Экономическое развитие страны на определенном этапе начинает сопровождаться социальным развитием, когда экономическая сфера исчерпала свои внутренние резервы, а социальный вектор в экономическом развитии получил новое осмысление и высокую значимость, и на первый план выходит трудовой капитал, который обеспечивает инновационный рост.

Ключевые слова: социальный фактор экономического развития; социальная стабильность в регионе; социальное рыночное хозяйство; выравнивание социально-экономического развития регионов; социальная ответственность рыночных субъектов; комплексное и сбалансированное социально-экономическое развитие Чеченской республики.

Social factor in the economic development of regions of Russia It is of a critical potential to cause a progressive change of the and be a key component of economic development as of the federal and regional levels. Economic development at some point starts to be accompanied by social development, to always-economic sphere has exhausted its internal resources and social vector in economic development has received a new meaning and great significance, and at the forefront of labor capital, which is ensured by innovative growth.

Keywords: the social factor of economic development; socially stability in the region; social market economy; equalization of socio-economic development of regions; social responsibility market participants; integrated and balanced socio-economic development of the Chechen republic.

Коды классификатора JEL: R58.

Социальное рыночное хозяйство — это совокупность взаимосвязанных элементов на определенной территории, где экономическая деятельность является средством роста удовлетворения материальных потребностей общества под контролем государства, выражающего общественный интерес при всеобщем правовом равенстве. Если в России не сформировать социально ориентированную рыночную систему, то она для развитых стран так и будет оставаться чуждым элементом, а внутреннее региональное развитие будет направлено не на социальные блага, а на обогащение любыми средствами. Но нельзя назвать социально ориентированным рыночное хозяйство, в котором малая часть населения может удовлетворять любые сверхпотребности, а значительная часть населения не в состоянии, согласно своим доходам, удовлетворить и минимальные потребности, т.е. неравенство начинает носить институциональный характер.

Переход к социальному рыночному хозяйству связан с потребностью и необходимостью институциональных изменений при активном участии государства на уровне федеральной и региональной власти. Институциональные изменения указывают на тот факт, что преобразования формируют новые нормы для всех субъектов рыночных отношений с приоритетами положительных социальных преобразований, когда экономическое развитие является средством социального прогресса. Поэтому государство берет на себя ответственность за социальные преобразования, гарантирует социально приемлемые доходы для общества и определяет возможность социальной мобильности для граждан, когда отсутствуют институциональные препятствия на пути перехода к более высокому социальному статусу.

Следовательно, оценка эффективности социального рыночного хозяйства должна осуществляться по

социальной сфере, по такому синтетическому показателю, как качество жизни, который подразумевает не только уровень доходов национальной системы, ее региональных подсистем, но и уровень, и качество потребления, доступность медицинских услуг, социальные гарантии, безопасность и т.д.

Бизнес, как средствообеспечивающий компонент, является основой эффективности экономики, формирует национальный доход и перспективы экономического развития. Только экономически развитые страны могут построить социально ориентированные рыночные хозяйства. Государство формирует институционально-правовое поле социальной ориентации экономики и следит за его соблюдением. Поэтому важными составляющими национальной системы рыночного хозяйства и его региональных подсистем являются рыночные свободы, конкуренция и хозяйственная ответственность субъектов рыночных отношений на основе частной собственности.

Формирование социального рыночного хозяйства возможно на разных уровнях — на макро- и на мезо-, поскольку любые системные изменения на государственном уровне должны иметь адекватное отражение на уровне региона. Вот почему решение проблемы функционирования и развития экономики России как системы взаимодействующих регионов — актуальная задача, что требует четкой проработки множества аспектов социально-экономических процессов, чтобы предвидеть будущий результат на основе существующих предпосылок трансформационных процессов.

Ведущая характеристика современных прогрессивных тенденций — рост роли человека в системе обеспечивающих факторов производства, что вызывает глубокую социальную смену экономических приоритетов, когда на первый план выходит обеспечение возможно более полного развития и реализации человеческих знаний и способностей, выявление приоритетов региональной социально-экономической политики, направленных на превращение социального фактора в важнейший компонент экономического развития региона.

Необходимо проводить государственную политику по выравниванию социально-экономического развития регионов, поскольку административный протекционизм, характерный для квазирыночных отношений уже не является простым отклонением (случайной институцией) в социально-экономической модели России, а выступает состоявшимся институтом при наличии собственного внутреннего механизма воспроизводства, в том числе и на региональном уровне.

Только разрешение вышеуказанных проблем, характерных как для национальной экономики, так и для экономики регионов, позволит сформировать социальное рыночное хозяйство. Иначе социальный прогресс и экономическое развитие будут иметь для социально-экономической системы России и ее региональных подсистем внесистемный характер.

В противном случае альтернативные издержки такого явления, когда вместо современной системы экономики получится регрессивная модель первоначальной стадии становления капитализма с высокой степенью вовлечения труда в процесс воспроизводства и с минимумом социальных гарантий, как со стороны работодателей, так и со стороны государства, будут очень велики для общества.

Критериями общей оценки эффективности этой стадии являются экономические показатели — развитие экономического потенциала, т. е. факторов и условий производства, а также реализация экономического потенциала, как на национальном уровне, так и на региональном уровне в виде темпов роста ВВП и ВРП. При переходе к социальному рыночному хозяйству необходимы институциональные изменения при активном участии государства на уровне федеральной и региональной власти, которые означают, что формируются новые нормы для всех субъектов рыночных отношений с приоритетами положительных социальных преобразований, а экономическое развитие является средством социального прогресса. В таком случае оценка эффективности социального рыночного хозяйства происходит в социальной сфере по такому параметру, как качество жизни, в том числе и в региональном аспекте.

Формирование социального рыночного хозяйства требует выявления значимых показателей, или критериальных индикаторов, пороговые значения которых выступают как критерии социальной эффективности. Их превышение можно рассматривать как системный сбой системы социальных приоритетов. В России в настоящее время наблюдается нарушение предельно-критических социальных показателей, поэтому на пути формирования социального рыночного хозяйства стоят такие проблемы, как антагонизация социальной структуры, люмпенизация населения, деквалификация рабочей силы, рост социально незащищенных слоев населения, депопуляция, старение населения и криминализация общества.

Развитие экономики может быть социально-устойчивым лишь тогда, если рост благосостояния, социальная стабильность достигаются за счет роста эффективности, где сама эффективность выступает индикатором роста социального. Это основа социальной устойчивости.

Однако достижение такого характера социально-экономического развития неправомерно рассматривать лишь как результат перераспределения между сферой экономики и социальной сферой. Сам характер экономических отношений должен быть таким, чтобы обеспечивать социальную ответственность всех субъектов экономических отношений за социально-устойчивое развитие.

Основной задачей и целью такой политики является формирование социально-устойчивого регионального развития на базе новой модели экономики и социального устройства. Эти цели включают по-

степенный переход к удовлетворению социальных потребностей за счет использования собственных доходов населения, полученных на основе рыночных механизмов, создания для граждан условий, обеспечивающих более высокий уровень потребления, за счет более высокого уровня доходов; определению тех потребностей, которые должны удовлетворяться нерыночным путем. Подобная группа целей связана с созданием общих условий обеспечения социального равенства всех граждан в удовлетворении минимальных социальных потребностей, дающих возможность поддерживать основы жизнедеятельности региона.

Важным признаком современной региональной подсистемы должно стать социально-устойчивое развитие, предполагающее стабильность положения населения при росте его благосостояния. Формирование такой социально-стабильной, устойчивой экономики — ключевая задача региональной политики. Поскольку повышение роли социальной стабильности происходит в период углубления взаимосвязи всех сфер жизни в регионе, социальная нестабильность может быстро вызвать цепную реакцию нарушений во всех экономических процессах.

Рост социальной ответственности рыночных субъектов за экономическую эффективность и социальную устойчивость, изменение характера экономических отношений достигаются, как показывает мировой опыт, при выполнении следующих требований: улучшение экономического и социального положения населения региона в соответствии с ростом деловой активности; достижение оптимального уровня соотношения затрат на экономические и социальные цели по принципу взаимной социальной ответственности за экономическую эффективность и уменьшение риска перекладывания друг на друга забот о социальной устойчивости, и, наконец, участие граждан во владении и в управлении собственностью. Концептуальной основой при формировании социальной ответственности всех субъектов современной модели региональной экономики должна стать конкурентная среда.

Диспаритет социально-экономического развития регионов России породил российский феномен «вынужденного экономического закрепления населения» в своем регионе из-за региональной дифференциации населения по доходам и структуре цен, когда множество граждан не располагает возможностями покинуть неблагоприятные регионы.

Между тем, социальное рыночное хозяйство в стране может быть сформировано только в том случае, когда отдельные регионы также будут обладать сходными социальными транзитами и темпами роста экономики. Причем, общее социально-экономическое пространство требует унификации трансформационных региональных изменений.

Наиболее актуальна данная проблема для депрессивных регионов. В СКФО одним из проблемных регионов является Чечня. Проблемность ее социально-экономического развития обусловлена как внешними, так и внутренними институциональными факторами. Основными из них являются: деградация хозяйственного комплекса региона вследствие многолетнего периода восстановления конституционного порядка; низкие доходы основной части населения региона; социальная незащищенность; низкий уровень развития отраслей социальной сферы.

В настоящее время проблему восстановительного роста экономики этого региона необходимо рассматривать в широком смысле. Формирование новой парадигмы развития Чечни предполагает достижение не только экономических целей. Сбалансированность, координация и единство экономических и социальных преобразований — задача социально-экономической политики и основа успешного развития экономики этого региона. Требуется некий целенаправленный социально-экономический «дуализм», когда развитие экономики и социальной сферы идет равномерно относительно друг друга, а не разбалансированно и не за счет друг друга.

Главная черта любой региональной социально-экономической подсистемы — это долгосрочное устойчивое самовоспроизводимое улучшение социально-экономического положения населения. Только в этом случае региональный социум будет обеспечен необходимой социальной инфраструктурой, также способной к воспроизводству. В этом случае можно говорить о социально ориентированной модели, которая существует за счет своих внутренних региональных ресурсов при минимуме внешних надрегиональных корректировок.

Специфика региональной социально-экономической политики в современной ситуации заключается в том, что на смену воспроизводственному подходу, обеспечивающему комплексное и сбалансированное развитие Чечни, должен прийти селективный подход, основной приоритет которого — адресная поддержка определенного восстановительными целями перечня ключевых направлений регенерации экономики региона и постепенного развития ее способности к самовоспроизводству.

Реализацию социально-экономической политики в Чечне должна обеспечивать эффективная система управления, причем главная цель данной системы на региональном уровне — это оптимизация социально-экономического ее развития как субъекта РФ при выполнении обоснованных внешних обязательств (федеральных задач). Поэтому важнейшим моментом социально-экономического целеполагания является адекватная детализация главной цели до уровня региональных задач.

Формирование на уровне Чечни социального рыночного хозяйства невозможно без осуществления эффективной социально-экономической политики, под которой понимается совокупность производимых

органами исполнительной и законодательной власти управленческих воздействий на процесс с использованием тех или иных способов и законных средств с тем, чтобы ориентировать его на достижение сформулированных целей и параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абубакиров Р.Ф. К разработке концепции и программы долгосрочного социально-экономического развития России // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал, 2008. № 1.
2. Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в России. М.: М-Студио, 2009.
3. Дранникова Е.А. Управление регионом как социально-экономическим пространством // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития российской и зарубежной теории и практики управления и учета». Ставрополь, 2006.

О НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА ВНЕШНИХ РЫНКАХ

СТАСЕВ М.А.

кандидат экономических наук, старший преподаватель, заместитель директора по инновациям и компьютерным технологиям,
Институт экономики и внешнеэкономических связей, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: mastasev@sfedu.ru

Вопросы защиты национальных интересов России на внешних рынках определяют стратегический вектор развития государственной политики. Для реализации данного подхода необходимо выделить основные экономические интересы, оказывающие влияние на конкурентоспособность отечественных производителей на мировом рынке. Эффективность системы мер государственного продвижения национальных производителей напрямую зависит от качества организации и своевременности применяемых мероприятий органами, обеспечивающими регулирование внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая безопасность; независимая экономическая политика; угрозы; макроэкономические показатели; национальные интересы.

The issues of securing Russian national interest in external markets define the strategic frame for governmental policy perspective. Such an approach demands to determine the major economic interests affecting the competitiveness of national producers in world markets. The efficiency of governmental promotion for national producers is strictly depending on the quality and timeliness of the measures provided by organizations responsible for regulating international activities.

Keywords: economic security; promotion of products; regulation of international activities; threats to safety; competitiveness; system of measures; national interest.

Коды классификатора JEL: F52.

Соперничество в удовлетворении национальных интересов предполагает установление благоприятных условий для развития собственной хозяйственной деятельности и удовлетворения потребностей при участии в мирохозяйственных связях. Борьба за лидерство стимулирует различие международной специализации и координации, с одной стороны, и подавление или ограничение возможностей конкурентов любыми способами — с другой. Интеграция в мировое хозяйство определяет формы поведения людей, обязанных учитывать особенности политического и экономического положения партнеров. В этих условиях возрастает регулирующая роль государственных институтов в установлении мер и режимов отношений, которые способствовали бы сохранению экономической самостоятельности в сочетании с традициями устойчивого развития национальной экономики.

Современные международные экономические отношения развиваются под воздействием 4-х главных факторов:

- изменения геополитических векторов мировых взаимосвязей;
- влияния научно-технического прогресса;
- образования геоэкономического пространства с хозяйственной глобализацией;
- мобильности ресурсов труда и капитала.

Внеэкономическая деятельность все более предполагает установление деловых связей на партнерской основе, изучение конъюнктуры с учетом развития потребностей на основе достижений научно-технического прогресса и цивилизации, соблюдения правового режима для участников международного обмена товарами, услугами, информацией, капиталом.

Внеэкономическая деятельность — мобильная форма экономических отношений. С открытостью экономики и либерализацией внешней торговли ее темпы на порядок выше, чем между отечественными хозяйствующими субъектами, хотя логика экономического развития диктует обратное. Внеш-

неэкономическая деятельность представляет собой составную часть реализационного звена (включая технический сервис) воспроизводственного цикла, а потому ее организационное преобразование, приведшее к смене приоритетов и приостановке на определенный период времени управляемости в первую очередь внешней торговлей, обусловило фактическое нарушение каналов сбыта на внешнем рынке товаров и услуг (особенно остро это сказалось на машинотехнической группе товаров и торговле патентами, лицензиями).

Пока в доходах от внешней торговли ведущее место занимают сырьевые ресурсы, перспективы наращивания темпов экономического роста страны ограничены. Это не только влияет на сокращение их потребления на внутреннем рынке и истощение естественных источников, но и искажает ориентацию усилий по развитию обрабатывающих производств и высоких технологий, имеющих большой экономический вес в мировом доходе. Ограничивается и число товарных позиций как показатель концентрации экспорта и преимуществ в конкуренции на мировом рынке.

Россия вывозит около 43% добываемой нефти, 37% природного газа, 32% производимых нефтепродуктов, 70% целлюлозы, 80% минеральных удобрений. К тому же мировые цены подвержены колебаниям. При доле товарной продукции промышленности 28,5% этот комплекс обеспечивает 46% экспорта в страны дальнего зарубежья и две трети налоговых поступлений в федеральный бюджет.

Нарастание темпов торгового обмена в мире подчеркивает значимость внешнеэкономической деятельности для национальной экономики. За 40 лет до Второй мировой войны его объем возрос в 2 раза, а за 50 послевоенных лет — в 30 раз. При этом среднемировой показатель объема товарооборота возрос до 400 долл США на душу населения. Для России его оценивают в 1004, что в 7–10 раз ниже, чем для ведущих экономических стран.

Интересы экономического роста обуславливают поиск новых практических подходов к принятию долгосрочных решений по стратегическим направлениям развития государств, их национальных экономик. Для обеспечения экономически безопасной интеграции России в мировую экономику, необходимо завершить следующие процессы:

- формирование оптимальной структуры экспорта, предполагающий значительное повышение в нем удельного веса и объемов товаров с высокой степенью переработки, высококачественных классных услуг;
- исходя из имеющихся конкурентных преимуществ, выявление и целенаправленное освоение наиболее перспективных для российского экспорта товарных ниш на мировом рынке, концентрация основных усилий и средств для достижения рыночного успеха, а также всемерное развитие производственной кооперации, инжиниринга, лизинга;
- достижение благоприятного торгового режима в отношениях с зарубежными странами и их торгово-экономическими организациями и союзами;
- обеспечение доступа российских предприятий в качестве экспортеров и импортеров на мировые рынки машин, оборудования и технологий, информации и капитала, к транспортным коммуникациям, в том числе на рынки с высокой степенью монополизации или защищенные протекционистскими мерами;
- долгосрочное регулирование валютно-финансовых проблем во взаимоотношениях как со странами и международными организациями-кредиторами, так и с государствами-должниками.

Основой обеспечения этих мер служит система правовых норм, определяющих направления, условия, формы и методы перемещения товаров, услуг, информации и капитала, а также результатов интеллектуального труда между странами, их физическими и юридическими лицами.

Механизм регулирования внешнеэкономической деятельности включает в себя:

- *экономические методы*: таможенные пошлины, таможенные сборы, налог на добавленную стоимость, спецналоги и акцизы;
- *юридическо-административные методы*: лицензирование, квотирование, сертификацию качества товаров, государственную монополию на экспорт и импорт отдельных специфических товаров, т.е. комплекс организационно-правовых и организационно-технических мер, связанных также с перемещением через таможенные границы товаров, капиталов и услуг.

Ведущая роль в реализации механизма внешнеэкономической деятельности и обеспечении экономической безопасности отводится таможенным органам. Новые подходы к организации их работы как самостоятельному и активному элементу хозяйственной деятельности включают проблемы экспортного и импортного контроля, взаимодействия и координации с бюджетно-налоговой, банковской и валютной сферами.

Россия уже сейчас официально превратилась в равноправного партнера западных стран в международной торговле. Однако это еще не свидетельствует о том, что проблема обеспечения действительно равноправного положения решена окончательно. Протекционизм и недобросовестная конкуренция могут перейти из открытой в скрытую форму, затрудняя решение традиционной проблемы передачи технологии. На пути российской наукоемкой продукции на мировые рынки существуют и традиционные тариф-

ные барьеры. Высокий уровень импортных тарифов, применяемых к высокотехнологичной продукции, сдерживает ее экспорт. Следует признать, что предлагаемые зарубежными партнерами варианты взаимного снижения пошлин неприемлемы для российской экономики в ее нынешнем состоянии.

В этих условиях становится еще более актуальным создание новой эффективной и гибкой системы экспортного контроля, которая, как составная часть технологической политики обеспечила бы охрану технологий с точки зрения экономической безопасности и неукоснительное соблюдение международных обязательств. Такая система позволит защитить национально-государственные интересы и как экспортера, так и импортера (в качестве средства противодействия в ответ на дискриминационные меры).

За рубежом решение аналогичной задачи основывается на развитой законодательной базе экспортного контроля. В США действует закон о регулировании экспорта, дополняемый по некоторым вопросам комплексным законом о торговле и конкурентоспособности. В Великобритании, Франции, Германии, Японии вопросы экспортного контроля рассматриваются в общих законах, регулирующих внешнеэкономическую деятельность. При этом данные законы не становятся сводом отсылок к другим законодательным и подзаконным актам, а содержат подробное описание экспортно-импортных процедур, в том числе процедуры регулирования экспорта в интересах национальной безопасности.

Задачи и процедура контроля при пересечении границы основаны на общих принципах свободы экспорта и ответственности за возникновение угрозы международному миру и национальной безопасности. Товары и технологии, подлежащие контролю, включают наукоемкую продукцию, товары и технологии «двойного назначения».

В настоящее время в России функционирует система экспортного контроля, которая охватывает вывоз продукции, технологии и научно-технической информации «двойного назначения»; вывоз товаров и технологий, применимых в производстве оружия массового уничтожения. Кроме того, действует система управления военно-техническим сотрудничеством (включающая поставки вооружений, военных технологий, соответствующей информации и т.д.), которое в ряде случаев регулируется на основе компромиссных соглашений с западными странами-поставщиками технологий в Россию. Это способствует выгодно-му международному сотрудничеству на основе коммерциализации национальных достижений.

Поскольку проблемы экспортного контроля нуждаются в весьма подробной регламентации, целесообразно законодательно закрепить следующие важные положения:

- нарушения общего принципа свободы экспорта допускаются в тех случаях, когда осуществление сделки противоречит международным обязательствам, создает или может создать угрозу международному миру, наносит существенный ущерб экономической безопасности;
- экспорт товаров и технологий, имеющих жизненно важное значение для военной и экономической безопасности страны, подлежит лицензированию. Международный обмен наукоемкой продукцией (независимо от того, осуществляется он в соответствии с торговыми или инвестиционными контрактами) должен носить равноправный и взаимовыгодный характер и соответствовать интересам экономического и технологического развития национальной экономики.

Конкретное регулирование технологического обмена может основываться на принципах взаимности (без ограничения прав российской стороны) и сохранения российской стороной прав на технологии отечественной разработки. Если технология внесена в список стратегически важных для экономической безопасности страны, то цель экспортного контроля должна заключаться в первую очередь не в том, чтобы воспрепятствовать ее использованию страной, а в том, чтобы обеспечить применение на выгодных условиях.

Важное место в процедуре экспортного контроля как составной части единой технологической политики в стране отводится сертификационным характеристикам товарной продукции и ряду факторов, определяющих квалификационные требования:

- ◆ *экономические* — прогнозирование потребности и платежеспособного спроса на продукцию с интересующими рынок характеристиками;
- ◆ *технологические* — соответствие технического уровня продукции при использовании основным показателям безопасности жизнедеятельности;
- ◆ *организационные* — выполнение условий протекционистской политики на определенные товары и услуги.

Соответственно дополняется сфера ответственности таможенной службы по защите экономических интересов государства от прямого материального ущерба, внешних и внутренних угроз его нанесения.

Если кратко охарактеризовать национальные интересы России в важнейших сферах общественной жизнедеятельности, то первоочередного внимания требуют национальные экономические интересы. Они призваны обеспечить устойчивый экономический рост с увеличением ВВП страны до уровня передовых стран (по его совокупному размеру мы уступаем США в 10 и более раз, Китаю — в 5 раз; в пересчете же ВВП на душу населения показатель России, составляющий примерно 3500 долларов, в 5 раз ниже среднего показателя стран «большой семерки»).

Особенно болезненно для перспектив цивилизованного развития общества воспринимаются угрозы экономическим интересам в результате несанкционированной утечки за пределы страны капитала, национальных и культурных ценностей, интеллектуального продукта, а также противозаконные валютные операции, контрабанда оружия, наркотических средств и стратегических материалов. Предупреждение, пресечение этих процессов и явлений становятся важной функцией государственных органов таможенного контроля в осуществлении стратегии экономической безопасности. Реализация этой функции зависит от активного использования известных в мировой практике способов, среди которых можно назвать:

- влияние на структуру ввозимых товаров путем регулирования размера таможенных сборов в зависимости от значимости этих товаров для жизнедеятельности страны. На товары, импорт которых обусловлен необходимостью приоритетного удовлетворения потребностей, таможенные пошлины снижаются или отменяются полностью. На иные товары они могут сохраняться высокими или повышаться при должной аргументации;
- регулирование тарифного положения с учетом состояния расчетного и платежного баланса страны. При этом оценивается возможное косвенное осложняющее проблемы платежного баланса влияние величины тарифов на импортную продукцию;
- защиту национальной экономики от неблагоприятного воздействия иностранной конкуренции из-за отличий по техническим параметрам и затратам на производство продукции и существования ножиц цен на мировом и внутреннем рынке. Для нивелировки уровней мировых и внутренних цен могут использоваться таможенные инструменты, с помощью которых регулируется поступление импортных товаров на внутренний рынок.

В национальных интересах России следует закрыть каналы незаконного вывоза капиталов за рубеж, объем которых достиг примерно 20 млрд долл. США в год, направив их, как и другие скрывающиеся от государства источники доходов, на нужды общества и большинства его граждан; максимально способствовать защите отечественных товаропроизводителей, обеспечить конкурентоспособность российских товаров, повысить долю высокотехнологического производства, как наиболее отвечающего требованиям развития. На долю новых и усовершенствованных технологий в развитых странах приходится от 70 до 85% прироста валового внутреннего продукта. Объем мирового рынка наукоемкой продукции оценивается 2 трлн 300 млрд долларов США, причем 39% этого объема приходится на США, 30% — на Японию и 16% — на Германию. Доля России составляет в этом объеме лишь 0,3% [2].

Не удалось осуществить переход на инновационный путь развития. Сырьевая направленность экономики не только не уменьшилась, но, напротив, усилилась: если в 1995 г. минеральные продукты, основу которых составляют энергоносители — нефть и газ, — в общем объеме российского экспорта составляли 40,4%, в 2000 г. — 54,5%, в 2004 г. — 60,4%, 2007 г. — 68,6%, то в 2008 г. уже 73,4% [4]. В ходе кризиса этот показатель даже уменьшился, составив в 2009 г. 67,4% [5]. Сырьевая составляющая увеличивается в торговле России со многими странами, в том числе с теми, с которыми традиционно из нашей страны экспортировались технологии, машины, оборудование. Так, если в торговле с Китаем еще в 2001 г. экспорт из России машин и оборудования составлял 20,1% в общем объеме экспорта, то уже в 2007 г. только 1,2%, т.е. практически свелся к нулю, в то время как экспорт нефти и нефтепродуктов увеличился за этот период с 10,2% до 53,9%; в то же время импорт из Китая в нашу страну машин и оборудования за это же время вырос с 8,2% до 30,6% в общем объеме импорта [1].

В целях организации эффективной системы инновационного развития необходимо обеспечить развитие инфраструктурных элементов, нормативно-правовой базы, способствующей коммерциализации научно-технических разработок. В настоящее время целый ряд правовых документов, регулирующих хозяйственную деятельность организаций научно-технической сферы, не соответствует решаемым ими инновационным задачам.

Важный элемент национальной инновационной системы — институциональная среда, т.е. совокупность законодательных актов, норм, правил и ведомственных инструкций, определяющих формы и методы взаимодействия занятых инновационной деятельностью, — в России не развита.

Элемент, обеспечивающий взаимодействие производителей интеллектуального продукта с внутренним и внешним рынком (технологические брокеры), вообще отсутствует в национальной инновационной системе.

Во внешнеэкономической сфере национальные интересы России заключаются в расширении выгодного ей товарооборота со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Основные цели государственного регулирования внешнеэкономической деятельности состоят в следующем [3]:

- ◆ содействие повышению производительности труда и качества национальной продукции путем приобретения лицензий и патентов, закупок новых технологий, качественных комплектующих, сырья и материалов, включения российских предприятий в мировую конкуренцию;
- ◆ создание условий доступа российских предпринимателей на мировые рынки посредством оказания государственного, организационного, финансового, информационного содействия;

- ◆ защита национальных внешнеэкономических интересов, защита внутреннего рынка;
- ◆ создание и поддержание благоприятного международного режима во взаимоотношениях с различными государствами и международными организациями.

С принятием закона «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности (1995), цели которого включают и обеспечение экономической безопасности, формируется комплект инструментов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Определяются необходимые правовые инструменты для повышения эффективности и совершенствования деятельности таможенных органов страны.

Важное место принадлежит деятельности таможенных органов в части поступления в бюджет денежных средств от платежей при перемещении ценностей через таможенную границу Российской Федерации и сохранения экономических выгод. Задача этих органов преграждать незаконный вывоз стратегически важных сырьевых товаров, валютных ценностей или невозврат валютной выручки от экспортных и бартерных операций и пресечение контрабанды. Среди перечисленных видов товаров наряду со стратегически важным сырьем рассматриваются алкогольная и табачная продукция, в определенных обстоятельствах — морепродукты и ряд других.

Решение проблем, связанных с задачами таможенного регулирования и контроля, неотделимо от общей ситуации в экономике. Функционирующая система учета, сбора, обработки и анализа информации касается контроля всех хозяйствующих субъектов по установленному кругу товаров. Результаты анализа информации используются при государственном регулировании экспорта и импорта (тарифными и нетарифными методами) и применении соответствующих санкций в случае нарушения установленного порядка внешнеэкономической деятельности и финансовой дисциплины.

Каналы внешнеэкономической деятельности находятся в сфере пристального внимания организованной преступности и просто нецивилизованных предпринимателей, а попытки незаконно переместить через границу товары под видом контрактного груза — наиболее распространенные способы экономической контрабанды.

С правовой стороны борьба с контрабандой — это направление деятельности по выявлению, предотвращению и ликвидации каналов перемещения ценностей, представляющих экономический интерес. Сложившиеся контрабандные каналы используют современные достижения науки и техники, знание конъюнктуры, политической обстановки и возможные выходы на криминальные структуры. Широкая сеть осведомителей и используемые методы экономического или силового воздействия при возможности проникновения в правоохранительные органы делают задачи борьбы исключительно сложными и важными.

Цель контрабандистов — сбыть товар и получить прибыль в короткие сроки. Поэтому основными путями борьбы с контрабандой могут быть:

- ◆ выявление и пресечение попыток перемещения через таможенную границу товаров, ценностей и иных предметов с сокрытием от таможенного контроля на авиационном, железнодорожном, речном и морском транспорте;
- ◆ разработка технологических схем, предусматривающих своевременное обнаружение и изъятие предметов контрабанды и привлечение к ответственности лиц, нарушающих таможенные правила;
- ◆ профилактическая работа со всеми участниками внешнеэкономической деятельности;
- ◆ организация взаимодействия, разработка документов, регламентирующих совместные мероприятия по борьбе с контрабандой.

Чтобы составить представление об условиях ответственности за эти правонарушения, необходимо иметь в виду следующее:

- контрабанда есть факт нелегального перемещения через таможенную границу предметов и ценностей, а также подготовительные к нему действия;
- перемещение предметов через границу является контрабандой лишь тогда, когда соответствующие операции совершаются в обход таможенного контроля: вне мест расположения таможенного органа, вне времени производства таможенного оформления, с сокрытием от таможенного контроля;
- незаконное перемещение предметов через границу группой лиц, организовавших для этой цели; незаконное перемещение наркотических средств, сильнодействующих ядовитых, отравляющих, радиоактивных, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов.

Совершенствование информационных технологий и процедур таможенного оформления нуждается в развитии правовых основ государственного регулирования внешнеэкономической деятельностью и повышении грамотности пересекающих границу лиц по основным аспектам обеспечения экономической безопасности. А комплексная реализация рассмотренных мер государственными органами управления будет способствовать стимулированию экономического развития страны и укреплению внешнеэкономической безопасности в условиях глобализации мирового хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов А.Ю.* Модернизация российской экономики после кризиса: императивы, институты, инновации // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 4.
2. *Дынкин А.А.* Место России в мировом технологическом пространстве. Национальная инновационная система / Материалы конференции четвертого международного Форума «Высокие технологии 21 века. М.: ВК ЗАО «Экспоцентр». 2003. С. 12–15.
3. *Камаев В.Д.* Экономическая теория: Учебник. 10-е изд., перераб. и доп. М.: ВЛАДОС, 2003.
4. Российский статистический ежегодник. 2009. М.: Росстат, 2009.
5. Федеральная таможенная служба России // Интернет ресурс: www.customs.ru.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ТРАНСФОРМАЦИИ БРИТАНСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

СОЛОНИНА С.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Краснодарский филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института,
e-mail: svevic@mail.ru;

РОМАШЕНКО О.В.

старший преподаватель,
Краснодарский филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института,
e-mail: olya2876@bk.ru

В статье рассматриваются особенности финансовой системы Великобритании. Авторы предприняли попытку на основе институциональной парадигмы отразить современное состояние британской финансовой системы.

Ключевые слова: бюджетная политика; бюджетная система Великобритании; анализ бюджета Великобритании за 2010 финансовый год; глобальный финансовый кризис.

The article discusses the features of the UK financial system. The authors attempted through institutional paradigm reflect the current state of the British financial system.

Keywords: fiscal policy; fiscal system of Great Britain; analysis of UK budget for fiscal year 2010; global financial crisis.

Коды классификатора JEL: G23, G39.

Финансовая система государства характеризуется устойчивой структурой, т. е. прочной, относительно устойчивой связью и взаимодействием ее секторов, подразделений и институтов-организаций как составных элементов единого целого. Данная структура не является постоянной, а меняется под воздействием перемены числа и состава элементов, характера их отношений друг с другом и самой финансовой системой, изменений как во внутренней, так и во внешней среде.

Вся сложная иерархия действий элементов финансовой системы должна быть организована так, чтобы на всех уровнях в качестве главного выступал один и тот же, единый критерий оценки эффективности, конечный эффект. Цель функционирования финансовой системы государства — финансовое обеспечение расширенного воспроизводства экономики открытого типа и формирование эффективной системы финансово-кредитных услуг с целью обеспечения самостоятельного функционирования звеньев финансовой системы в структуре национальной экономики. На основе этого, результатом эффективного функционирования финансовой системы государства является обеспечение финансовых потребностей экономики в максимальном объеме, что выражается в сохранении устойчивых темпов экономического роста в долгосрочной перспективе. Однако, кроме этого результата, для финансовых систем экономически развитых стран характерно создание самостоятельной отрасли финансовых услуг, которая вносит в ВВП не меньший вклад, нежели сектор реального производства.

Одним из таких государств является Великобритания, экономическая модель которой значительно отличается от экономик большинства стран континентальной Европы и, по сути, намного ближе к экономике США. В этой связи, в различных научных источниках можно увидеть термин «англо-американская экономическая модель». Однако, на наш взгляд, американская экономическая модель является более либеральной, чем английская, и уж тем более, чем экономики социально ориентированных стран континентальной Европы.

Либерализм британской экономической модели берет свое начало с экономической политики тэтчеризма, которая наиболее активно проводилась в 1979–1994 гг. через массовую приватизацию государственных предприятий, сокращение государственного аппарата и снижение налогов.

Экономическая политика М.Тэтчер была настолько эффективной для британской экономики, что в дальнейшем как ее сторонник Дж. Мэйджер, так и ее противник лейборист Т. Блейер оставались приверженцами созданной в результате «неоконсервативной революции» либеральной английской экономической модели, характерными чертами которой являются:

- ◆ низкий уровень бюрократизма в сфере регулирования бизнеса и налогообложения, и, как следствие, благоприятный инвестиционный климат, благодаря которому в стране действует свыше 22 тыс. иностранных компаний;
- ◆ невысокий удельный вес государства в экономике, дающего около 13% ВВП, в то же время государство является крупнейшим инвестором в инновационный комплекс и образование, на него приходится 32% всех затрат на науку;
- ◆ низкий уровень безработицы, составляющий 3,5% экономически активного населения, однако под влиянием глобального финансового кризиса данный уровень вырос за период с 2007 по 2010 гг. с 3,5% до 4,1%;
- ◆ низкая инфляция, которую удалось снизить, даже несмотря на глобальный финансовый кризис с 3,3% в 2000 г. до 2,4% в 2010 г. [3];

В настоящее время Лондон является одним из крупнейших мировых финансовых центров. По величине капитализации фондовый рынок Великобритании занимает третье место в мире после США и Японии, а по объему операций с акциями — первое место. Отличительной особенностью британского рынка акций является высокий удельный вес физических лиц в структуре покупателей данных ценных бумаг, в частности в 2010 году он составлял примерно 27% от взрослого населения страны.

В целом, структура финансовой системы Великобритании является классической с точки зрения финансовой науки и включает в себя:

- централизованный сектор британской финансовой системы;
- децентрализованный сектор британской финансовой системы.

Централизованный сектор британской финансовой системы называют сектором публичных финансов, который влияет, в первую очередь, на механизм перераспределения финансовых ресурсов для обеспечения деятельности государства в виде органов власти различных уровней (национальных, региональных и муниципальных).

Отличительной особенностью централизованных финансов Великобритании является то, что в условиях унитарного государства британское Правительство применяет для регулирования социально-экономического развития бюджетно-налоговые инструменты федеративных государств, в частности при бюджетном планировании используется программно-целевой метод, обеспечивающий планирование комплексных долгосрочных расходов независимо от их ведомственной принадлежности

Централизованный сектор финансовой системы Великобритании включает в себя следующие элементы:

- 1) бюджетную систему;
- 2) внебюджетные специальные фонды;
- 3) финансы государственных предприятий.

Поскольку Великобритания является унитарным государством, то его бюджетная система состоит из двух уровней: государственный бюджет и бюджеты местных органов власти (графств). До 1975 г. в стране была трехуровневая система управления местными органами власти, которая в дальнейшем была реформирована в двухзвенную: *графства* и *округа*. До реформы 1975 г. в стране было около 1400 округов, а после нее территория Англии и Уэльса стала подразделяться на 53 графства, включающие 369 округов, остальные 6 графств и 113 округов приходятся на Шотландию и Северную Ирландию. В системе централизованных финансов особое место занимает Лондон, в который входят 32 муниципальных района и особый район *Сити* (финансовый центр страны).

Второй подсистемой централизованных финансов Великобритании являются внебюджетные фонды, в составе которых выделяют:

- ◆ фонд национального страхования;
- ◆ пенсионные фонды государственных предприятий;
- ◆ уравнительный валютный фонд (для поддержания курса фунта стерлингов);
- ◆ фонд департамента гарантий экспортных кредитов;
- ◆ фонд национальной корпорации по развитию научных исследований;
- ◆ фонд главного казначея (министра финансов), создаваемый из остатков фондов министерств и ведомств с целью поддержки равновесия во всех фондах и др. [3].

Финансовая роль внебюджетных фондов Британии является весьма значительной, поскольку в настоящее время за счет поступающих в них взносов и платежей финансируется около 40% всех социальных расходов. Наиболее крупным из вышеперечисленных фондов является Фонд национального страхования. Финансовой основой данного фонда являются взносы работников, предпринимателей и государственные дотации.

Взносы на нужды социального страхования дифференцируются в зависимости от **четырёх классов**:

- ◆ *первый класс* — лица наемного труда и их работодатели;
- ◆ *второй класс* — «самозанятые», ненаемные работники (фермеры, торговцы, лица свободных профессий);
- ◆ *третий класс* — взносы, которые добровольно перечисляются неработающими гражданами или гражданами, которые не могут быть отнесены к первым двум классам;
- ◆ *четвертый класс* — лица, уплачивающие взносы по второму классу, если их доход превышает определенную сумму.

Третьей подсистемой централизованных финансов в Великобритании являются финансы государственных предприятий, к числу которых относятся:

- государственные корпорации;
- смешанные предприятия;
- ведомственные предприятия.

Наибольшее развитие в Британии получили *государственные корпорации*, которые находятся в ведении центрального правительства, поэтому их финансовые отношения осуществляются с государственным бюджетом. Большая часть данных государственных корпораций оказывают социально значимые и инфраструктурные услуги и финансируются из центрального бюджета, а с местными бюджетами они связаны только по линии уплаты местных налогов, от которых они не освобождены. Как и в большинстве стран, деятельность британских государственных предприятий, как правило, убыточна, поэтому она дотируется из государственного бюджета. Кроме общенациональных государственных корпораций в стране функционирует большое число предприятий общественного пользования, финансируемых из бюджетов округов или графств.

Деятельность смешанных предприятий и ведомственных компаний в Великобритании с точки зрения финансового механизма практически идентична деятельности государственных корпораций. Принципиальное отличие заключается в том, что последние финансируются за счет смешанных источников, а именно, с одной стороны — из бюджетов различных уровней (в первую очередь местных), с другой стороны за счет доходов от своей экономической деятельности.

Децентрализованные финансы представляют собой форму организации финансовых отношений, которая определяет финансовые потоки между хозяйствующими субъектами и домашними хозяйствами (населением). Децентрализованные финансы являются самой большой по объему частью финансов государства, поскольку именно в этом секторе формируется большая часть ВВП, который в дальнейшем перераспределяется через сферу централизованных финансов посредством системы налогообложения и других фискально-распределительных отношений.

В институциональной структуре децентрализованного сектора Британии принято выделять следующие звенья:

- ◆ корпоративные финансы (финансы предприятий);
- ◆ финансы домашних хозяйств (финансы населения).

В финансовой системе любого государства финансы хозяйствующих субъектов (корпоративные финансы) являются своеобразным ресурсным базисом, который служит главным источником финансовых ресурсов для бюджетной системы, государственных внебюджетных фондов, а также населения. Именно здесь создается большая часть ВВП любого государства, что позволяет использовать его как ключевой элемент децентрализованных финансов [2].

В составе корпоративных финансов выделяют следующие структурные элементы:

- Финансы предприятий нефинансового сектора экономики;
- Финансы предприятий финансово-кредитной сферы.

Предприятия реального (нефинансового) сектора экономики включают в себя хозяйствующих субъектов сферы материального производства и сферы услуг.

Преобладание финансовых поступлений от предприятий сферы материального производства или сферы услуг зависит, прежде всего, от структуры самой экономики того или иного государства. Общепринятой считается точка зрения, согласно которой, более высокий уровень развития национальной экономики предопределяет более высокий удельный вес сферы услуг и наоборот. Для Великобритании характерно традиционное преобладание сферы услуг, что подтверждает ранее сделанный вывод, поскольку экономика Великобритании относится к категории высокоразвитых.

Однако, если рассматривать сферу услуг Великобритании, то можно отметить тот факт, что ее структура, в свою очередь, также специфична и высокий удельный вес в ней занимают финансово-кредитные услуги, что обусловлено следующими объективными причинами:

- Лондон является одним из ведущих мировых финансовых центров, который по объему совокупной капитализации занимает 3-е место после Нью-Йорка и Токио, и первое место в мире по объему операций с ценными бумагами;
- В Великобритании создана и функционирует достаточно эффективная финансовая и информационная инфраструктура, которая позволяет осуществлять финансово-кредитные операции и соответствующие финансовые услуги с минимальными транзакционными издержками;

- В Великобритании созданы благоприятные условия для деятельности иностранных компаний, в том числе и в системе налогообложения, поэтому сейчас на территории данной страны зарегистрировано более 15 000 филиалов иностранных компаний.

К последнему рассматриваемому элементу децентрализованного сектора финансовой системы Британии относятся финансы населения (домашних хозяйств), которые являются базовыми элементами социально-экономической системы государства. Финансы домашних хозяйств тесно связаны финансовыми отношениями как с сектором корпоративных финансов, так и с сектором централизованных финансов.

С сектором корпоративных финансов их связывают финансовые потоки в области выплаты заработной платы, а с централизованными финансами, с одной стороны — финансовые потоки в виде уплачиваемых физическими лицами налогов и сборов, и с другой стороны — в виде получаемых ими социальных и других выплат из бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов.

Однако следует отметить, что в структуре централизованного сектора британской финансовой системы ведущую роль играет сфера финансово-кредитных услуг, которые оказывают многочисленные банковские и небанковские институты Великобритании, среди которых несомненно, значение имеют британские банки, в своей совокупности, составляющих одну из наиболее стабильных и эффективных банковских систем-британскую банковскую систему [1].

Британская банковская система, несмотря на сложившуюся структуру, представляет собой динамично развивающуюся организационно-экономическую единицу, которая нуждается в постоянном регулятивном воздействии государства в условиях посткризисного развития британской экономики. Несмотря на то, что в сфере глобальных финансовых отношений последствия мирового финансового кризиса 2007-2009 гг. практически устранены в экономически развитых странах, вероятность повторения подобных кризисов, к сожалению, достаточно высока, поскольку экономики развитых стран достаточно взаимосвязаны, в первую очередь, посредством трансграничных финансовых потоков и деятельности транснациональных корпораций, поэтому кризис в одной из данных стран может спровоцировать цепную реакцию в других странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поддубный Е.М. Особенности формирования маркетинговой среды банковских финансовых институтов Великобритании в условиях глобального финансового кризиса // TERRA ECONOMICUS. 2010. Том 8. № 4.
2. Financial System in uk // Интернет ресурс: http://www.mortgageguideuk.co.uk/finance/financial_system_uk.html.
3. Publication Hub Gateway to UK National Statistics // Интернет ресурс: <http://www.statistics.gov.uk/hub/economy/index.html>.
4. Publication Hub Gateway to UK National Statistics // Интернет ресурс: <http://www.statistics.gov.uk/hub/economy/government-receipts-and-expenditure/public-spending/index.html>.

МАЛЫЕ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

АБАДИ МОХАММЕД М.

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: abady-t-russia@yahoo.com

В статье рассмотрено влияние процессов глобализации на экономику малых стран, возможности и перспективы их развития с использованием интеграционных механизмов и преимуществ открытой экономики.

The article considers the influence of globalization on the small countries economies, the opportunities and prospects of integration capabilities and open economy advantages.

Ключевые слова: глобализация; малые страны; интеграционные возможности; «открытость» мировой экономике.

Keywords: globalization; small countries; integration capabilities; small open economy.

Коды классификатора JEL: F01.

Глобализация вовлекает в процесс переплетения и сращивания экономик все без исключения страны. В большей или меньшей степени все страны испытали это независимо от того, к какой группе их относят — развитых, развивающихся или с переходной экономикой. Странами, определяющими основные тенденции развития мировой экономики и характер глобализации, являются развитые страны. Как правило, именно они привлекают внимание исследователей. Вместе с тем среди развитых стран все чаще вычленяются «малые развитые» страны: Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Австрия, Швеция, Норвегия, Дания, Люксембург, Финляндия, Ирландия, Исландия, Испания, Португалия, Греция и недавно вошедшие в Европейский Союз страны Центральной и Восточной Европы. Оказывается, именно такой признак страны — малая — позволяет говорить об особенностях ее развития, даже если страна входит в категорию развитых стран. В таком случае интерес к малым развивающимся странам справедливо должен быть не меньшим. Из развивающихся малых стран, очевидно, вследствие яркости феномена, внимание порой уделяется малым островным странам, которых в мире насчитывается немногим более 50. В целом же проблема развития малых стран в мировой экономике не изучена и ждет своей очереди.

Возникает вопрос: имеют ли малые страны и их экономики возможность существования в современной глобальной экономике без границ? Какая модель поведения, вектор развития должны быть избраны в условиях глобализации? Ведь все понимают, что ценой игнорирования процессов глобализации для малых стран будет их маргинализация в международных экономических и политических отношениях.

Вопрос о жизнеспособности малых стран в эпоху глобализации исследователи считают риторическим, так как число малых государств в мире лишь увеличивается. Малое государство в век глобализации остается в высшей степени жизнеспособным. В качестве обоснования этого тезиса Р.Кирт приводит два аргумента. Во-первых, прошлый опыт международного сообщества государств свидетельствует, что большие государства не всегда более эффективно справляются со сложными задачами и вызовом времени, чем малые страны. Во-вторых, можно наблюдать, что уже сейчас — в отличие от унитаристских тенденций и типичного для XX в. движения к объемным образованиям — вырисовывается противоположная тенденция, направленная против универсализма абстрактной единой цивилизации [1].

В этой связи актуальными представляются следующие факты: 1) большинство самых состоятельных (по уровню жизни) стран мира сегодня — это малые государства; 2) малые государства, поскольку они не имеют гегемонистских претензий, пользуются гораздо большим доверием у международного сообщества, нежели крупные; 3) большие размеры государства могут привести к политической, экономической и административной инертности, а также к представлениям о себе как центре Вселенной и к национализму. Величина не является непременным условием высокой производительности и конкурентоспособности. При таком устройстве мировой экономики, где нет торговых барьеров и целенаправленного ущемления отдельных стран или группы стран, более мелкие государства тоже могут использовать свои специфические

«ноу-хау» и богатый спектр наработанных идей, чтобы успешно справляться с глобальной конкуренцией; 4) супердержавы типа США и большие государства, такие как Германия, Франция или Великобритания, не служат доказательством мирного сосуществования в международной системе. Говоря словами Йохана Хуицинги, именно представительство на мировой арене малых государств гораздо в большей степени является признаком здоровья международных экономических и политических отношений в целом [1].

В международных экономических и политических отношениях малое государство может играть двоякую роль. Во-первых, при нынешних реалиях оно для удовлетворения своих потребностей в безопасности и ориентации в мировом пространстве будет либо обдуманно искать помощи у соседей (причем в понятие «сосед» необязательно вкладывается чисто географический смысл). Во-вторых, роль малого государства на международной политической сцене привязана к возможностям его участия в международных делах и степени влиятельности. Они в свою очередь определяются весомостью, значимостью малого государства, как результата его инициатив и действий в тех организациях и группировках, членом которых оно является. Большинство западноевропейских малых государств давно осознало, что их спасение заключается не в суверенитете, систематически защищаемом от вовлечения в интеграционные процессы, а в хорошо продуманной обоснованной передаче национально-суверенных прав наднациональным институтам и международным организациям.

Какие же страны принято относить к малым странам?

Все исследования по поводу определения, какое государство является малым, а какое нет, можно разделить на два подхода: относительный и абсолютный [3].

При *относительном* подходе страна определяется как «малая» или как «меньшая» относительно других стран, которые носят название «супердержавы», «глобального лидера» или «регионального лидера». Т. Сцитовски предлагал считать малыми странами такие государства, размеры экономики которых «не обеспечивают полной загрузки одного, даже самого эффективного предприятия в стране» [4, с. 282]. Г. Ледю и И. Вейле предлагали учитывать при выделении малых стран качественные факторы — политические, хозяйственные, психологические. Малая страна, утверждали они, это такая страна, «которая не в состоянии противостоять внешнему влиянию, оказываемому как отрицательное, так и положительное воздействие на ее экономику и политику» [4, с. 218]. Однако в современных условиях мирового хозяйства ни одна страна не способна противостоять воздействию изменения структуры мирохозяйственных связей в виде проникновения на национальные рынки наднациональных ТНК. В настоящее время при выделении «малой» страны относительный подход используется лишь как вспомогательный по отношению к абсолютному подходу.

Абсолютный подход подразумевает под собой вычленение малых стран на основе количественных показателей: площадь территории, численность населения, размер валового внутреннего продукта и т.п. Одной из первых работ в мире по численному вычленению малых стран была монография американского исследователя С. Кузнецца, в которой он предложил считать малыми странами все государства с численностью населения менее 10 млн чел. [5]. Другой американский экономист Р. Триффин полагал, что выделять малые страны надо на основе показателя экспортной квоты в ВВП или ВНП страны.

Экономике малых стран посвящено мало исследований, поэтому при определении теоретических позиций и методологии анализа интерес представляют упоминания о малых странах разных регионов мира, которые могут формулировать и соблюдать свои национальные интересы сквозь призму международного участия, как например, уже на протяжении нескольких десятилетий это успешно делают страны Западной Европы.

Опыт западноевропейских стран показывает, как можно сочетать разные по уровню экономического развития, характеру структуры экономики, масштабам экономической деятельности страны. Основная экономическая мощь приходится на четыре крупные высокоразвитые страны — ФРГ, Францию, Италию и Британию, в которых сосредоточено свыше 50% населения и 70% совокупного ВВП.

Эти державы во многом определяют общие тенденции хозяйственного и социально-политического развития всего региона. Остальные государства относятся к малым промышленно развитым странам, а также странам бывшего «восточного блока», вошедшим в состав ЕС относительно недавно и не играющим пока в нем существенной роли. Особое место, занимаемое малыми странами в регионе и в мире, определяется высоким уровнем специализации на производстве технически сложной, высококачественной продукции. Важную роль в развитии процессов международного разделения труда сыграли небольшие масштабы внутренних рынков данных стран, которые сдерживали появление крупных предприятий во всех отраслях хозяйства из-за недостаточности спроса. Малые страны Западной Европы сильно различаются по величине ВВП. К первой группе можно отнести Испанию, Нидерланды, Бельгию, Швецию. Они уступают крупным державам региона в 3–5 раз, и на их долю приходится 17% ВВП. Во вторую группу входят Австрия, Дания, Греция, Финляндия, Португалия. Их значение в западноевропейском хозяйстве относительно невелико — около 7,5% ВВП. Третья группа стран — Ирландия, Люксембург. Их доля незначительна — около 2% ВВП Евросоюза, но по отдельным видам производства они играют заметную роль. Страны Восточной Европы — Польша, Чехия, Венгрия, Латвия и т.д. — сегодня только начинают процесс реальной глубокой экономической интеграции, в частности не входят в зону «евро».

Страны существенно различаются по уровню экономического развития. Например, в Греции, Португалии и странах «восточноевропейского блока» национальный доход на душу населения не превышает 70% среднего показателя для всех стран ЕС. Не менее значительны различия в структуре хозяйства.

Особую группу стран представляют малые государства Латинской Америки. При всем разнообразии их объединяет и нечто общее: сравнительно узкие внутренние рынки, небольшой производственно-экономический потенциал, во многих случаях и по сей день представленный прежде всего сельскохозяйственным производством при довольно узкой его экспортной специализации (возделывание культур тропического пояса — кофе, бананов, тростникового сахара, хлопчатника, табака и др.). В отличие от крупных государств региона малые страны Латинской Америки обладают гораздо более ограниченными возможностями самостоятельного развития — на базе узких внутренних рынков и собственных финансовых накоплениях.

Специфика проблем, с которыми сталкиваются малые страны Латинской Америки связана с тем, что в недалеком прошлом — в годы «холодной войны» двух лагерей — они оказались втянутыми в многолетние политические распри и вооруженные конфликты, испытали хозяйственную разруху. Границей между прошлым и настоящим в таких странах явился их переход к демократическим гражданским режимам и новой стратегии развития, основанной на активизации частнопредпринимательской деятельности, приливе иностранных инвестиций в национальную экономику, на структурной перестройке и модернизации производства. В рамках новой парадигмы широко практикуется использование такой формы, как учреждение свободных экономических зон и создание в них промышленных парков при участии национального и иностранного предпринимательского капитала. Малые страны Латинской Америки стремятся активно участвовать в региональных и субрегиональных интеграционных объединениях, включая и те из них, в которых ведущую роль играют крупнейшие государства континента.

Что касается малых стран арабского Востока, то их сейчас насчитывается около двадцати, и их развитие в условиях глобализации имеет свои особенности.

Арабским народам приходится решать схожие проблемы, связанные с необходимостью преодоления экономико-социальной отсталости, культурной неразвитости и при этом противостоять многочисленным внешним вызовам.

В этих условиях возрастает потребность в укреплении взаимодействия арабских государств, в поиске таких форм сотрудничества, которые способствовали бы общему успешному разрешению стоящих перед ними задач.

Специфика арабского региона, создающая объективные основы для возникающих здесь интеграционных процессов, заключается в его единстве по многим важнейшим параметрам:

- арабский мир един территориально: на обширном пространстве, протяннувшемся от Арабского (Персидского) залива через районы Юго-Западной Азии и Северной Африки до Атлантического побережья, расположились 19 арабских стран с этнически однородным населением, насчитывающим около 300 млн человек: 90% жителей этих стран составляют арабы, 10% — представители иных национальных и этнических групп. Арабы, независимо от страны проживания, считают себя принадлежащими к единой нации.
- арабские народы объединяет общность языка — арабского, а также
- общность экономических судеб.
- мощным объединяющим арабские страны фактором является ислам: 90% их населения (арабы и неарабы) исповедуют ислам, 10% принадлежат к другим конфессиям, главным образом христианским.

Вместе с тем, отмеченные выше факторы, объединяющие арабов, весьма относительны, и в целом арабский мир отличается чрезвычайной пестротой, проявляющейся:

- ◆ в различиях природно-географического, этнодемографического, лингвистического и конфессионального порядка,
- ◆ в историко-культурных судьбах,
- ◆ в уровне экономического и социально-политического развития населяющих эти территории народов. При этом отличаются между собой не только арабские страны Азии, или Машрика, и Северной Африки — Магриба, но и внутри каждого из этих районов.

Неоднородность арабского мира оказывает значительное влияние на развивающиеся здесь интеграционные процессы, и при имеющихся обширных предпосылках интеграция функционирует довольно слабо, в первую очередь из-за политических разногласий и военных конфликтов.

Интеграционные процессы являются определяющими в развитии малых стран, которые вынуждены при ограниченных ресурсах привлекать внешние факторы развития. При этом интеграция может носить не обязательно региональный характер. Есть малые страны, такие, например, как Норвегия, которые участвуют практически во всех проектах ЕС, не являясь членом этого интеграционного объединения, дрейфуя в поисках оптимального партнера.

В целом малые страны являются неоднородным образованием, и стратегии развития каждой из них очень индивидуальны и зависят от обеспеченности ресурсами, уровня социально-экономического раз-

вития страны, специализации, степени вовлеченности в международную торговлю и т.д. При этом малым странам приходится предвидеть и избегать угрозы, которые появляются с развитием глобализации: 1) колебания мировых цен на товары специализации; 2) уход ТНК из экономики малых стран; 3) уход иностранного капитала из финансовых систем малых стран; 4) неверно выбранная специализация экономики; 5) высокие риски в сфере развития человеческого капитала, высоких технологий и НИОКР; 6) зависимость от прямого внешнего управления, как правило, со стороны международных финансовых организаций, особенно во время кризисов.

Значение малых стран для мировой экономики в условиях глобализации можно свести к функциям:

- ◆ поставщиков специфической продукции, как правило, сырья, но нередко высокотехнологичных товаров и специализированных услуг (финансовых, исследовательских);
- ◆ экспериментаторов, вынужденных ради экономического успеха идти на риск разработки новых товаров, технологий или способов организации производства;
- ◆ рынков сбыта, которые вносят значительный вклад в совокупный объем мирового рынка;
- ◆ поставщиков дешевой рабочей силы и «удобной бизнес-среды» (налоговой, экологической), повышая конкурентоспособность ТНК;
- ◆ в периоды глобальных кризисов малые страны являются местом, куда крупные экономики могут «сбросить» часть возникающих проблем (например, «экспорт» безработицы и инфляции), т. е. малые страны выполняют функцию своеобразной подушки безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курт Р.* Малые государства в эпоху глобализации // Интернет ресурс: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/7_5_99.htm.
2. *Пилипенко И.В.* Проблемы мирохозяйственной типологии малых стран мира // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2002. № 4. С. 33–38.
3. *Henrikson Alan K.* 1999. Small States in World Politics: The International Political Position and Diplomatic Influence of the World's Growing Number of Smaller Countries. 1999.
4. *Kuznets S.* «Population Change and Aggregate Output», NBER Chapters, 1960.
5. *Scitovsky T.* «Standards for the Performance of Our Economic System», 1960, AER.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ «НАУКА ПЛЮС ОБРАЗОВАНИЕ»

ЗАКАРЬЯЕВА З.М.

соискатель,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ
(РАНХиГС),
e-mail: kvinray@gmail.com

Формирование новой научно-образовательной системы — общемировая тенденция. От мотивированного и удачного ее формирования зависит качество современной жизни и социально-экономическое и политическое развитие в грядущем информационном веке.

Ключевые слова: инновационные и образовательные центры; исследовательские центры и университеты; прогнозирование; эффективность и результативность.

The formation of a new scientific and educational systems worldwide trend. Of motivated and successful of its formation overestimate the quality of contemporary life and socio-economic and political development in the coming information age.

Keywords: innovation and learning centers; research centers and universities; forecasting, efficiency and effectiveness.

Коды классификатора JEL: I21, I23.

Интеграция науки и высшей школы в целях обеспечения устойчивого развития потребует проведения разумного реформирования высших учебных заведений. На базе ряда классических и технических университетов и ведущих научных организаций академического профиля в настоящее время формируются исследовательские университеты (ИУ), задача которых — получение новых знаний и подготовка специалистов высшей квалификации для фундаментальной науки. Высшие учебные заведения отраслевого и межотраслевого профиля и научно-исследовательские институты, имеющие экспериментальную базу и подверженные реструктуризации, будут являться основой для создания исследовательских технических университетов.

Реализация модели перехода к функционированию университетов в качестве инновационных центров (ИЦ) в рамках национальной программы «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования» даст возможность решить сразу несколько проблем. Фундаментальные и прикладные исследования позволят производить наукоемкую высокотехнологичную продукцию и формировать соответствующую производственную инфраструктуру за счет тесной кооперации с промышленными предприятиями и научными организациями. При этом высшие учебные заведения способны создать в регионах страны своеобразные «точки» экономического и интеллектуального развития, производя новую продукцию и внедряя достижения науки и практики в образовательный процесс, непосредственно готовя студентов к инновационной деятельности.

Порождая перемены, они будут способны существенно сократить разрыв между передовыми научными достижениями, разработками и содержанием образования.

Процессы интеграции высветили еще одну важную проблему — интеграцию фундаментальной науки и высшего образования. Эта проблема решается в рамках соответствующей президентской программы. В качестве основной идеи решения этой проблемы предложено преобразование ведущих технических университетов в исследовательские университеты, функционирующие в качестве инновационных центров и объединяющие научные центры Российской академии наук и других академий. Исследовательские университеты являются интегрированными структурами, способными создавать своеобразные точки «интеллектуального и экономического развития». К таким структурам целесообразно применить принцип наибольшего государственного протекционизма, распространив его не только на образовательную, но и на научно-исследовательскую деятельность, что потребует соответствующего обоснования и правовой поддержки как на федеральном, так и региональном уровнях.

Исследовательский университет (ИУ) является принципиально новым видом высшего учебного заведения, который сочетает в себе не только функции образовательно-культурного центра, но и функции центра по развитию наук и научных знаний. Особенно важно такое движение именно для России в период серьезного снижения ассигнований на науку и научные исследования.

Коллектив ИУ должен вести общенационально значимые фундаментальные и прикладные научные исследования с объемом НИР не менее 15% от общего объема финансирования вуза. Охват профессорско-преподавательского состава, участвующего в выполнении НИР, должен быть не менее 75%, а студентов — не менее 50%.

В Законе РФ «О высшем и послевузовском образовании» образовательные учреждения, предоставляющие программы высшего образования, классифицируются следующим образом: университеты; академии; институты; колледжи (колледж не является высшим учебным заведением, но предоставляет образовательные программы высшего образования) [1].

Для дальнейшей дифференциации вузов используются различного рода рейтинги, которые пока не имеют официального статуса.

Реализация интеграционных процессов предусматривает укрупнение существующих высших учебных заведений и постепенное сокращение их общего количества, что естественно приведет к изменению структуры системы в целом, основанной на образовательном или университетском комплексе профессионального образования.

Создание образовательных (университетских) комплексов может осуществляться в разных формах:

- включение однопрофильных учебных заведений разного уровня в состав головного вуза;
- создание ассоциативных учебных заведений одного уровня путем заключения договоров о разделении взаимных прав и обязанностей, об установлении структуры и форм управления, о распределении ресурсов и др.

Укрупнение вузов должно привести к созданию университетов различного уровня: федеральных и региональных.

Интеграция образовательных учреждений предполагает укрупнение существующих высших учебных заведений и постепенное сокращение их количества, что естественно приведет к изменению структуры вузов в целом.

Образовательная система и в том числе система высшего профессионального образования — это цельная СИСТЕМА, самоорганизующаяся и трансформирующаяся в зависимости от меняющейся цели. Особенность самоорганизации состоит в том, что структурные элементы системы перестраиваются для достижения поставленной цели.

Достижение цели характеризуется двумя параметрами: *эффективность* и *результативность*. Если *эффективность* предполагает выполнение задач с минимальными затратами ресурсов, то *результативность* предполагает степень точности выполнения поставленных задач, как количественных, так и качественных.

Вместе с тем, нужно помнить, что подлинным субъектом развития системы «наука плюс образование» в демократическом государстве являются профессиональные академические сообщества и общественно-педагогические движения. Система «наука плюс образование» сохранила свои основные параметры, прежде всего, благодаря усилиям этих общественно-педагогических объединений и движений.

Исходя из указанных методологических посылов, представляется целесообразным сформулировать конспективно рекомендации для государственной политики в сфере интеграции системы «наука плюс образование».

1. Происходящие процессы функциональной трансформации системы высшего образования побуждают государство к вмешательству в этот процесс, к упорядочению этой меняющейся системы, руководствуясь целями создания условий для более эффективного использования ее потенциала и государственных финансовых ресурсов. Так, Минобрнауки России предложил разделить вузы страны на три категории: а) национальные университеты; б) ведущие вузы, готовящие бакалавров и магистров; в) вузы, готовящие только бакалавров. Такое разделение означало бы, по сути, институциональное разграничение системы высшего образования на подсистемы, выполняющие разные социальные функции: общего и специального высшего образования.

Но попытки вместить в прокрустово ложе нескольких категорий вузов реальное многообразие и сложность связей между требованиями к образованию, образовательными программами и институциональными формами высшего образования в период их трансформации, движимой интересами непосредственных участников образовательной деятельности и потребителей ее результатов, могут оказаться контрпродуктивными для системы высшего образования. Такая институционализация «сверху» создаст предпосылки для девальвации ценностей массового высшего образования у населения и падения спроса на бакалавров — выпускников вузов третьей категории.

Формирование массового высшего образования вызвало у части профессионального вузовского общества и чиновников негативное отношение к этому процессу и породило предложения вывести из

системы высшего образования вузы с низким качеством обучения. Но масштабная реализация подобных предложений означала бы игнорирование вполне сформировавшейся в обществе массовой потребности в получении высшего образования.

Неправильно препятствовать воспроизводству массового высшего образования и не следует административными мерами институционально разграничивать общее и специальное высшее образование. Попытки масштабного административного регулирования происходящих процессов функциональной дифференциации высшего образования не оправданы. Подчеркнем, что речь не идет об отказе от участия в Болонском процессе, предусматривающем деление образовательных программ вузов на две ступени: бакалавриат и магистратуру, и от политики влияния на происходящие в системе высшего образования изменения. Но задача разделения образовательных программ на две ступени не должна отождествляться с задачей деления вузов на категории.

Новые функциональные связи между востребованностью, масштабами и содержанием высшего образования и отражающие их институты должны прорасти и кристаллизироваться «снизу». Поэтому политика влияния на функциональную дифференциацию высшего образования должна проводиться методами, сохраняющими и расширяющими для вузов, абитуриентов, работодателей пространство выбора содержания образовательных программ и получаемых квалификаций. Институционализация функциональных различий в системе высшего образования должна складываться в результате деятельности самих вузов по реструктуризации своих образовательных программ, действий абитуриентов, голосующих ногами и деньгами за образовательные программы, и действий работодателей, предъявляющих спрос на образовательные квалификации работников. Государство может содействовать этому процессу, в частности, путем отказа от унаследованной от советского времени и устаревшей номенклатуры крайне узких учебных специальностей и замены ее более коротким списком широких специальностей. Такая мера создаст благоприятные условия для выделения общего высшего образования.

Задача государства — предложить институциональные формы (организационно-правовые формы учебных заведений, механизмы сочетания государственного и частного финансирования высшего образования и др.), которые могут использоваться вузами, абитуриентами, работодателями. Но не следует навязывать эти формы акторам происходящей трансформации высшего образования.

2. В отношении происходящей социальной дифференциации высшего образования позиция государства должна быть иной. Явно усиливающиеся различия в доступности элитного и массового высшего образования должны выступать предметом более активной государственной политики. Разумеется, постановка задачи достижения равенства шансов поступления в элитные вузы для выходцев из семей с разным уровнем доходов и социальным статусом была бы наивной. За проблемой социального неравенства в доступе к высшему образованию вообще и к элитному высшему образованию в частности стоит проблема воспроизводящихся различий в социально-культурном капитале семей. Но задачей, которую государство может и должно решать, является недопущение кристаллизации экономических и институциональных барьеров к получению элитного высшего образования для определенных социальных групп.

Чрезвычайно сложно внедрить такие правила взаимодействия людей в одной из достаточно больших сфер общества, которые существенно выше по уровню развитости, чем институты и механизмы контроля за их соблюдением во всех других общественных сферах, примыкающих к образованию. Целесообразнее искать и реализовывать иные стратегии ослабления проблем коррупции, социального неравенства и повышения эффективности высшего образования.

3. В разных странах накоплен интересный опыт использования различных систем выделения грантов на обучение и разнообразных схем образовательных займов для решения экономических и социальных задач государственной политики по отношению к развитию высшего образования. Общемировой тенденцией является отставание темпов роста государственных расходов на высшее образование, и в частности затрат на финансовую поддержку студентов, от темпов роста студенческих контингентов. Поэтому во многих странах все большая часть финансовой помощи студентам предоставляется в форме образовательных займов, нежели в виде грантов. Использование механизмов финансирования высшего образования в качестве инструментов решения задач ослабления социального неравенства в возможности получения высшего образования требует специальной настройки применяемых финансовых инструментов. Гранты и субсидируемые займы должны дополнять друг друга и выделяться целевым группам, наиболее нуждающимся в такой поддержке. Отбор должен производиться по достаточно простым критериям, позволяющим относительно легко проверять предоставляемую информацию о нуждаемости в помощи. Размеры грантов должны быть адекватны потребностям студентов в средствах на обучение и регулярно корректироваться в соответствии с инфляцией и ростом платы за обучение студентов. Программы такой поддержки должны стать одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере образования и реализовываться на федеральном уровне.

Все вышесказанное должно найти отражение в конкретном плане действий Минобрнауки России, которые должны быть нацелены на:

- ◆ дальнейшее совершенствование качества общего образования на основе внедрения новых структуры и содержания образования, современных учебников, повышения эффективности учебного процесса при одновременном снижении учебной нагрузки обучающихся, внедрения разнообразных моделей организации профильного обучения в старшей школе;
- ◆ дальнейшее совершенствование качества и усиление практико-ориентированного характера профессионального образования, отвечающего текущим и перспективным потребностям федерального и региональных рынков труда на основе внедрения новых государственных образовательных стандартов, осуществления комплекса мероприятий, обеспечивающих условия полномасштабного включения российской высшей школы в Болонский процесс, реализации моделей непрерывного образования в течение всей профессиональной карьеры, развития современных, в т.ч. информационных образовательных технологий;
- ◆ существенное качественное обновление учебно-лабораторной и материально-технической базы учреждений профессионального образования;
- ◆ разработку и развитие экономических механизмов в образовании, повсеместное внедрение апробированных моделей финансирования образования;
- ◆ совершенствование системы межбюджетных отношений с учетом предусмотренного законодательством перераспределения полномочий в сфере образования между федеральным, региональным и муниципальным уровнями;
- ◆ формирование современной системы управления качеством образования, контроля качества знаний, в т. ч. в рамках единого государственного экзамена, улучшение профессиональной ориентации и трудовой адаптации выпускников;
- ◆ реализацию широкомасштабной программы «Педагогические кадры России», направленной на коренное улучшение подготовки учителей и воспитателей, мастеров производственного обучения, преподавательского состава учреждений профессионального образования, администраторов системы образования в соответствии с современными требованиями;
- ◆ осуществление программы «Здоровье и образование», включающей широкое распространение здоровьесберегающих образовательных технологий, развитие массовой физической культуры, организацию рационального питания, планомерную борьбу с вредными привычками, искоренение детских и юношеских наркомании и алкоголизма;
- ◆ совершенствование управления образованием на основе принципов стратегического менеджмента, бюджетирования, ориентированного на конечный результат, внедрения современных информационных систем и баз данных, систем электронного документооборота и поддержки принятия решений, развития государственно-общественного характера управления образованием.

Реализация намеченных мер позволит системе российского образования выйти на очередную ступень своего совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ от 24.04.2008 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в статью 53 Закона Российской Федерации «Об образовании» и статью 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГАНИЧЕВ И.В.

старший преподаватель,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

В статье рассмотрены особенности регионального нормотворчества, регулирующего эколого-правовые отношения, на примере Ростовской области. Проведен анализ нормативно-правовых актов за период 1991–2010 гг. Выявлена специфика в эколого-правовом законодательном регулировании. Установлены положительные и негативные факты законодательного уровня. Показаны роль и значение правового регулирования отношений по рациональному природопользованию и охране окружающей среды в условиях региона.

Ключевые слова: региональное нормотворчество; эколого-правовые отношения; эффективная правотворческая деятельность.

In the paper the peculiarities of the regional rule-making regulating the ecological legal relationship are considered at the example of Rostov Region. The regulatory acts are analysed for the period from 1991 to 2010. A specific character of ecological legislative regulation is shown up. Positive and negative facts of legislative regulation are determined. The role and the significance of legal regulation of relations in the sphere of nature management and environment protection are revealed at the regional level.

Keywords: regional rulemaking; legal relations; effective activity.

Коды классификатора JEL: K32.

Анализ законодательства Ростовской области показывает, что эффективность регионального нормотворчества может быть обеспечена только при условии комплексного подхода к решению проблемы: широкого использования возможностей организационной и организационно-массовой работы органов власти депутатов; учета требований охраны природы при разработке планов социального и экономического развития в целом; правильного сочетания территориальных и отраслевых интересов; обеспечения соблюдения предусмотренных природоохранных требований. Изучение современного природо-хозяйственного состояния, степени техногенного воздействия на основные компоненты ее экосистемы (почвенный покров, атмосферный и водный бассейны, ресурсно-сырьевой потенциал, растительный и животный мир и т.д.), важнейших тенденций и динамики, неблагоприятных антропоэкологических изменений, обусловленных таким воздействием, необходимо рассматривать в контексте социально-эколого-экономической оценки функционирования ростовского аграрно-индустриального комплекса [2].

Ростовская область — крупный транспортный узел, работающий не только на удовлетворение внутренних потребностей, но и на обеспечение межрегиональных и внешнеэкономических связей России. Она отличается от других регионов высокой плотностью населения, ростом крупных городских агломераций с развитой промышленностью. Высокая степень освоенности рассматриваемой территории наложила негативный отпечаток на ее экологическое состояние. Антропогенному воздействию подверглись практически все природные комплексы. Отрицательные последствия такого воздействия на окружающую природную среду проявляются в трех основных формах ее деградации: загрязнении газообразными, жидкими и твердыми отходами производства и жизнедеятельности; истощении природных ресурсов; нарушении сложившихся природных процессов и балансов.

Во многих городах Ростовской области неблагоприятная экологическая ситуация связана главным образом с загрязнением атмосферного воздуха, водных объектов, почвы, выбросами промышленных предприятий и транспорта.

С учетом серьезных экологических проблем области вопросы регулирования эколого-правовых отношений не могут не занимать важного места в региональном законодательстве.

Во исполнение Постановлений Правительства Российской Федерации 11 марта 2003 г. был принят Закон «Об охране окружающей среды в Ростовской области» [7]. Настоящий областной закон в соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» регулирует отношения, связанные с охраной окружающей среды в Ростовской области. Земля, недра, воды, растительность и животный мир, другие природные богатства в Ростовской области являются основой жизнедеятельности населения, проживающего на ее территории и подлежат охране, рациональному использованию и сохранению для последующих поколений.

В период 1991–2003 гг. вышел ряд Постановлений губернатора, администрации Ростовской области с целью обеспечения охраны ее территории от завоза и распространения особо опасных и природно-очаговых инфекционных заболеваний. В принимаемых нормативно-правовых актах уделялось внимание решению проблем в сфере обращения твердых бытовых отходов как одного из приоритетных направлений охраны окружающей среды и улучшения экологии региона.

29 декабря 2004 г. был принят областной закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера» [7], который регулирует правоотношения, складывающиеся в сфере организации выполнения и осуществления мер в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Для предотвращения негативного влияния на окружающую среду и людей со стороны пользователя природными ресурсами и во исполнение ФЗ «Об экологической экспертизе» 3 ноября 2006 г. был принят областной закон «Об экологической экспертизе в Ростовской области» [7].

К нормативным актам, поресурсно регулирующим отношения в сфере использования и охраны окружающей среды, следует отнести ряд областных законов, которые касались лесных, водных отношений, государственного регулирования обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения, недропользования, растительности и животного мира, рыбных запасов [7].

Правоприменительная практика вскрывала все новые проблемы, отражавшиеся в принимаемых распорядительных нормативно-правовых актах. Так были приняты Распоряжения по утилизации пришедших в негодность и запрещенных к применению пестицидов и агрохимикатов, о создании и защите ряда заповедников и заказников, о координационном совете по взаимодействию природоохранных и правоохранительных органов в сфере охраны окружающей среды, природопользования, лесных отношений, охраны и воспроизводства водных биологических ресурсов и животного мира.

Особое внимание в Ростовской области уделяется развитию системы экологического образования, формированию экологической культуры. В целях совершенствования управления природоохранительной и природоресурсной деятельностью, повышения уровня экологического образования 29 июня 2001 г. глава администрации Ростовской области подписал Постановление «О финансовой поддержке мероприятий по мониторингу окружающей среды и экологическому образованию» [7] и утвердил перечень мероприятий по экологическому образованию, мониторингу окружающей среды, проведению экологических совещаний, семинаров, смотров для оказания финансовой поддержки из областного бюджета.

Таким образом, являясь субъектом Российской Федерации, Ростовская область имеет своеобразную специфику в эколого-правовом законодательном регулировании. Конечно, с одной стороны, можно сказать о том что, имея географические, экономические, социально-демографические и иные проблемы, она старается их разрешать по мере возможного. Но, с другой стороны, наблюдается ряд негативных фактов законодательного уровня: по разрешению проблем федерального экологического законодательства эколого-правовое законодательство Ростовской области значительно отстает по времени своего принятия, как будто в области нет экологических проблем, или она не является субъектом РФ; природоохранные цели Ростовской области некоторым образом отличаются от федеральных. Так, охраняемая флора и фауна Красной книги Ростовской области отличается от федеральной, и запрещенные ею виды животных и растений можно добывать по отдельному разрешению администрации области, словно, растительный и животный мир Ростовской области не такой, как в РФ. В результате Красная книга области, носит чисто формальный характер; сокращается финансирование, предназначенное для разрешения многих природоохранных и связанных с ними теоретических аспектов, например, направленное на эколого-правовое воспитание и образование, на научные разработки.

По многим направлениям природоохранительное региональное законодательство дает положительный эффект. Главным образом это касается охраны рыб, водных объектов и т.д. Но в целом оно значительно отличается от федерального и даже в некоторых областях противоречит ему. Следовательно, современная структура регионального управления еще недостаточно полно отвечает возросшим требованиям охраны среды, поэтому необходимо создание в этой структуре новых организационных механизмов. Представляется целесообразным предоставить региональной администрации самой определять в рамках ее полномочий, исходя из наличия финансовых, материальных возможностей, структуру и штаты природоохранительных органов.

Совершенствование деятельности субъектов регулирования эколого-правовых отношений в РФ в самой значительной мере определяется согласованностью и координированностью их функционирования в этой области. Это требует дальнейшего развития системы экологического законодательства, более четкого разграничения функций и полномочий субъектов различных уровней, а в ряде случаев — и перераспределения этих полномочий. Необходимо также систематическое развитие и институционализация взаимодействия с общественными организациями, международными органами, выступающими как субъекты экологической безопасности в транснациональном масштабе.

Существенное расширение нормотворческих полномочий в решении вопросов охраны окружающей среды относится и к городской администрации. Вместе с тем изучение практики показывает, что с точки зрения эффективности решения природоохранных проблем на территории, подведомственной городской администрации, необходимо дальнейшее усиление правового регулирования как инструмента ее воздействия на предприятия и организации ведомственной подчиненности. Меры по расширению нормотворческой деятельности городской администрации в области охраны окружающей среды должны быть подкреплены мерами по укреплению их финансовой, материальной и ресурсной базы [1].

Городская администрация должна развивать применительно к местным особенностям основные положения законодательства, разрабатывать и принимать комплекс дополнительных нормативных актов. Сегодня нельзя удовлетвориться положением, что правотворческая деятельность местной администрации служит лишь цели организации исполнения нормативных актов вышестоящих органов и мало используется для установления норм первичного характера [3].

Решения местных органов власти, направленные на сохранение окружающей среды, должны быть оптимальными с различных точек зрения: природной среды, отдельных ее компонентов, социального развития — удовлетворения потребностей населения; экономической — обеспечение основы для воспроизводства в широком смысле. Оптимальность территориального правотворчества есть антитеза отраслевому, узковедомственному подходу, предусматривающему получение односторонних выгод и предполагающему частные пути решения. Акты городской администрации должны исходить из перспективных тенденций социально-экономического и природо-ресурсового характера, учитывать ближайшие и отдаленные последствия, быть экономически обоснованными, экологически безопасными, обеспечивать механизм реализации с максимально возможной результативностью при наименьших в каждом конкретном случае затратах.

Одним из основных недостатков нормотворческой деятельности городской администрации в данной области является ее научная неразработанность, отсутствие надежных методик, апробированных путей решения. В связи с этим городские администрации должны максимально использовать для подготовки решений научные и практические рекомендации, предложения природоохранных служб. Основное значение этих рекомендаций — обеспечение оптимального экологического подхода к решению проблем рационального использования городской среды.

Распространенной формой правотворческой деятельности городской администрации в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов является включение экологических требований в положения, решения, постановления.

За период 1995–2009 гг. был принят ряд постановлений мэра г. Ростова-на-Дону: «Об инвентаризации садов и парковых территорий города» [7] от 6 сентября 1996 г., в котором утверждался перечень объектов озеленения г. Ростова-на-Дону с присвоением им статуса в соответствии с требованием СНиП 2.07.01-89 «Градостроительство» и учитывались исторически сложившиеся наименования озелененных участков городской структуры; «О размещении новых объектов производственного назначения, не связанных с обслуживанием населения города, на свободных территориях г. Ростова-на-Дону» от 26 декабря 1997 г. [5]; «Об утверждении правления экологического фонда» от 20 марта 1998 г. [7]; «О реализации положения об организации мероприятий по охране окружающей среды на территории г. Ростова-на-Дону» от 14 ноября 2006 г. [4]; «Об утверждении положения о контроле за исполнением муниципальных правовых актов в сфере организации мероприятий по охране окружающей среды на территории г. Ростова-на-Дону» от 20 августа 2008 г. [6].

Итак, целенаправленная деятельность администрации города в области устойчивого развития Ростова-на-Дону позволила достичь приемлемый уровень безопасности населения и города в целом. Однако ряд проблем экологического характера остается неразрешенным. В условиях плотной городской застройки, высокой концентрации промышленных объектов особую опасность представляет возможность применения террористами средств массового поражения и инициирования техногенных катастроф на предприятиях и объектах, где в производственном цикле используются сильнодействующие отравляющие вещества или биологические агенты. Старение и износ водопроводных, тепловых и иных инженерных сетей приводит к авариям, сопровождающимся вымыванием грунта, образованием провалов, нарушением целостности фундаментов, ведущим к разрушению зданий и сооружений. Снижение производственной и исполнительской дисциплины, другие отклонения от норм поведения повышают вероятность аварий, крупномасштабных пожаров, техногенных катастроф. Указанные факторы обуславливают сохранение различных видов угроз устойчивому развитию и безопасности города.

Реализуемые в настоящее время городские программы не в полной мере учитывают реально существующие аспекты безопасности населения и территории города от угроз внутреннего и внешнего характера, отнесенные статьей 6 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьей 7 областного закона «О местном самоуправлении в Ростовской области» к предмету ведения местного самоуправления.

Учитывая изложенное, необходимо оценить состояние безопасности города, определить жизненно важные интересы и возможные угрозы безопасности, приоритетные цели и основные направления обеспечения безопасности муниципального образования.

Руководствуясь статьями 22, 40 и 42 Устава города, городская Дума решила 15 июня 2004 г. принять «Концепцию программы общественной, техногенной и экологической безопасности города Ростова-на-Дону» [7], а мэр подписал распоряжения: «О создании при Администрации города постоянно действующего координационного совета по вопросам охраны окружающей среды» от 25 декабря 2006 г. [5]; «Об утверждении положения о комитете по охране окружающей среды при Администрации г. Ростова-на-Дону» от 18 июля 2007 г. [5].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует отметить, что современная структура городского управления еще недостаточно гибко и полно отвечает возросшим проблемам охраны среды, поэтому необходимы новые организационные механизмы в структуре городского управления. Было бы целесообразно, на наш взгляд, предоставить городской администрации самой определять в рамках полномочий, исходя из наличия финансовых, материальных возможностей, структуру и штаты природоохранительных органов. Вместе с тем более детально разработать сам процесс «организационного» правотворчества и форму акта. При этом можно было бы исходить из следующей схемы: появление проблемы — ее осознание — невозможность решения существующими методами — поиск решения по организационной форме — решение об образовании административного органа.

Эффективная правотворческая деятельность городской администрации по охране окружающей среды имеет важное значение и должна рассматриваться как одна из приоритетных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонкова Н. Г. Правотворческая деятельность городских Советов народных депутатов в области охраны окружающей среды: Окружающая среда под охраной закона. М., 1982. С. 18.
2. Магомедова К.А. Ростовская область как субъект эколого-экономических отношений Российской Федерации // Экономические и экологические вопросы развития субъектов РФ: материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 30 ноября 2004 г. Ростов н/Д, 2004. С. 18.
3. Правовые проблемы дальнейшего совершенствования представительных органов государственной власти. М., 1973. С. 138.
4. Ростов официальный. 29 ноября, 2006. № 47.
5. Ростов официальный. 1 августа, 2007. № 30.
6. Ростов официальный. 27 августа, 2008. № 35.
7. Электронный ресурс: доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БЫКИНА М.В.

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: bmv-utd@yandex.ru

В статье изложены сложности, которые возникают на практике при взыскании убытков, а также предложены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: убытки; гражданско-правовая ответственность; вред; ущерб.

The article describes the difficulties that arise in practice for recovery of damages, as well as suggesting possible ways to overcome them.

Keywords: damages; civil liability; harm; damage.

Коды классификатора JEL: K 13.

Возможность взыскания убытков предусмотрена в ст. 15 ГК РФ. В отличие от ГК 1964 г, в котором нормы об убытках располагались в разделе «Обязательственное право», в ГК РФ норма об убытках находится в главе 2, которая называется «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав». Это связано с тем, что взыскание убытков возможно не только в случае нарушения исполнения договорных обязательств, но и в деликтных отношениях. Таким образом, возмещение убытков является универсальным способом защиты гражданских прав и применяется «не только для обязательств, но и для других институтов гражданского права» [4].

Возмещение убытков как способ защиты нарушенных прав применяется и в том случае, если соответствующая возможность прямо не предусмотрена в норме ГК, регулирующей соответствующее правоотношение. Сфера возмещения убытков очень широка: «убытки могут возникать и в связи с нарушением права собственности, и в связи с нарушением исключительных прав» [3]. Следовательно, если лицу причинен вред, независимо от того, состояло ли оно с причинителем вреда в договорных отношениях или нет, то это лицо вправе требовать возмещения убытков для восстановления своего нарушенного права.

Термин «убытки» чаще всего определяют через синонимичные понятия «ущерб» или «вред». Словарь Ушакова определяет убыток как потерю, ущерб. Википедия рассматривает убытки в трех аспектах:

- ◆ *в хозяйственной практике* убытки определяются как выраженные в денежной форме потери, уменьшение материальных и денежных ресурсов в результате превышения расходов над доходами;
- ◆ *в бухгалтерском учете* — как потери от реализации продукции, уплаченные штрафы, неустойки, пени и др.;
- ◆ *в гражданском праве* — как выраженный в денежной форме ущерб, который причинен одному лицу противоправными действиями другого.

Известный теоретик гражданского права А.П. Сергеев определяет убытки как «отрицательные последствия, которые наступили в имущественной сфере потерпевшего в результате нарушения его гражданских прав и охраняемых законом интересов» [2]. Следовательно, убытки чаще всего определяют как ущерб или потери.

В свою очередь, понятие вреда является более общим. Из анализа ст. 1064 ГК РФ можно выделить следующие виды вреда: вред, причиняемый личности гражданина; вред, причиняемый имуществу гражданина; вред, причиняемый имуществу юридического лица. Таким образом, вред можно дифференцировать на имущественный и неимущественный. При причинении как имущественного, так и неимущественного вреда способом защиты гражданских прав может выступать возмещение убытков. Убытки делятся на реальный ущерб и упущенную выгоду. Следовательно, вред является одним из оснований наступления гражданско-правовой ответственности. Возмещение же убытков является способом защиты нарушенных гражданских прав. Ущерб (реальный ущерб) является разновидностью убытков. Эти понятия не следует

отождествлять, поскольку они несут в себе различную смысловую нагрузку. Понятия вреда и убытков не следует рассматривать как синонимичные.

Таким образом, в случае причинения **имущественного или неимущественного вреда гражданину или причинения имущественного вреда юридическому лицу**, независимо от основания причинения вреда, потерпевшее лицо вправе требовать возмещения убытков для восстановления нарушенных гражданских прав. Подобной позиции придерживается и судебная практика: «суд, ссылаясь на п. 2 ст. 15 ГК РФ, разъяснил, что убытки представляют собой негативные имущественные последствия, возникающие у лица вследствие **нарушения его личного неимущественного или имущественного права**» [5]. Данный способ защиты гражданских прав является наиболее универсальным, т. е. может применяться в любом случае нарушения гражданских прав.

Однако, несмотря на свой универсальный характер, восстановление нарушенных гражданских прав с помощью возмещения убытков, не является таким уж распространенным на практике. Это связано с тем, что на практике доказать убытки очень сложно. Суды признают универсальный характер этого способа защиты гражданских прав: «возмещение убытков — наиболее универсальный способ защиты субъективного гражданского права, который выражает основные признаки метода и функций гражданско-правового регулирования — компенсационность, эквивалентность, восстановление участников экономических отношений в имущественных правах и др.» [6] Однако для удовлетворения требований о возмещении убытков необходимо доказать четыре составляющих гражданско-правовой ответственности: «наступление вреда; противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между первым и вторым элементами; вину причинителя вреда» [7]. Недоказанность хотя бы одного из элементов состава правонарушения является достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков. Особые трудности возникают при доказывании упущенной выгоды: «по мнению суда, сославшегося на п. 2 ст. 15 ГК РФ, при исчислении размера неполученных доходов первостепенное значение имеет определение достоверности (реальности) тех доходов, которые потерпевшее лицо получило при обычных условиях гражданского оборота. Под обычными условиями оборота следует понимать типичные для него условия функционирования рынка, на которые не воздействуют непредвиденные обстоятельства либо обстоятельства, трактуемые в качестве непреодолимой силы» [8].

Для возмещения убытков потерпевшей стороне необходимо доказать, что ей был действительно причинен вред, размер вреда, противоправность действий причинителя вреда, наличие причинно-следственной связи между вредом и наступившими последствиями (вредом). Доказывать вину в действиях причинителя вреда не надо, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 401 ГК РФ отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Аналогичное правило предусмотрено п. 2 ст. 1064 ГК РФ: лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Таким образом, общие правила о распределении бремени доказывания в отношении вины причинителя вреда не действуют (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ). В данном случае действуют специальные нормы, предусмотренные ГК РФ. Что касается противоправности действий причинителя вреда в деликтных отношениях, то судебная практика также освобождает потерпевшее лицо от доказывания противоправности действий причинителя вреда: «Суд разъяснил, что нормы ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ не указывают на противоправность поведения причинителя вреда как на неперемное условие деликтной ответственности, но это подразумевается. Противоправность означает любое нарушение чужого субъективного (применительно к деликтным отношениям — абсолютного) права, причинившее вред, если иное не предусмотрено в законе. Обязательства из причинения вреда опираются на принцип генерального деликта, согласно чему каждому запрещено причинять вред имуществу или личности, и всякое причинение вреда другому является противоправным, если лицо не было управомочено нанести вред» [9]. Что касается неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, то действия лица, нарушившего условия договора являются противоправными, если иное не предусмотрено законом.

Таким образом, лицо, требующее возмещения убытков должно доказать причинение ему убытков, их размер, причинно-следственную связь между действиями причинителя вреда и наступившими последствиями. Отсутствие вины должен доказывать причинитель вреда.

В связи с тем, что на практике доказать причинение убытков оказывается довольно сложной задачей, этот способ защиты гражданских прав применяется не так часто. На это обращает внимание и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее — Концепция). Концепция подчеркивает, что особую сложность вызывает доказывание не только факта причинения убытков, но и их точного размера. Концепция предлагает ввести понятие «конкретных» и «абстрактных» убытков. Абстрактные убытки предусмотрены только в ст. 524 ГК РФ и применяются исключительно к договору поставки. Концепция предлагает ввести общие правила об исчислении и возмещении «абстрактных убытков». Также Концепция предлагает ввести статью, регулирующую возмещение убытков при прекращении договора:

- а) если нарушение должником договора повлекло его досрочное прекращение, и кредитор заключил иную сделку взамен прекращенного договора, он вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы, услуги по заменяющей его сделке;

- б) если кредитор не совершил заменяющей сделки, однако в отношении предусмотренного нарушенным договором исполнения имеется текущая цена на сопоставимые товары, работы, услуги, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой; текущей ценой признается цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы, услуги в месте, где должно было быть исполнено договорное обязательство, а при отсутствии текущей цены в указанном месте может быть использована текущая цена, применявшаяся в другом месте, которая может служить разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов;
- в) удовлетворение указанных требований не освобождает сторону, не исполнившую или ненадлежаще исполнившую обязательство, от возмещения на основании ст. 15 ГК иных убытков, причиненных другой стороне» [1]. Очевидно, что это и есть абстрактные убытки.

В законодательстве зарубежных стран различают гораздо больше разновидностей убытков. Например, в законодательстве США различают следующие виды убытков: компенсаторные, номинальные, штрафные, возмещение убытков в тройном размере, заранее оцененные убытки (аналог договорной неустойки за нарушение условий договора). Особый интерес представляют штрафные убытки, которые имеют целью наказать причинителя вреда, если он действовал умышленно, бессмысленно, вредоносно, мстительно или жестоко. Превышение суммы штрафных убытков в 526 раз над суммой компенсаторных убытков (аналог нашего реального ущерба) не является основанием для пересмотра решения суда. Конституционность взыскания штрафных убытков была подтверждена решениями Верховного суда США.

Таким образом, зарубежное законодательство исходит из необходимости восстановления нарушенных гражданских прав и возможности наказания причинителя вреда в случаях, если его поведение отличается недобросовестностью. Подобные нормы стоят на страже интересов участников гражданских правоотношений и призваны обеспечить нормальное течение гражданского оборота. Гражданское законодательство РФ предъявляет слишком строгие и порой невыполнимые требования к взысканию убытков. Это приводит к тому, что такой универсальный способ защиты гражданских прав порой становится неосуществимым на практике, а следовательно, права лица, которому причинен вред, остаются незащищенными. Для исправления сложившегося положения дел необходимо реформирование института возмещения убытков. В концепции развития гражданского законодательства предложены действенные способы исправления ситуации. Подобные изменения должны найти свое место в гражданском законодательстве РФ как можно скорее. Однако для увеличения эффективности института возмещения убытков, по моему мнению, необходимо перенять положительный опыт регулирования этого института, сложившийся во многих зарубежных странах. В качестве разновидности убытков можно ввести штрафные убытки, которые исчисляются в кратном размере к реальному ущербу и подлежат взысканию в случае умышленного, мстительного или жестокого поведения причинителя вреда.

Таким образом, возмещение убытков должно стать наиболее эффективным и наиболее распространенным способом защиты нарушенных гражданских прав, каким оно и предполагается в силу его универсального характера. Реализация положений Концепции развития гражданского законодательства на практике должно привести именно к такому результату и гарантировать потерпевшей стороне эффективную защиту ее нарушенных гражданских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий / Под ред. А.П. Сергеева. Проспект, 2010.
3. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006) // Статут, 2010.
4. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации // Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н. Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2009.
5. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.02.2010 г. по делу N A74-1188/2010 // КонсультантПлюс.
6. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.08.2010 г. по делу N A74-1188/2010 // КонсультантПлюс.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.08.2010 г по делу N A11-12155/2009 // КонсультантПлюс.
8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2010 г. по делу N A60-42904/2009 // КонсультантПлюс.
9. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.03.2010 г. по делу N A56-46309/2007 // КонсультантПлюс.

ПОНЯТИЕ ВЛАДЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

КАРНУШИН В.Е.

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: KarnushinV@yandex.ru

В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные с понятием владения гражданском кодексе РФ, концепции развития гражданского законодательства. Кратко проанализированы подходы к понятию владения в Германии и Франции. Раскрыта сущность владения в Концепции развития гражданского законодательства.

Ключевые слова: владение; держание; фактическое отношение; опосредованное владение; непосредственное владение.

This article defines some problems, connected with the definition of «possession» in the civil code of Russian Federation in the Conception of the development of civil law in Russia. Briefly reviewed the approaches to the concept of possession in Germany and France. Unveiled the essence of the possession in the Concept of civil law.

Keywords: possession; tenancy; the actual ratio; indirect possession; immediate possession.

Коды классификатора JEL: K11.

В настоящей статье категория владения рассматривается как отдельная правовая категория, что не позволяет трактовать ее в качестве одного из трех правомочий, входящих в право собственности.

Проблеме владения в российской цивилистической доктрине было уделено немало внимания, однако в настоящее время нормы о владении в Гражданском кодексе РФ практически неразвиты. Несмотря на восприятие нашим ГК норм из германского гражданского уложения, нормы о владении не нашли своего должного отражения в ГК РФ. В концепции развития гражданского законодательства РФ от 7 октября 2009 года [3] предлагается решить вопрос в пользу определения владения в качестве фактического отношения.

Для системного отражения сложившейся ситуации обратимся к зарубежным законодательствам для понимания того, из каких доктрин исходит Концепция. Так, в германском гражданском уложении [1] нормы о владении содержатся в третьей книге («Вещное право»), первый раздел которой посвящен именно владению. Отмеченное название важно тем, что оно имеет существенное значение и предполагает трактовку владения как института гражданского права, входящего в систему вещных прав. В первом параграфе первого раздела третьей книги ГГУ не содержится определения понятия владения, указывается лишь на то, как владение приобретается. Так, согласно п. 1 § 854 под названием «Приобретение владения», владение вещью приобретается достижением фактической власти над вещью. Во французском гражданском кодексе [5], построенном по институциональной схеме, ситуация иная — нормы о владении не находятся вместе с нормами о собственности, нормы о владении содержатся в Титуле 20 ФГК под названием «Давность и владение». Владению посвящена глава 2 титула 20 ФГК. Так, согласно ст. 2228 ФГК, владение есть обладание (держание) или пользование вещью, либо правом, если эта вещь находится в наших руках или если это право осуществляется нами лично, либо через посредство другого лица, у которого находится вещь или которое осуществляет право от нашего имени. Здесь, как видно, ситуация несколько иная: владение отождествляется с держанием или пользованием, причем возможно обладание или пользование субъективным правом. В таком случае сложно говорить о фактическом отношении, потому что обладание субъективным правом неизбежно приводит к существованию субъективных обязанностей у определенного или неопределенного круга лиц. Таким образом, владение правом в смысле ФГК превращается в правоотношение. Такое широкое понимание владения не воспринимается Концепцией развития гражданского законодательства РФ, в п. 1.2 раздела 4 которой сказано, что если изначально владение трактовать как право, то оно будет пересекаться со многими другими вещными правами.

В римском праве владение разграничивалось от держания. В основу этого деления был, прежде всего, положен волевой критерий. Так, при владении лицо обладало волей по отношению к определенной вещи. Психическое состояние лица было таково, что лицо, имеющее вещь воспринимало себя в положительном смысле — как господина над этой вещью. Например, не находясь в своем имении римский гражданин осознавал, что он владелец рабов, живших в доме этого гражданина. Держание же, в свою очередь, предполагало лишь натуральную пространственно-временную близость лица к определенной вещи. Оно не получало исковой защиты. Так, держателем был вор. Укрыв вещь, вор это понимал, у него не было осознания того, что это его вещь. С точки зрения объективной владение и держание получали разное политико-правовое регулирование в зависимости от потребностей римского государства и особенностей гражданско-правового оборота вещей. Таким образом, понятие владения и держания в субъективном (волевом смысле, изначально выдвинутом К.Ф. Савиньи) и объективном смысле (в зависимости от потребностей оборота, предложенным Р. Иерингом) не всегда совпадали. В настоящее время в Концепции предлагается избежать деления владения на опосредованное и непосредственное, а также предлагается отождествить держание и владение. С точки зрения практики в этом есть целесообразность. Однако в этом случае может появиться такого рода классификация, как, например, законное (основанное на определенном субъективном праве или титульное, придерживаясь римской терминологии) и незаконное (похожее на держание воров вещи в римском праве) владение. Следует отметить, что, исходя из содержания Концепции, можно сделать вывод о том, что Концепция отдаст предпочтение расположению норм о владении Германскому гражданскому уложению: владение располагается в качестве первого подраздела в разделе, посвященном вещным правам, что идентично третьей книге ГГУ. Однако Концепция развития гражданского законодательства достаточно уникальна в том, что предлагает отказ от деления владения на опосредованное и непосредственное. В ГГУ такое деление сохраняется § 868–872 ГГУ. Таким образом, Концепция продвинулась дальше других зарубежных законодательств в области закрепления владения исключительно как фактического отношения.

Ведь действительно, согласно § 868 ГГУ опосредованное владение понимается следующим образом: если лицо владеет вещью в качестве usufructuaria, залогодержателя, арендатора, нанимателя, хранителя или на основании иного подобного правоотношения, в силу которого оно вправе или обязано по отношению к другому лицу временно владеть определенной вещью, то последнее также является владельцем (опосредованное владение). Получается что, например, арендатор, владеющий помещением, находится в некой зависимости от собственника помещения, собственник же в свою очередь опосредует свое владение через арендатора. Так получается, что у вещи два владельца и здесь не важно то, какой критерий для понимания владения используется (то ли это волевой критерий, то ли это критерий потребностей оборота), важно лишь то, что у вещи признаются 2 владельца, что уже исключает понимание владения как чисто фактического отношения. Хотя, если взять предложенный пример, то владение как фактическое отношение есть только у арендатора. У арендодателя (собственника) всегда будет лишь психическое отношение к арендуемому помещению, он будет мыслить о том, что он обладает помещением.

Однако есть некоторые предложения в Концепции, которые позволяют подвергнуть сомнению всю стройность системы владения как фактического отношения. Так согласно 2 абзацу п. 1.2. раздела 4 Концепции, в ГК «владение должно быть определено как господство над вещью. При этом следует установить, что владение сохраняется, пока владелец, утративший владение, принимает меры по его защите. Владение также не прерывается при универсальном правопреемстве в отношении вещи». Из изложенного положения не ясно, как владелец может утратить владение вообще, понимая владение исключительно как фактическое отношение. Это своего рода закрепление волевого критерия, так владелец, хотя и будучи пространственно отстранен от вещи, мыслит о том, что он господин над вещью. Отношение владельца к обладаемой им вещи происходит идеально — в мыслях самого владельца в таком случае. То есть владелец (в своем собственном понимании) принимает меры по защите или восстановлению своего фактического владения, осознавая, что он владелец. Такое положение высказано А.В. Германовым В работе «От пользования к владению и вещному праву», так, автор утверждает: «Исследованию такого явления, как владение, необходимо предпослать одно элементарное напоминание о том, что человек не только мыслит образами, но и генерирует их. Из этого простого положения вытекает одно важное в методологическом отношении правило, заключающееся в том, что всегда нужно различать владение как физическое и психологическое состояние, т.е. состояние фактического отношения к вещи как предмету обладания, от тех юридических последствий, которые вытекают из такого состояния, и тех правил, которые общественная власть устанавливает в целях юридической защиты этого состояния, иными словами, различать то, что еще греки обозначили как различие между явлениями природными и явлениями правовыми»[2].

Однако это уже не просто фактическое отношение. Отношения по защите владения всегда носят характер правоотношений. Таким образом, законодатель принимает очередную правовую фикцию — владение сохраняется пока владелец, утративший владение, принимает меры по его защите. Это, очевидно, будет иметь очень важный практический смысл.

В настоящее время владение не понимается исключительно как фактическое отношение. Что касается защиты владения в данном случае, то, например, встречаются иски об истребовании акций из чужого

незаконного владения, например, в деле № А01-2497-2004-5/1405-2005-12 [6]. Но ведь акция представляет собой бездокументарную ценную бумагу, которая лишь наделяет лицо, за которым она закреплена, определенными имущественными и организационными правами. Дело в том, что в настоящее время используется терминология об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Так, в ст. 301 ГК РФ говорится: собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Категория «имущество» законодательно, согласно ст. 128 ГК РФ, включает в себя категорию «имущественные права», сложно представить себе фактическое отношение, заключающееся во «владении субъективным правом», потому что субъективное право вообще нельзя осязать, его можно только мыслить. Судебная практика сужает формулировку ст. 301 ГК РФ и говорит об истребовании вещи из чужого незаконного владения. Так, в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 20.09.2010 по делу № А32-12642/2009 [7], суд, ссылаясь на ст. 301 ГК РФ, разъяснил, что виндикационный иск представляет собой требование не владеющего вещью собственника к владеющему вещью лицу, не являющемуся собственником. Целью предъявления такого иска является возврат конкретной вещи во владение лицу, доказавшему свои права на истребуемое имущество.

Следует отметить, что согласно п. 3.2 раздела 2 Концепции предлагается применять правила о вещах к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам, если иное не будет вытекать из специальных нормативных актов и существа этих объектов.

Как видно в настоящее время, категория самостоятельного владения не является законной, владение понимается как правомочие, входящее в состав права собственности. Даже на бытовом уровне «Владение (фактическое обладание) — расположение вещи, затрудняющее пользование ею всеми людьми, кроме владельца, одно из правомочий собственности, позволяющее отчуждать вещь у всех, кроме владельца» [8].

Полное определение владения дал К. Ф. Савиньи: «В основе всех дефиниций владения, как бы они ни отличались друг от друга по выражению и по сути, лежит нечто общее, из чего должно исходить любое исследование этого понятия. Все понимают под владением какой-то вещью состояние, в котором не только возможно собственное физическое воздействие на вещь, но любое чужое воздействие может быть устранено. Так владеет лодочник своей лодкой, а не водой, по которой он плывет, несмотря на то, что он в своих целях пользуется и тем и другим» [4]. Хотя именно гений Савиньи увидел во владении волевою и физическую составляющую, тем не менее это полное определение владения не полностью согласуется с Концепцией.

Поскольку Концепция предлагает отождествить понятия владения и держания, то придется признать, что в будущем владение будет пониматься как держание в цивилистической доктрине со времен К.Ф. Савиньи. Введение этих положений в закон может положить конец спорам о том, что такое владение. В отличие от всякого права, выражающего и регулирующего отношения между людьми, владение будет выражать физическое отношение лица к вещи. Введение же указанной выше правовой фикции не может служить поводом для признания существования «психического (идеального) владения», а является просто своего рода практическим приемом так же, как и любая фикция, исполняющим свою основную функцию — удовлетворять потребности практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергманн В. Германское гражданское уложение. Волтерс Клувер, 2008.
2. Германов А.В. От пользования к владению и вещному праву. М.: Статут, 2009.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.
4. Савиньи Ф.К. Обязательственное право. СПб., 2004.
5. Французский гражданский кодекс. Учебно-практический комментарий. Проспект, 2008.
7. Карточка дела. Высший Арбитражный суд Российской Федерации // Интернет ресурс: <http://kad.arbitr.ru/?id=fcd7327a-4997-4c4c-8653-61f5b4666240>.
6. Карточка дела. Высший Арбитражный суд Российской Федерации // Интернет ресурс: <http://kad.arbitr.ru/?id=1dc275ac-c123-4d3d-8128-78f810ca6228>.
8. Электронная энциклопедия Википедия // Интернет ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

ВЗДОРОВА Л.П.

соискатель,
Южный федеральный университет,
e-mail: lv251287@yandex.ru

Рассмотрено современное состояние процессуальной самостоятельности следователя, обоснована необходимость совершенствования правовых гарантий следственной деятельности.

Ключевые слова: следователь; правовые гарантии; процессуальная самостоятельность.

The modern state of judicial independence of investigator is considered. The necessity of perfection of legal guarantees of investigation activity.

Keywords: investigator; legal safeguards; procedural autonomy.

Коды классификатора JEL: К 41.

Правовое положение следователя в отечественном уголовном процессе во многом связано с решением проблемы его процессуальной самостоятельности. В связи с этим особую актуальность имеет исследование современного состояния процессуальной самостоятельности следователя и разработка предложений, направленных на усовершенствование правовых гарантий следственной деятельности.

Впервые понятие процессуальной самостоятельности следователя было затронуто в заключении Европейского суда по правам человека в деле «Скоогстрем против Швеции» (1984) и «Хубер против Швейцарии» (1990), в которых подчеркивалось, что следователь является «искателем истины», он не должен одновременно и исполнять роль обвинителя, и исследовать все обстоятельства, касающиеся совершенного преступления [3, с. 29].

В законодательстве России не содержится определения процессуальной самостоятельности следователя, однако наука уголовного права и процесса это понятие использует достаточно широко.

Вопросы процессуальной самостоятельности следователя и их обеспечение в юридической науке изучали российские процессуалисты, такие, как С. Н. Хорьяков, О.А. Косимов, В.Ю. Мельников.

В работах авторов под процессуальной самостоятельностью понимается положение уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которым следователь самостоятельно принимает решения, связанные с направлением следствия и производством различных следственных действий (кроме тех случаев, когда необходимо получение согласия прокурора или его санкции), а также несет ответственность за их осуществление.

В понятие процессуальной самостоятельности следователя авторы включают целый ряд правомочий, таких, как право следователя, оценивать доказательства, исходя из своего внутреннего убеждения, которое основано на объективном, полном и всестороннем исследовании всех обстоятельств дела [1, с.31], право следователя отказаться от выполнения распоряжений прокурора и указаний начальника следственного отдела [5, с. 73], право давать поручения, связанные с проведением следственных и розыскных действий органам дознания [2, с. 76]. Право оказывать воздействие на процессуальную деятельность следователя закреплено только за прокурором и начальником следственного отдела, которые отдают следователю письменные распоряжения и указания о производстве следствия. В свою очередь, следователь имеет право на отстаивание своей позиции, которое касается основных решений, принимаемых по делу, и при этом высказывать свое мнение.

С точки зрения Г.С. Горшковой [4, с. 151], процессуальная самостоятельность следователя рассматривается как существенный элемент, характеризующий его статус, состоящий в праве принимать самостоятельно все решения, связанные с направлением следствия и проведением следственных действий, и в несении ответственности за их выполнение. В УПК РФ предусмотрено, что все решения, касающиеся направления следствия и осуществления следственных действий, следователь принимает самостоятельно [8].

В научной литературе используются как равнозначные понятия — «процессуальная самостоятельность» и «процессуальная независимость» следователя. При характеристике «независимости» следовате-

ля особое внимание обращается на необходимость обеспечения ему определенной сферы независимости для решения задач предварительного следствия.

Однако следователь не осуществляет обвинение как уголовно-процессуальную функцию в полном значении этого слова. В этой связи стоит обратить внимание на точку зрения ученого-процессуалиста М. С. Строговича, который выделял несколько значений данной функции. Среди них к деятельности следователя была отнесена деятельность органа или лица, которое обвиняет и разоблачает определенное лицо, совершившее преступление [7, с. 190]. По мнению А. М. Ларина, такая деятельность следователя относится к функции уголовного преследования — процессуальной деятельности, направленной на доказывание виновности определенного лица, которая состоит в формировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом преступления [6, с. 25, 38].

С.А. Шейфер при исследовании общих условий предварительного следствия выделяет процессуальную самостоятельность следователя и его взаимоотношения с прокурором [9, с. 22].

Другие авторы относят процессуальную самостоятельность следователя к специфическим принципам досудебного расследования, которые являются наиболее общими правовыми положениями и выражают специфические, сущностные черты и особенности стадии досудебного расследования. Разграничение специфических принципов и общих условий досудебного расследования необходимо для совершенствования уголовно-процессуального регулирования производства на стадии досудебного расследования. Процессуальная самостоятельность следователя должна рассматриваться как принцип уголовного судопроизводства, как основа для процессуальных действий следователя в уголовном процессе. Этот принцип должен раскрываться в частных нормах закона, стать предпосылкой для регулирования производства по уголовным делам и специфики правового положения следователя как участника процесса, являться основой для развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Так, в УПК целесообразно отдельно закрепить принцип процессуальной самостоятельности следователя, а также предусмотреть отдельную статью, регламентирующую общие условия и разграничение полномочий следователя, начальника следственного органа и прокурора на стадии досудебного расследования.

Вместе с тем, следует обратить внимание на выделение в деятельности следователя более конкретных задач гносеологического (познавательного), криминального, профилактического, процессуально гарантийного, а также, оценивающего характера, которые обусловлены целью следственной деятельности, которая заключается в подготовке материалов уголовного дела для рассмотрения в суде, с целью вынесения обвинительного приговора.

Процессуальная самостоятельность следователя рассматривается как необходимая гарантия достижения задач, которые стоят перед следователем, а, следовательно, и задач уголовного процесса, которые направлены на защиту интересов граждан и организаций.

Процессуальную самостоятельность следователя нельзя понимать так, что исключительно он несет ответственность за ход расследования, поскольку значительная часть ответственности возлагается на прокурора. Ведь именно прокурор как сторона обвинения отвечает за результаты расследования во время поддержания государственного обвинения в суде, и кто, как не он, заинтересованный в надлежащем проведении досудебного следствия.

Однако в отдельных случаях, закон предусматривает, что следователь обязан процессуально выразить свое мнение в отношении имеющихся по делу доказательств.

При принятии решения, связанного с проведением следственных и иных действий процессуального характера, следователь имеет полномочия по установлению даты и времени производства того либо иного действия, по определению круга лиц, которые будут принимать участие в его проведении, а также при наличии оснований применять меры, связанные с процессуальным принуждением, которые необходимы для проведения предварительного следствия. Следователь не может дать поручение о проведении розыскных мероприятий, за исключением тех, которые предусмотрены ст. 5 Федерального Закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и указывать, какие конкретные доказательства будут получены в результате выполнения органом дознания данного поручения. Если производство процессуальных действий осуществляется следователем по указанию прокурора, то ответственность за законность и обоснованность этих действий должна быть возложена на прокурора. Следователь в свою очередь может обжаловать данные указания.

Изучение материалов уголовных дел показывает, что основания возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования прокурором и руководителем следственного органа практически одинаковы: неправильная квалификация действий обвиняемых, необходимость изменения объема обвинения, пересоставления обвинительного заключения и т.д.

Следователи практически не используют право на обжалование указаний, полученных от начальника следственного отдела, что обусловлено административной зависимостью следователя от начальника следственного отдела.

Таким образом, принцип процессуальной самостоятельности следователя является существенной и необходимой гарантией для достижения задач уголовного судопроизводства, направленных на защиту

интересов лиц и организаций. Его практическое претворение в жизнь будет служить важным средством обеспечения соблюдения законности в следственной деятельности.

В аспекте определения процессуальной самостоятельности следователя заслуживает внимания предложение о разработке нормативного акта, регулирующего статус, процессуальные и социальные гарантии следователей, в котором бы нашли отражения вопросы независимости и самостоятельности следователя, в частности:

- а) установление порядка назначения следователей, привлечения их к дисциплинарной ответственности и освобождения от должности;
- б) четкая процедура досудебного следствия;
- в) ответственность за незаконное вмешательство в процессуальную деятельность следователей;
- г) ответственность за неуважение к следователю;
- д) создание необходимых организационно-технических и информационных условий для деятельности;
- е) материальное и социальное обеспечение следователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоцерковский Д.А. Еще раз к вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Юристъ-Правоведъ. № 5. Ростов н/Д. Рост. юрид. ин-та МВД России, 2010. С. 49–52.
2. Бычков В.М. Процессуальная самостоятельность следователя // Уголовный процесс. № 5. Москва. Арбитражная практика, 2008. С. 4–43.
3. Гомиен Д. Путеводитель по Европейской конвенции по правам человека. Совет Европы. Осло, 2000.
4. Горшкова Г.С. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Актуальные проблемы развития государства и права в современных условиях. Сборник научных трудов. Пермь: Изд. Перм. гос. ун-та, 2008. С. 151–163.
5. Косимов О.А. Правовые основы взаимодействия следователя с органами дознания // Российский следователь. № 23. М.: Юрист, 2010. С. 2–5.
6. Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М.: Наука, 1985.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Парламентская газета, 22.12.2001. № 241–242.
9. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Изд. «Юрлитинформ», 2004.

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Grosheva T.A. Economic and social stabilizers in the period of economic growth in Russia	7
Mirzoyan V.A. The meaning of work and the problem of motivation	15
Ivanova N.E. Development of new institutional forms of innovation activity in Russia	20
Aylarova Z.A. Cognitive categorization of firm's functioning competitive advantageous source	24
Dolya V.E. Effective corruption as a tool to ensure a stable position of Russian companies on the market.	29
Morgoev B.S. Nanotechnology way as an object economic-theoretical analysis	34

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE

Kapelist E.I. Problems in the sphere of terminological basis to use in the system of internal control and audit and the ways of their solving	38
Sorokina O.G. Formation of professional competences of experts of large sectorial corporations on the basis of the knowledge management concept (based on example of open society «the Russian railways»)	42
Lavrent'ev V.V. Social and economic essence of small and medium business retracted 22.09.23	47
Gluschenko P.V. Information technology in the economy: actual aspects of the formation and use of electronic document management systems in management.	51
Pavlenko N.V. Problems of increasing the effectiveness of participants bakery mesocomplexes	56
Ipp S.L. Modernization of environmental policy when technological innovation is endogenous	60
Suvorova E.S., Zaykov V.P. Main purpose factors methodological background of formation of the state of regional policy for recreation zones at the present stage	67
Deruzhinskaya M.P. Methodological aspects of credit rating of an enterprise	71
Selivanova A.G. Development of the Russian autodealerships as economic subjects of the services market	76
Schipanov E.Yu. On necessity of the criterion formalization for determination of regulating production conditions in agriculture	80
Belobrov P.V. New sides of the acceptance theory of administrative decisions on the basis of using methods of the cause and effect theory	85
Koblev R.M. The management improvement of competitive advantages in sanatoriums and resort business	88

REGIONAL ECONOMY PROBLEMS

Sharaeva E.O. Regional policy as a factor in the effective economic reform.	93
Ionov N.Yu. System of risk-management modernization of commercial banks	97
Levchenko S.V. The structure of the functional and resource providing of management transformational processes of regional economic system	102
Papshuov A.A. Land and property system as the form resource use in agro-ecological subsystem of the region the example of Karachay-Cherkessia.	106
Vasilenko D.M. Development prospects for the market of bank services in Stavropol region	110
Wilczynskaya O.V., Khrabrov E.A., Gusev E.A. Sustainable and integrated socio-economic development: state, region, municipalities.	114
Saiev Z.A. Problems of social sphere of the Chechen Republic (in the example implementation of the priority national project «Education» and «Health»)	120
Alieva E.M. The cluster approach as a tool for restructuring manufacturing sectors of the economy of the Chechen Republic	125

Petrova E.M. Evaluation and comparison of the socio-economic development of municipalities	129
Ismailov A.S. The role of social factor in economic development of Russia's regions	134

TRENDS IN WORLD ECONOMIC DEVELOPMENT

Stasev M.A. Some Techniques of Protecting Russian National Interest in External Markets	138
Solonina S.V., Romashenko O.V. Institutional paradigm transformation of British financial system in post-crisis development of the world economy.	144
Abadi Mohamed M. Small economies in a globalizing world	148

PROBLEMS OF EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT

Zakaryeva Z.M. Integration processes in the system of «science plus education»	152
---	-----

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LAW

Ganitchev I.V. Peculiarities of the Regional Rule-Making Regulating the Ecological Legal Relationship (Example of Rostov Region).	156
Bykina M.V. The problems of the recovery of damages in the civil law of the Russian Federation	160
Karnushin V.E. The concept of ownership in the Concept of civil law	163
Vzdorova L.P. Process independent investigator	166

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

2011

Том 9

Номер 1

Часть 3

Сдано в набор 25.02.2011. Подписано в печать 5.03.2011
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif
Печать офсетная. Усл. п. л. 18.60. Уч.-изд. л. 12,74
Тираж 558 экз. Заказ № с. 167

Издательство «Наука-Спектр»
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8
Т. 8(863)269-09-71

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии